

БАРНАУЛ

литературный

**Наша
Победа**

#1 /1/ май 2010

Уважаемые барнаульцы!

Я рад представить вашему вниманию первый номер нового городского журнала «Барнаул литературный». Наш город всегда был богат талантами, недаром еще в девятнадцатом веке его назвали «Сибирскими Афинами». И сегодня в Барнауле плодотворно работают писатели, художники, музыканты старшего поколения, подрастает немало талантливой молодежи.

В нашем городе бережно сохраняются традиции горного города, «маленького Санкт-Петербурга», одной из купеческих столиц Сибири, крупнейшего индустриального центра страны. Особое отношение барнаульцы сохраняют к истории города в годы Великой Отечественной войны. На этих примерах воспитывается молодое поколение горожан.

Новый журнал должен стать символом сохранения и преумножения традиций современным поколением. Надеюсь, что он сможет аккумулировать все интересное, позитивное, что создается в культурной среде и представлять это городскому сообществу.

«Барнаул литературный» позволит жителям нашего города регулярно знакомиться с лучшими произведениями талантливых барнаульцев. Особое внимание редакция намерена уделять творческой молодежи, которой необходим выход "в свет".

Знаменательно, что первый номер журнала выходит в канун 65-летия Великой Победы.

Желаю успеха новому начинанию и выражаю надежду, что «Барнаул литературный» суждена долгая, плодотворная жизнь на благо культуры нашего города и всех барнаульцев!

Глава г.Барнаула
Владимир Колганов

Редакционный совет

Б.А. Черниченко
(председатель совета)
А.Н. Вайс
М.В. Гундарин
(главный редактор)
В.В. Десятов
М.К. Зимогор
Л.Н. Зубович
И.П. Кудинов
В.М. Лопаткин
С.А. Мансков
В.Г. Паршков
Ю.С. Ряполов
А.В. Старцев
М.И. Юдалевич

Учредитель: Автономное учреждение города Барнаул «Редакция газеты «Вечерний Барнаул»
Директор: Овиденко Юрий Николаевич.

Главный редактор: Гундарин Михаил Вячеславович.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Св-во о регистрации ПИ № ТУ 22-0174 от 14 апреля 2010 г.

Информационное издание.
Тираж 1500 экз. Дата выхода:

6.05.10 № 1

Цена свободная

Адрес редакции и издателя: г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Журнал отпечатан на полиграфическом комбинате «Сибирь»: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Комсомольский, 124

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Любая перепечатка или копирование рекламных материалов возможны только по предварительному согласованию с редакцией журнала. Рукописи не возвращаются и не рецензируются

БАРНАУЛ

литературный

БЕСЕДА	
Марк Юдалевич: «На войне я стал поэтом»	2
Марк Юдалевич. Стихи о войне	5
ПРОЗА	
Игорь Мызников «Шалакушка»	6
Геннадий Крупин. День рождения	9
ПОЭЗИЯ	
Поэты 60-х: Павел Маштаков, Геннадий Володин, Георгий Кондаков, Михаил Длуговский, Александр Садыков	15
ПРОЗА	
Владислав Пасечник.	
Роза	17
История из жизни солдата Максима Курипка	19
ПОЭЗИЯ	
Глазами нового поколения:	
Саша Егорова, Алексей Иванов, Александр Шаклеев, Константин Гришин, Светлана Милованова	23
ОЧЕРК	
Константин Сомов. По нормам военного времени	25
ПУБЛИКАЦИИ	
Алла Истомина. «Есть люди самые дорогие...»	45
НАШЕ НАСЛЕДИЕ	
Дмитрий Золотарев. Автор «Окон РОСТа» на Алтае	48
ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ГОРОДА	
Его дивизия ворвалась в Берлин первой	51
Награда не нашла героя дважды	52
Скромный герой Василий Тимофеевич Христенко	53
«Родина-мать» на Мамаевом кургане родом из Барнаула	55
Танк у «Мира»	55
ПОЭЗИЯ	
Фарида Габдраупова. «Мы раздали не все дары....»	56
ГОСТЬ НОМЕРА	
Захар Прилепин. Сержант	61
КОНКУРС	
Университетские дебютанты: Елизавета Григорьева, Константин Гришин, Анна Негреева, Анастасия Кретинина	77
ГУМАНИТАРИИ БАРНАУЛА	
Виктория Дубровская. «Отцовский текст» Владимира Башунова	78
КНИЖНЫЙ ОБЗОР	
Барнаульская плеяда (о книгах «Забывтый полк», Голоса Сибири. Альманах, вып. 10, Е. Гешелина «Антисобытие», Н. Митягина «Прыжок в пустоту по серебряной нити», Т. Баймундузова «Стихотворения»)	82
ВЫСТАВКИ	
Дмитрий Золотарев. Мостик из будущего	88

Перед выходом первого номера «Барнаула литературного» мы встретились с одним из самых известных писателей города и края – Марком Иосифовичем Юдалевичем. Фронтовиком, одним из организаторов Алтайской писательской организации, журналов «Алтай» и «Барнаул». В 91 год наш патриарх не только охотно вспоминает о былом, но и следит за современной литературой (на рабочем столе в его квартире недалеко от площади Октября, в частности, лежат романы модного Павла Астахова).

Марк Юдалевич: «На войне я стал поэтом»

На фронте стихи были востребованы

- Марк Иосифович, в нынешнем году мы отмечаем уже 65-летний юбилей Великой Победы. А Вы помните самый первый день войны?

- Конечно! Думаю, никто из воевавших его никогда не забудет! Как только прозвучало обращение Молотова к народу, я бегом бросился в военкомат – записываться добровольцем. В то время я, закончив Омский пединститут, преподавал там литературу. Без хвастовства могу сказать, что меня приходили слушать даже студенты других факультетов, сами преподаватели... Я имел, как и все преподаватели, бронь. Плюс ко всему у меня тогда было слабое здоровье, (*смеется*) кто же мог подумать, что доживу до 90 с лишним лет!

- Возможно, сегодняшней молодежи покажется странным желание людей Вашего поколения, интеллигентов, да и людей всех сословий уйти на фронт во что бы то ни стало...

- Я не мог себе представить жизни в тылу, когда идет такая война. У меня было слабое зрение, я выучил таблицу, и когда женщина-окулист стала показывать указкой, ответил все от и до. А она показывает на строчку выше – и я понимаю, что все, попался... Поэтому так прямо и сказал: «У вас, наверное, уже кто-то на фронте». Она отвечает: «Да, многие».

Я говорю: «Ну а как же я могу оставаться в тылу? Посудите сами!» Вот так и уговорил... Пошел добровольцем - рядовым, очутился в пехоте, видел многое, но о своем решении ни разу не пожалел.

- Правда ли, что именно на фронте Вы стали писать стихи «по-настоящему», всерьез?

- Я писал еще со студенческой скамьи, у нас там были отличные ребята. Филологи, поэты... Практически все погибли на войне, я потом написал об этом в мемуарах. Но все-таки я могу сказать, что поэтом меня сделал фронт. Я много печатался в фронтовых газетах, а потом, уже после ранения, стал военным корреспондентом.

- А были ли на фронте ценители стихов?

- Стихи на передовой были востребованы. Бойцы до дыр зачитывали, например, «Красную звезду», где публиковался «Василий Теркин» Александра Твардовского, замечательные стихи Константина Симонова. Я с ними обоими после войны был хорошо знаком, мы вспоминали, как остро, благодарно реагировали на стихи читатели-фронтовики. Твардовский по характеру был более открытым, простым, а вот Симонов держался немного отчужденно, как большой интеллект.

- Мы знаем, что и Вы пошли по стопам Твардовского, создав своего персонажа, также ставшего популярным среди бойцов.

- Да, у меня был персонаж Иван Боек. Он был по званию старше Теркина — старшина! Но я над ним подсмеивался, изображал с добрым юмором. Много написал таких стихов. Для примера: название одного из них «Старшина Иван Боек получал сухой паек». А вообще должность старшины на фронте была очень важной. От него зависело, с каким настроением бойцы пойдут в атаку, будут ли сыты, обеспечены обмундированием... Простые бойцы этого моего старшину полюбили, писали письма в нашу газету, критиковали его, прямо как живого человека, давали какие-то советы. Было приятно, конечно. Но и серьезные стихи у меня писались. Именно из них в основном я и

НАША СПРАВКА

Марк Иосифович Юдалевич родился 9 ноября 1918 года в городе Боготоле Красноярского края, среднюю школу закончил в Барнауле. После окончания Омского педагогического института оставлен при кафедре для преподавания литературы. В 1941-м ушел добровольцем на фронт, начав службу рядовым пехотинцем. Писал и до войны, но первые стихи опубликовал в военных газетах. Они составили основу его первой книги — «Друзьям», вышедшей в послевоенном Барнауле. Всего Юдалевич выпустил более 60 книг. Среди них поэмы («Молчана», «Крутояры»), повести («Пятый год», «Голубая дама», «Купцы», «Антонов огонь»), пьесы («Так добывалась правда», «Ползунов» - в стихах), романы («Адмиральский час» - об Александре Колчаке, «По наклонной плоскости»). Пьесы Марка Юдалевича в разные годы ставились в театрах Алтайского края, Новосибирска, Томска, Перми. Юдалевич стоял у истоков первого литературного периодического издания в крае - альманаха «Алтай» (1947). Был инициатором издания и первым редактором журнала «Барнаул» (1993).

Почетный гражданин Алтайского края и города Барнаула. Заслуженный работник культуры России. Награжден многими орденами и медалями, лауреат многочисленных литературных премий.

собрал свою первую книжку «Друзьям». Она вышла в 1948 году в Барнауле, куда я приехал после войны да так и остался на всю жизнь. И не жалею! Это замечательный город.

Журналу равно нужны и авторы, и читатели

- *Вы стояли у истоков первого в крае литературного издания — альманаха «Алтай».*

- Это было больше 60-ти лет назад. После войны в Барнауле собралось много бывших фронтовиков, занимавшихся литературой. Им нужно было печататься, да и читатели были, газетных публикаций не хватало. Вот мы и начали «пробивать» свое издание в крайкоме. Сначала альманах «Алтай» выходил всего лишь раз в год, зато был в твердой обложке. Конечно, места всем не хватало, и постепенно мы добились, чтобы альманах превратился в журнал, увеличилась его периодичность.

- *Марк Иосифович, Вы были не только одним из первых редакторов журнала «Алтай», но и основателем и первым редактором литературно-публицистического журнала «Барнаул». Как появилась идея выпускать в нашем городе еще одно литературное издание?*

- Первый номер «Барнаула» вышел в 1993 году. Тогда обострилась ситуация внутри местной писательской организации. Наметилось взаимное непонимание между тогдашней редакцией журнала «Алтай» и некоторыми местными авторами. Этим авторам по разным причинам отказывались печатать в «Алтае». В результате появилась идея издавать еще один литературный журнал. Им и стал «Барнаул». На его страницах были опубликованы произведения Ивана Кудинова, Льва Квина, Владимира Свинцова, стихи Надежды Балакиревой, Натальи Николенковой и многих других. Мы стали активно печатать молодых авторов, почти в каждом номере были дебютанты. Большое значение в «Барнауле» предавалось публицистическому, историко-архивному отделу и отделу критики. Здесь появлялись остро публицистические статьи на злобу дня, изыскания из истории Барнаула, а также рецензии на

все интересные новинки стихов и прозы местных авторов.

- *Сложно было издавать новый журнал, с какими трудностями Вам пришлось столкнуться?*

- Да, это были нелегкие времена: 1993 год, экономический кризис, инфляция, безработица, депрессия. Предприятия стояли, а специалисты, врачи, педагоги, инженеры, превратились в «челноков» и торговали турецким и китайским ширпотребом на базаре. И вдруг посреди всего этого - мы со своей идеей нового литературного журнала! Естественно, было трудно, иногда просто руки опускались. Это было время сплошных взаимозачетов. Часто приходилось выстраивать такие сложные схемы, чтобы взаимозачетом, отдав, например, несколько тонн угля, получить нужное количество бумаги для очередного номера. Однако мы умудрялись не только вовремя выходить, но еще и платить авторам гонорары.

- *Что нужно для того, чтобы литературный журнал стал успешным и востребованным?*

- В первую очередь журнал должен делать коллектив единомышленников. Нужно собрать вокруг него людей интересных, творческих, активных и действительно любящих литературу. Обязательно наладить контакты со всеми талантливыми местными авторами и не бояться просить их написать что-то именно для вашего журнала. Одна из задач журнала - отражать текущий литературный процесс, фиксировать его, анализировать, что сейчас происходит в литературе? То есть журнал должен быть современным, интересным сегодняшнему читателю, а его публикации вызывать живейший отклик, споры и дискуссии. Очень важно сформировать вокруг журнала актив из его постоянных авторов и просто друзей.

- *Марк Иосифович, Ваши пожелания «Барнаулу литературному».*

- Желая побольше талантливых произведений, преданных авторов и постоянных читателей. Такой журнал очень нужен нашему городу!

СТИХИ О ВОЙНЕ

Марк
Юдалевич

Начало

Я помню самое начало –
июньский день и тишина,
и даже радио молчало...
И вдруг – война.
И все в ее тяжелой власти,
и ей одной подчинено,
и все на свете на две части
июньским днем разделено:
что было до него и после.
И горизонт горел в крови,
и далеко во чистом поле
кипели первые бои.
И как удары ножевые,
каким до сердца путь прямой,
врывались в глубину России
бумаги черные с каймой.
И город наш под летним небом
стоял суров и небогат.
Стояла очередь за хлебом
и очередь в военкомат.

Солдатский путь

Товарищ, не забудешь ты
тот день холодный и туманный,
тот бой у энской высоты
над тихой речкой безымянной.
Мы шли вперед, лицом к врагу,
и кто-то первый, пулей узнан,
упал на хмуром берегу,
к земле прижавшись заскорузлой.
И кто-то, землю кровеня,
весь мир крестя солдатским матом,
все полз на линию огня
с протяжелевшим автоматом.
И кто-то, на колени встав,
от лютой боли весь зеленый,
отдал, как требует устав,
вперед идущему патроны.
И кто-то крикнул:
– Не могу!
Друзья, не поминайте лихом.
Мы шли вперед, лицом к врагу,
над безымянной речкой тихой.

У барнаульского мемориала

Я трепетно читаю имена.
Вот сверстники.
Я здесь встречаюсь с ними.
Война, война, оставила она
моих годков навечно молодыми.
Кто был на ней, на той войне большой,
тот знает – пусть не писано
в уставах –
как часто гибли чистые душой,
как в самых лучших целил
град кровавый.
Ведь лучшие извечно рвутся в бой,
и под огнем стоят, как будто кряжи,
готовые принять любую боль,
плечо подставить под любую
тяжесть.
Вокруг сверканье вечного огня,
волнует ветер золотое пламя,
колышет, рвет... Пусть будет у меня
о прошлом так же беспокойна
память.
Пусть будоражит, воскрешает пусть
дороги, переправы, пепелища.
Пусть не щадит, пускай
наводит грусть,
но делает отзывчивее, чище.
Пускай хранит окопные черты
святого братства –
нашего богатства
и ограждает пусть от пустоты
и прочего душевного балласта.
...Я трепетно читаю имена,
вот сверстники.
Я здесь встречаюсь с ними.
Война, война! Оставила она
моих годков навечно молодыми.

«Наша Великая Победа» - так назывался литературно-художественный конкурс, который организовал и провел Алтайский дом литераторов. На конкурс в честь юбилея Победы поступило 217 прозаических и поэтических рукописей, 155 рисунков учащихся краевых детско-художественных школ. География конкурса также впечатлила. Почта приносила рукописи из Москвы, Екатеринбурга, Ленинградской, Кировской, Тюменской областей... В числе победителей конкурса барнаульцы Игорь Мызников и Геннадий Крупин, новички в литературе. Причем Геннадий Васильевич Крупин сам воевал, был гвардии рядовым... Он пишет в предисловии к своему рассказу: «Сможет ли солдат когда-нибудь позабыть о войне? Мне кажется, нет. Разве забудешь смерть? Разве забудешь солдатскую дружбу?... Солдат только и жив на войне солдатской дружбой...»

Игорь
Мызников

«Шалкушка»

Я был молод. Зима катила последние месяцы 1961-го, Гагаринского года. Газеты пестрели упоением подвигов трудовых и космических. Колхоз имени Шевченко, в котором я работал после окончания семилетки, находился тогда на излете славы, принесенной ему странным для нас, деревенских, председателем Виктором Михайловичем и богатым на хлеб и ордена 1956 годом. Старый колхозный клуб разваливался, не вынеся ежевечерних киносеансов и самодеятельных постановок гоголевских пьес. Правление колхоза приняло решение после вспашки зяби отправить в бор за строевым лесом для нового клуба мужиков и решить таким образом культурную часть сельской жизни.

В первые дни декабря десяток гусеничных тракторов с санями длинной вереницей потянулся за околицу по чуть заметной переметенной кое-где колее к едва видимому на горизонте леску. Лесок этот звался «Хмелевый», то ли из-за гирлянд дикого хмеля, в изобилии росшего в нем, то ли из-за того, что в нем каждое лето праздновали отсечную и жестоко напивались все окрестные жители. За Хмелевым была соседняя деревня с магазином. Это была настоящая приманка для вырвавшихся из дома мужиков, забывших о вкусе водки за долгую уборочную под зорким оком неумолимого и короткого на расправу председателя колхоза. Трактора ходко бежали к лесу и дым сгоревшего топлива в безветренном морозном воздухе сплетался в один пышный пароходный шлейф. В те дивные давние времена моей молодости печек в тракторах не было и прицепщику, которым тогда пришлось мне быть, согреться можно было одним лишь нехитрым способом — бежать за трактором, перед ним или сбоку. Это я и делал время от времени, забавляя, как мне тогда казалось, старых сорокалетних трактористов. Магазин в соседней деревне разочаровал. Там, по злему ли стовору их председателя с нашим, то ли из-за ротозейства продавщицы, водки было всего 10 бутылок на 20 человек. Чистое издевательство — они были взяты и выпиты мгновенно, еще более ожесточив и осуровив мужиков. Надежда оставалась только на далекую Налобиху, где магазинов было несколько.

Бесконечное стокилометровое пространство изматывающе ползло за сдвинутой водительской дверкой, в щель которой тракторист высовывал голову. Снаружи казалось, что на тракторе едет Буратино, вымазавший назло Папе Карло мазутом нос.

Все окна тракторной кабины были насмерть заморожены и обещали оттаять только к Пасхе. Разговаривать в дороге было невозможно. Самолетно рывкал мотор, грохот прицепной и лязганье гусениц, кажется, замешало все мысли. Моим водителем был Степан по прозвищу Карпач. Бывший танкист, никогда не носивший своих многочисленных орденов. О его боевой судьбе односельчане случайно узнали лишь от его однополчан да из районной «Хлопуши», как все называли местную газету - «Новости Целины». Войну он прошел механиком-водителем Т-34, начав ее под Сталинградом семнадцатилетним пацаном и закончив в Праге забытым ныне броском танковой армии, уже после взятия Берлина. Лишь однажды сильно «нагрузившись» водкой он рассказал, что до сих пор каждую ночь видит во сне Прохоровское поле, вновь горит в танке, снова с затаенным ужасом подкрадывается на прямой выстрел к могучему «тигру», чтобы только вбок, между катками гусениц, зажечь его резким ударом подкалиберного снаряда...

Заготовить бревна на клуб мы должны были недалеко от деревни с красивым названием - Озеро Петровское.

В те времена существовал ныне забытый обычай — останавливаться на квартирах. Это значило, что несколько раз в год, месяц, неделю, а то и через день, в доме местных - «боровых» жителей по разнарядке председателя останавливались пришлые — трактористы, прицепщики, вальщики леса из далеких степных деревень, шумной, пьяной неуправляемой толпой. И все это за весьма символическую плату, а то и вовсе без нее. Представьте себе - у вас семья, а тут в тесной и без того избе десяток, а то и полтора посторонних людей, которых надо накормить и спать уложить. В одном из таких домов и остановилась наша шумная многолюдная компания.

После долгой, тяжелой и опасной дороги по морозным бескрайним просторам все тело противно тряслось, глаза слипались, и хотелось присесть и заснуть там, где остановился. Набухшие и замерзшие валенки стучали по полу и чугуном висели на ногах, фуфайка стояла колом, промокшая от пота насквозь и замерзшая после, как панцирь. Душное и теплое нутро избы — самое желанное место после бесконечно длинного дня на морозе. Пласты синего махорочного дыма, гомон подвыпивших уже мужиков, звон стаканов - все сливается в одно коричневатое пятно света, крутится все быстрее и уносится в сладкую, теплую даль сна. Очнулся я на лавке за столом от толчка в бок, передо мной стояла огромная чашка с крупными кусками дымящегося вареного мяса и кубиками картошки.

- Хорош дрыхнуть, Витьша, — сказал мне Карпач, - надо и подкрепиться после дальней дороги.

Мужики отвлеклись от обсуждения дневных приключений, выпили «по всёй» и ожесточенно принялись за нехитрую еду, сноровисто цепляя ложками варево. Тут я заметил хозяйского мальчишку лет семи—восьми. В неверном свете керосиновой лампы он неестественно выделялся белизной лица. Наверное, все дети хороши - и свои, и чужие, и сопливые, и орущие. Но в этом пацаненке было что-то особенное. С гаденькой улыбочкой он беззастенчиво и непрестанно лазил у ужинающих мужиков по коленям, хватал их за уши, усы, лез в глаза, выбивал ложки из рук, кидал в тарелки шариками хлебного мякиша и обглоданными уже костями. Квартиранты нервно и заискивающе хихикали, поглядывали на хозяйку, невозмутимо гремящую чугунами у печки. Атмосфера медленно и неуклонно накалялась. Мальчишка надоел всем но понимая свою безнаказанность, старался вовсю. Приближался он и ко мне. Я с ужасом представлял, что делать, как дать отпор этому маленькому негодю? Или так же боязливо хихикать, делая вид, что ничего не случилось? И вот, встретившись со мной взглядом и поднимая со стола дочиста обглоданную увесистую «бабку», примеряя ее в руке для броска в меня или в мою тарелку, он зацепил рукавом уже налитую до краев водкой стопку Карпача. Стопка повалилась, и все ее драгоценное содержимое бесцветной лужицей разлилось по ухабистому, изрезанному ножами столу и закапало сквозь широкие щели на пол. Стук ложек моментально прекратился, как мне показалось, наступила зловещая тишина, оттеняемая гадким хихиканьем, еще ничего не понявшего мальчика. Резко хлопнула дверь, хозяйка вынесла ведро с пойлом те-

Моим водителем был Степан по прозвищу Карпач. Бывший танкист, никогда не носивший своих многочисленных орденов. Войну он прошел механиком-водителем Т-34, начав ее под Сталинградом семнадцатилетним пацаном и закончив в Праге забытым ныне броском танковой армии, уже после взятия Берлина.

ленку. Не долго думая, Карпач решительным движением посадил докучливого хозяйчика себе на колени и сказал:

- Ну, сынок, давай научу тебя в «шалкушки» играть.
- А как это, дядя?
- Сначала ты мне десять раз по лбу шалкнешь, а потом я тебе один раз.
- Согласен, только я вперед.

Мужики, отложив ложки, с нетерпением ждали чем «сердце успокоится». Мальчишка слез с коленок, наклонил Карпачову голову пониже и с чувством превосходства и силы старательно щелкал старого дядьку. Отец мальчика, верно, услышав необычную тишину, выглянул из горницы и, увидев такую картину, усмехнулся привычно и исчез, прикрыв за собой дверь. Карпач деланно охал и хватался за голову, прося сильно не бить его. Мальчишка торжествовал и, садистски улыбаясь, старался побольнее достать через жесткие, как проволока, волосы, макушку Карпача.

- Ой, сынок, ну и силен ты, - совершенно серьезно охая, потирая темя и морщась, как от зубной боли, прохрипел Карпач - ну, давай, теперь я разок шалкну.

Мальчишка недоверчиво подставил лоб, ожидая продолжения интересной ему игры и жажды дальнейшего глумления над этими большими, сильными людьми. Слегка прижав его коленями, Карпач словно бы впервые осмотрел свой длинный толстый мозолистый указательный палец, поросший редкими рыжими волосками, с грязным изломанным ногтем. Это был палец той самой руки, руки заскорузлой от непосильной солдатской работы, руки, уцелевшей в яростном огне танковых атак, руки, пожатой самим Чуйковым, вручившим ему третий орден Славы у Бранденбургских ворот. И вот этот палец занесен над головой мальчишки. Резкий сухой стук, мгновенно округлившиеся глаза, готовые хлынуть фонтаном слез. Крик боли и ужаса застрял где-то совсем рядом, но не вырвался, а расплылся внутри маленького тела. Мужики замерли. Тоскливое предчувствие холодной ночевки на улице отчетливо прописалось на каждом лице. Кто-то закашлялся, засморкался, кто-то торопливо стал доедать остывающую похлебку, наливали стопки и выплескивали в рот огненную воду. Малец стоял молча, обеими руками крепко держась за голову, будто опасаясь, что она треснет и развалится на мелкие части. Карпач же нисколько не смутившись, погладил огромной ручищей своего соперника по спине и сказал спокойно:

- Иди, спать пора.

Из горницы выглянул отец.

- Что случилось сынок?

- Папа, я хочу спать...

И давний тот случай вспомнился мне спустя почти пятьдесят лет. Я стоял на дороге, ожидая попутного автобуса в деревню к сестре. Возле меня остановилась роскошная, неведомая мне иномарка с нездешними номерами. Дверь открылась, и непривычно приветливо сидящий на пассажирском сиденье мужчина спросил, не подвезти ли меня. Отказываться я не стал. Дорога была долгой. Крепкий, лет шестидесяти хозяин машины. Оказалось, что почти земляк. В детстве он жил на Озере Петровском. В том самом, куда мы ездили за бревнами для клуба в далекое уже преддверье 1961 года. Разговорились. Рассказал, что живет он в Подмосковье. Работает конструктором в известном КБ. За разговором он вспомнил, как один маленький случай направил его жизнь по совсем другому руслу, отличному от того, которое было уготовано ему по рождению — семилетка, трактор, армия, леспромхоз и ранняя смерть от пьянки на работе или под забором. Так закончили жизнь большинство его односельчан. Вспомнил он компанию трактористов и ту «шалкушку» от большого старого дяденьки.

- Вся моя жизнь изменилась с этого щелчка. В голове будто что-то переключилось, и ясно высветилось на всю жизнь слышанное где-то краем уха, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Щелчок этот был, как говорят, краеугольным. Думаю, это из-за него и жизнь сложилась. Легко далась школа, армия, потом институт, удачная инте-

ресная работа, диссертация. Удалась семья, дети уже выросли и разъехались. Все как надо, как должно быть.

Давно уже нет Гагарина, исчезла почти память о колхозе имени Шевченко. Клуб разобрали, бестолково извели на дрова. Нет давно уже и Карпача. А «шалкушка» его повернула никчемную, пустую, еще в зародыше жизнь в толковое и счастливое русло. И как знать, может, это и было таким же важным движением Карпачовой жизни, его предназначением, как мучительный, кровавый путь по полям войны и роспись на стене поверженного Рейхстага.

День рождения

Геннадий
Крупин

В день девятнадцатилетия меня разбудили часа в четыре утра настойчивыми толчками в бок. Наступила моя очередь нести охрану окопа, в котором расположился взвод автоматчиков.

Окоп входил в систему обороны 59-й отдельной стрелковой бригады, сформированной всего полмесяца назад из курсантов 3-го Ленинградского пехотного училища. Сюда, под станицу Вознесенскую, расположенную на окраине гребня Терского хребта, бригада прибыла накануне, проделав стремительный бросок из Ярославской области, и сразу приступила к оборудованию рубежа обороны на северных высотах, фронтом на Моздокскую долину. Наша 59-я была создана в одночасье. Тревога. Построение. Быстро закончилось разделение на батальоны, роты, взводы, получено обмундирование, боеприпасы. Погрузка эшелона. Зеленый свет в пути следования и вот мы на Северном Кавказе...

Оборонительный окоп взводного узла обороны мы отрыли быстро и сноровисто, тщательно замаскировав его стеблями кукурузы и подсолнуха. Скрытность! Вот почему мой напарник по охране Боря Вызов, разбудив меня толчком в бок, шепотом предложил принять пост. Я вскочил со дна ячейки, в которой спал сидя, поправил на голове каску и так же шепотом осведомился: - «Тихо?».

Боря, не прекращая наблюдения, ответил:

-Тихо, - но потом с тревогой в голосе добавил: - Кажется, наши отходят. Вчера пулеметов не было слышно, а теперь послушай.,.

Из черного непроглядного мрака доносилась приглушенная пулеметная дробь. Всматриваясь и вслушиваясь в ночную темноту, я медленно пошел по Траншее окопа, обходя спящих товарищей. Темень скрывала их лица, но я знал, кто какую ячейку вчера отрывал. Почти все спали сидя, привалившись к стенке и крепко обняв автомат. Многие даже не сняли касок.

Как сейчас вижу: вот спит, запрокинув голову, мой земляк Саша Третьяков, а в рот свернулся клубком Володя Бедарев. Он старше нас всех и ему труднее: он успел жениться и сейчас остро переживает за жену, которая ждала ребенка. - Ребята, если меня ранят или убьют, то сообщите жене.

Не знал в ту минуту сладко посапывающий Володя, что всего через несколько часов осколок снаряда срежет ему правую руку, а он, взяв в левую гранату, пойдет не стибаясь на вражеский танк...

Грохнет взрыв, и не станет на свете мечтательного плясуна - танк, яростно закрутившийся с перебитой гусеницей, перемещает с землей его тело... Рядом с Володей прикорнул командир взвода лейтенант Ипатов. Войну он встретил на западной границе. Пережил горечь отступления. До крови кусал себе

губы, когда, выходя из окружения под Вязьмой, наткнулся на фашистов, хладнокровно расстреливающих тысячную толпу военнопленных. Глотал слезы на пепелище родного дома под Ржевом, в огне которого гитлеровцы сожгли всю его семью.

Тяжелые испытания так закаляли, так ожесточали сердце лейтенанта, что оно, по его словам, стало каменным и не знало пощады к врагу.

За те несколько дней, пока эшелон мчал нас к фронту, взводный до автоматизма довел у каждого умение в считанные секунды снарядить дисковый магазин патронами и подготовить оружие к бою,

- Ребята, - говорил он своим глуховатым голосом, - запомните: трус погибает первым. Не думай о смерти, как бы она близка тебе не казалась, думай о том, как бы ловчее ударить по врагу.

Подошел заместитель комбата и с ним связной.

- Поднимай людей, лейтенант! Противник прорвал оборону корпуса. С рассветом будем контратаковать его там, внизу. За отставших ответишь головой! Действуй, Ипатов! - замкомбата растворился в темноте.

Команда «Приготовиться к бою!» разом встряхнула сонливость, движения были быстрыми, четкими. Шлепок ладонью по диску - на месте. Затвор - на предохранителе. Флажок режима стрельбы - на огонь очередями. Гранаты за пояс, вещмешок за спину, каску на голову - солдат к бою готов! Но в душе сумятица и легкий озноб: «Как-то все сложится?».

Уже совсем рассвело, и мы с тревогой поглядывали на небо. Где-то впереди исходные позиции, с которых мы пойдем в атаку. Но пока все тихо, напряженно молчащие солдаты стали перекидываться словами.

Оказалось, заядлый курильщик Козлов забыл в окопе кресало, которое подпаливало фитиль с одного удара. Он корил своего напарника Першина, считая его виноватым в утрате столь необходимого курильщику снаряжения. Ни спичек, ни тем более зажигалок тогда у солдат не было. Кто-то вернул подначку, Козлов «клюнул» на нее, лица солдат немного повеселели. Вдруг: «Вз-з-з! Вз-з-з! Трах! Бах! Трах!». Крики ужаса и боли. ЗИС на дыбы! Рвануло автомат.

Оружие не терять!

Что-то больно бьет по рукам, ногам, голове, куда-то лечу! Удар о землю! Вой, грохот, стоны! То тут, то там расшвыривало вываливающихся из машины солдат, вздымая вверх какие-то обломки, дымящиеся и окровавленные куски человеческих тел.

Оглушенный и растерянный, я с ужасом смотрел на прыгающего передо мной странно короткого солдата. Он был чем-то похож на нашего Козлова, но почему такой короткий! В следующее мгновение ударило, как током: «Он же без ног! Оторвало!».

От вида окровавленного и перепачканного землей тела с торчащими белыми костями, меня замутило. До слуха сквозь грохот донесся голос Ипатова:

- Взвод! За мной! Вперед!

Мелькнула в голове одна из его заповедей: «Под огнем мин - не лежать! Броском выходи из зоны обстрела!».

Я было вскочил, но тут над головой шаркнуло так низко, что в лицо ударило тугой, горькой струей воздуха. Оглушенный, я на какое-то время застыл, уткнувшись лицом в землю. Вернул меня к действительности голос:

- Жив?! Тогда вперед!

Стыд ожег меня за мгновенную слабость, и я вскочил на ноги. Первые два шага пробежал, шатаясь и не чувствуя ног. Взглянул вперед и увидел темные фигуры немцев, бегущих навстречу лейтенанту. Впереди метрах в ста пятидесяти бруствер окопа, и мне стало ясно намерение лейтенанта: занять окоп раньше противника. «Не отставать!». Я что было духу ринулся за взводным. С разбега вваливаемся в окоп. Вид его был жутким. Развороченные взрывами, осыпавшиеся стены, окровавленные бинты,

оружие, трупы - трупы наших солдат. На некоторых тельняшки. Видимо здесь до последнего патрона бились воины из бригады морской пехоты. Осматриваться и переживать времени нет. Опять звучит голос командира:

- Прицел — сто пятьдесят! Длинными в пояс! Бей!

Мгновение - и плотный рокот трех-четырех десятков ППШ перекрыл другие звуки. Хорошо видны короткие мундиры со светлыми пуговицами и бляхами на ремнях. Засученные рукава. Под черными рогатыми касками бледные лица с провалами орущих ртов. На лицах напряжение и страх. Наш командир уверенно руководит боем:

- Бить короткими! Короткими в пояс!

По одиночным фигурам целесообразно бить короткими, тут надо побережь патроны!

- Четные номера, приготовить гранаты!

Есть такая строевая команда в армии: «На первый-второй рассчитайсь». Мне всегда приходилось быть вторым, и, следовательно, сейчас надо быстро подготовить «карманную артиллерию». У меня за поясом две гранаты. Оборонительные Ф-1 в самый раз использовать.

- Гранатами! Огонь!

«Бах! Бах! Бах!». Разрозненными взрывами прогремел гранатный залп. Стали слышны стоны раненых, прерывистое дыхание товарищей по окопу да стук собственного сердца.

Кажется, отбились!

- Молодцы курсанты! Первый бой наш! Всех благодарю!

Проверить диски! Заменить и снарядить новыми! Командирам отделений! Выставить по одному наблюдателю!

Людей пересчитали, раненым оказали помощь. Из строя выбыло пятнадцать человек - шестеро ранено, девять — убито, двое здесь в окопе.

Ипатов подошел ко мне.

- Вот что, Чулков! Необходимо установить связь с командиром батальона. Задание: добраться вот до тех высот...

Ясно, противник просматривает часть долины и держит ее под обстрелом. Нужно разыскать. Передать важное донесение. Задача ясна! Тогда марш! Одна нога здесь... Мы тебя прикроем огнем.

Я собрался и хотел оставить лопату, но лейтенант возразил:

Лопатку не бросать! Солдат без лопатки, как девушка без гребня, она тебе понадобится там.

Сердце мое обожгло ощущением какой-то неловкости перед товарищами. Я уходил, а они оставались тут, в этом страшном окопе, без связи. Со скудным запасом патронов и гранат.

Ипатов заметил мое смущение и приободрил меня:

- Беги! И помни, от твоей расторопности зависит наша жизнь!

Помню, как под треск автоматов я выскочил из окопа и стремглав полетел по долине, быстро проскочил разбитые утром автомашины, стараясь не смотреть на трупы товарищей, на обвисшее на баранке тело шофера. Тут привлек мое внимание нарастающий гул, и прямо впереди себя я увидел скользящий над дорогой «мессершмит». Я не думал, что он будет бить по мне, скорее всего - по машине. Но самолет вдруг накренился и с нарастающим гулом понесся на меня. Вот это я попал!

Кругом было голо и ровно, как на футбольном поле. Решил бежать в кукурузные посадки. Но грохот и рев настиг меня раньше, под ногами запрыгали поднятые пулями фонтанчики земли. Бешено вращающийся диск пропеллера рубанул воздух над самой головой. Я пал на землю. «Э, нет! Вторично подставлять не буду себя». И юркнул в заросли кукурузы.

Мгновение - и плотный рокот трех-четырех десятков ППШ перекрыл другие звуки. Хорошо видны короткие мундиры со светлыми пуговицами и бляхами на ремнях. Засученные рукава. Под черными рогатыми касками бледные лица с провалами орущих ртов. На лицах напряжение и страх.

Лежа там, с облегчением наблюдал, как развернувшийся фашист с борта на борт накрывает самолет в поисках меня. Голова летчика оказалась настолько близкой, что я не удержался и дал очередь по самолету, впрочем, без видимого для него ущерба. В зарослях кукурузы проглядывалась тропка, и я кинулся бежать по ней. Но что это? Прямо на тропке, уткнувшись лицом в землю, лежал убитый солдат. Новенькая, не обмятая форма, кто-то из наших...

«И как же тебя, друг, подсекло? Снаряд? Самолет?»

Трах-х! Очередь в упор! В бедро больно ударило, сшибло на землю! Так близко, что, казалось, бьют разрывными. Ощупал бедро. Под руками разодранный чехол саперной лопатки, теплый от удара штык ее, с глубокой вмятиной от пули. Спасибо тебе, лейтенант Ипатов, за совет не бросать лопатку. Однако вмиг стоит шевельнуться, и враг всадит вторую очередь. Физически ощутил на себе его злобный настороженный взгляд. Он сейчас гадал, глядя на меня, наповал или попусту прошла его очередь. Осторожно оттянул затвор автомата. Но куда стрелять? А может лучше уползти? Прогнал эту спасательную, но трусливую мыслишку. Нет, его надо уничтожить, но как? Ошибиться нельзя! Цена ошибки - смерть! «Куст! Фашист там». Для засады самое удобное место. Вероятность промаха велика.

И тут мой взгляд остановился на гранате за поясом убитого. Конечно, опасно, может ударить осколками и меня. Но граната вернее, чем очередь наугад. Снял с гранаты защитный чехол, кинул ее навесом в куст, а сам плотно прижался к телу убитого.

Резко грохнул взрыв, и от куста донесся короткий и глухой стон. Бросился туда с автоматом наизготовку. Под сорванной взрывом листвой неподвижно бугрилась накидка в зелено-коричневых штрихах, рядом валялся короткий автомат «шмайсер», скрюченные пальцы, торчащие из-под накидки, царапали землю. Схватил оружие врага. Пересилив чувство гадливости, перевернул его тело, выдернул из нагрудного кармана солдатскую книжку - и вперед!

Вот и холмы, указанные командиром взвода. Они пустынные, не видно ни души. Где искать штаб батальона? В метрах пятидесяти услышал окрик:

- Курсант, сюда!

Слово «курсант» наводило на мысль, что окликнули свои, но когда прыгнул в окоп, увидел помощника начальника штаба нашего батальона, которого хорошо знал в лицо.

ПНШ начал сурово:

- Вы почему не со взводом? Откуда у вас немецкое оружие? Доложите! Обескураженный таким приемом, я попытался было принять уставную стойку для доклада, но помощник живо пригнул меня:

- Не демаскируйте окопа!

Узнав, что я с донесением от командира взвода, старший лейтенант несколько сбавил тон. Оказывается, он имел задание комбата разыскать нас. Мой доклад о встрече с «кукушкой» заставил его поежиться, но почему-то вызвал сомнение. Он недоверчиво разглядывал документы фашистского автоматчика, мою растрепанную, потную фигуру и все выспрашивал. Как же, почему все-таки этот автоматчик оказался в тылу взвода и почему не убил меня, если стрелял в упор?

- Вот что, - наконец решил он, - донесение у вас я принимаю. Автомат, документы также остаются у меня. А вы отправляйтесь в распоряжение второй роты, явитесь к ее командиру.

- А где ее найти, товарищ старший лейтенант? - спросил я.

Видимо, какие-то сомнения бродили в голове лейтенанта, как мне показалось, он неохотно махнул рукой:

Идите вон туда.

- Есть! - я выскочил из окопа, откровенно радуясь, что избавился от унизительных подозрений, а главное, наконец-то выполнил поручения командира взвода.

Под сорванной взрывом листвой, неподвижно бугрилась накидка в зелено-коричневых штрихах, рядом валялся короткий автомат «шмайсер», скрюченные пальцы, торчащие из-под накидки, царапали землю.

Грохот, визг осколков, дробные удары комьев земли по спине и голове. В плечо больно стукнуло чем-то тяжелым. Осторожно глянул на это «что-то» и обмер! На земле валялся разбитый бинокль, который только что был в руках лейтенанта. С тревогой поворачиваю голову: над разворочанным окопом, где остался старший лейтенант, курилось оседающее облако пыли и дыма. Растерянность охватила меня. Донесение командира взвода пропало! Что делать? А позиции второй роты - вон они видны, там есть связь со штабом. Еще рывок. И я вваливаюсь в спасительные окопы второй. Командир роты, невысокий, подвижный капитан с медалью за участие в боях на озере Хасан, спокойно выслушал мой довольно путанный доклад и сразу все понял.

Он подвел меня к амбразуре:

- А ну-ка покажи, где занял оборону взвод? Так, так, - быстро осматривая в бинокль, указанное направление, приговаривал капитан, - долго добирался оттуда?

Выслушав мои подсчеты, капитан пожал мне руку.

- Молодец! Будешь находиться у меня. Сейчас решим, как выручить ваш взвод. Повернулся к телефонисту, приказал:

- Комбата!

- Комбат на проводе, - расторопный связист протянул телефонную трубку капитану.

Капитан еще не закончил разговор по телефону - как с левого фланга донеслось протяжное:

- Во-о-оздх!

- «Рама», товарищ капитан. Самолет-корректировщик, - наблюдатель, подняв бинокль, разглядывал самолет.

- Тишин, не туда смотрите! Усилить наблюдение за наземным противником! Наблюдатель опустил бинокль в указанном направлении. Внезапно лицо его побледнело, и он испугано отпрянул от амбразуры.

- Что случилось, Тишин? - спросил его капитан.

- Танки, танки, товарищ капитан!

Капитан сам подошел к амбразуре и вскинул бинокль.

- Комбата!

Огонь по сигнальной ракете. Бить по десанту! Истребители танков, ко мне! Я глянул в амбразуру, и сердце заколотилось: по долине, по которой я бежал несколько минут назад, двигались танки, они проходили как раз то место, где на краю кукурузного поля остался взвод. Что с ним случилось?

Приземистые туши чернели на зеленом фоне долины. Перед ними, словно гонимые ветром листья, бежали не весть откуда взывшиеся фигурки солдат. Из танков по этим фигуркам били пулеметы, и было видно, как падали солдаты, когда над ними проносился смертоносный ветер пуль. Потом они вновь вскакивали и бежали, однако часть их застывала светлыми комочками на зеленой траве. Я представил себе тот страшный разбитый окоп, в котором остались мои товарищи. Мне вдруг стала ясна загадочная улыбка Юрия Вызова, маячившего за спиной Платова, когда тот отдавал мне приказания. Юрка, Юрка! Ты и лейтенант решили мне сделать самый дорогой подарок в день рождения: отвести от неминуемой смерти в этом обреченном окопе! А я не сумел привести вам подмогу, не вернулся, не принес боеприпасов! Горестные слезы набегали на глаза и мешали смотреть вперед...

На плечо легла рука.

- Успокойся, сынок,- услышал я голос капитана - Ты сделал все что мог и что было приказано. Если взвод погиб - твоей вины тут нет. Капитан протянул мне пачку патронов для автомата.

- Снарядить диски, бой будет жарким! - просто сказал он. Тут за нашими спинами рванули орудия, над головами так низко шаркнули снаряды, что я невольно присел.

- Молодцы артиллеристы, с первого залпа накрыли, - будто не замечая моего поклон, проговорил капитан, - Иди, иди в окоп, смотри, как горят фашисты.

Я конфузливо заскочил в окоп. Действительно, два фашистских танка из пятнадцати были окутаны жирным черным дымом. Остальные стали как-то перестраиваться, десантники посыпались с брони.

- Ну, теперь и наш черед, - крикнул капитан и выстрелил из ракетницы. Ракета взмыла. Взрыв на бруствере бросил всех на дно окопа. Окоп наполнился удушливым дымом, по спинам застучали комья земли - это ударили танки. Пока поднимался и отряхивался, высокий солдат, оказавшийся соседом по окопу, уже открыл огонь по десантникам. Увидев, как я пристраиваю на бруствере свой автомат, он крикнул мне:

- Обожди, сынок, чуток, не жги зря патроны. Большая дистанция. Вот они ближе подойдут, тогда и коси Германа...

Танки били часто из-за близкого расстояния. Однако огонь танка казался не плотным. Напротив огонь нашей батареи не ослабевал: на поле боя теперь горели пять или шесть машин. Вражеские автоматчики двигались рывками, часто залегая.

- Ага! Не любишь! - приговаривал солдат после каждого выстрела своей винтовки. - Не любишь, а мы тебе добавим! Считай, сынок, сколько я путевок им на тот свет выпишу...

- Давай, дядя, давай! - в тон ему отвечал я и короткими очередями стрелял в близкие фигуры гитлеровцев.

Вдруг солдат резко бросил винтовку назад, приклад ее больно ударил меня в грудь. Я с удивлением глянул на него и содрогнулся: на месте подбородка и рта пузырилась какая-то кровавая масса. Солдат, страшно вытаращив глаза, окровавленными руками хватал себя за то, что только сейчас было подбородком. Ноги его подкосились, и он медленно сполз на дно траншеи. В училище мы тренировались в наложении повязок. Ах, как легко бинтовать смеющуюся физиономию здорового парня! А что делать сейчас с обильным потоком крови, заливающей грудь несчастного, я начал бинтовать, стараясь остановить кровь и в то же время не задушить ненароком бинтами солдата. Постепенно удалось соорудить какую-то «кошелку» на подбородке, которая тут же пропиталась кровью, но это уже был не поток.

Я взвалил потерявшего сознание раненого на плечи. Голова пострадавшего свесилась мне на грудь, и его кровь теперь заливала меня. С болью в душе я ловил его хрип и клокотание над ухом, в моей голове теперь метался страх, как бы раненый не захлебнулся собственной кровью. Невольно обрадовался я, когда увидел бегущую медсестру и санитаря с носилками.

- Быстро на носилки! - энергично командует девушка, не обращая внимания на меня и мое состояние - Куда ранен? Кто перевязывал? Ответив на все вопросы медсестре, я увидел пять атакующих танков, огибая ранее подбитые танки, за ними бежали две длинные цепи гитлеровцев. Я заскочил в ячейку, а из другой прикатилась команда командира роты: «Отбивай огнем пехоту!». Я лег на остатки бруствера и взял брошенный ППШ. Меня смущал танк, его ствол пушки, как мне казалось, был наведен прямо на меня. От грозного вида противно сосало под ложечкой, в соседнем колене окопа громкопереключались истребители танков, и хотелось верить, что они дело свое знают. Вспомнил наставление пропускать танк над головой, прикидываю, когда нужно нырнуть на дно окопа. - Надо отвлечь пехоту! Вон они бегут, фашисты, уже близко! Поймал на мушку наиболее близкого из них. - Сейчас получишь!

Но в этот момент из ствола танковой пушки вспыхнуло пламя, и я провалился в бездну.

Очнулся от нестерпимой боли в руке. Я лежал на дне прохода, соединяющего стрелковую ячейку с входом сообщения; над головой густо стлались черные клубы дыма, а по проходу метались солдаты в странной черной форме.

О войне барнаульскими поэтами написано немало прекрасных строк. К сожалению, со временем многие стали забываться. Мы считаем, что девиз «Никто не забыт и ничто не забыто» должен быть применим и к стихам о войне. Предлагаем вспомнить военные строки 60-х годов.

Публикуемые ниже стихи взяты из сборника «Огонь на меня!» (стихи алтайских поэтов), который вышел в Барнауле в 1965 году и был посвящен 20-летию Великой Победы.

Поэты 60-х

Павел Маштаков

ОГОНЬ НА МЕНЯ!

*На закат - через лужи весенние,
мимо тихих обугленных хат,
по руинам родного селения
шел солдат.*

*Он спешил, как спешат на свидание,
и не слышал, что птицы звенят.
Знал солдат, что с такого задания
не приходят назад.*

*- Берег! Берег! Ты слышишь?..
Ты слышишь?!*

*Я - Береза. Огонь на меня!
Оседал на цветущие вишни
столб взрывного огня.*

*Догорал у села на окраине
скирд соломы ржаной.
...Санитарка склонилась над раненым
и в глаза заглянула:
- Живой!*

*И солдат на мгновение очнулся,
приоткрыл голубые глаза,
посмотрел на нее, улыбнулся
и пытаясь подняться, сказал:*

*- Ничего... До Берлина протопаем.
Здесь немного осталось пути...
Не впервые встречаться с Европой...
Обязательно надо дойти!*

*Не уйдут от расплаты - догоним!..
Стиснул зубы от боли и зла.
... А Европа металась в агонии
и на помощь солдата звала.*

*А солдат все не шел. Все запаздывал.
Видно, слушал, как птицы звенят...
Он, теряя сознание, приказывал:
«Берег! Берег!
Огонь на меня!»*

*Оседали дымы над деревнями,
оживало жильцами жилье.
Шла Россия дорогами древними -
и народы встречали ее.*

*Шла не только во имя Отечества -
нас тревожила мира судьба.
Мы за судьбы всего человечества
принимали
огонь на себя!*

Геннадий Володин

На Зееловских высотах

(Зееловские высоты находятся на подступах к Берлину)

*Где-то на Зееловских высотах
Пал солдат, стрелок пехотной роты.
В час затишья, после гулкой схватки,
Схоронили паренька солдаты.
...Я стою у памятника навшим,
Мну в руках солдатской шапки блин.
Может быть, лежит здесь брат мой
старший,
Шедший в сорок пятом на Берлин.*

Георгий Кондаков

*У отца шершавые ладони -
не из легких было ремесло.
А когда играл он на гармонь,
слушать собиралось все село.
Пуля в синем воздухе пропела,
пал в бою за Родину отец.
И с тех пор гармонь осиротела,
и с тех пор не веселит сердец.
Приходилось нам порой несладко,
вся семья бывала голодна.
Но стоит на сундуке двухрядка,
словно ждет хозяйина она.*

Михаил Длуговской

Сухари

*Третьи сутки с боем отступали
от родных от взломанных границ.
По земле ползли густые палы,
пахло гарью, выжженных пшениц.
Помню это: черный дым над полем.
Небо черное. Земля в огне.
- Хлеб горит, - солдат промолвил
с болью.*

*Был солдат впервые на войне.
До войны работал трактористом,
зябь пахал и поднимал пары.
Ночью бредил хлебом запашистым,
а в мешке лежали сухари.*

*Крепкие, литые, словно камни,
их берег солдат на черный день.
Вещмешок ощупывал руками,
проходя сквозь гари деревень.
Но случалось часто - с сухарями
расставался - «На, сынок, бери.
На, неси, неси скорее маме...»
Дорогими были сухари.*

Александр Садыков

*Мне снился сон. С крестами самолеты
над нами выли. Ухала земля.
И молча умирали тополя.
На мне шинель. Я - рядовой пехоты.
От страшной боли корчились дороги,
корезились железо и бетон.
Сквозь шквал огня с решимостью
жестокой
шел на врага наш первый батальон.
Хлетстала смерть в лицо
свинцовым градом,
но сталь штыков нависла
над врагом...
Сон отлетел. А дождь шумел
над садом,
в литавры неба бил весенний гром.*

Роза

Владислав
Пасечник

— Роза, Роза, я идти не могу, — сказал Валера тихо. Он сел на траву, этот маленький человек пятилетнего возраста, за которого только и болело сердце Розы.

— Тогда я тебя понесу, — двенадцатилетняя Роза бросила тяжелый узел с едой и сама села тут же, рядом с братом, перевести дух.

Она смотрела на Валеру, удивляясь своим внутренним силам и своей любви к нему. Страшное пережили они с братом за эти полтора года с того дня, как началась война и отца забрали на фронт полевым врачом.

Мать умерла у Розы на руках — от бесконечных бомбежек у нее не выдержало сердце. Накануне девочке приснился сон, будто бегут они вместе по полю, и земля под ногами матери разверзается, и проваливается она в глубокий черный колодец.

Когда все случилось, Роза, как говорили соседки, сразу превратилась в «маленькую старушку»: суетливая, деловая, бойкая, она тянула за собой болезненного Валеру.

Наконец, голод и одиночество погнали их из поселка. Сегодня утром дети вышли из Перевесинки и двинулись в сторону Ртищева, где жила у них тетка. Шли в стороне от дороги, оврагами, пробирались через густой кустарник, чтобы скрыться от людских глаз. Разное могло случиться на дороге — детей могли изловить, ограбить, убить, сдать в интернат.

— Есть хоч, — проговорил Валера, вытянув перед собой слабые ножки в парусиновых брючках. Брючки эти сшили ему проезжие девочки-зенитчицы из листьев зенитного камуфляжа.

Роза развязала узел с хлебом. Здесь много было, узел казался очень тяжелым — хлеб вчера дали соседи, жалость к детям пересилила в них страх перед голодом.

Валера ел, мучительно сглатывая. Он редко видел хлеб в сиротской своей жизни. Так получилось, что осенью 1942 года хлеб для него пожинали мыши. Роза среди прочих голодных детей ходила по полю с Валерой, разбивая влажную серую скорлупу подтаявшего снега в поисках мышиных «кладовых».

Голодный Валера тут же клал зернышки в рот. Роза одергивала его, думая про себя: «Скоро он подхватит мышиную болезнь».

Дома Роза рассыпала зерно на большой противень и ставила сушиться на печку, пока из него не выветрится зараза. Валера не мог ждать — едва сестра отворачивалась, он тут же вытягивался на цыпочки, склеывал его тонкой белой ручкой и отправлял в рот.

Как-то сосед дал Валере целую свеклу. Роза вошла в дом, и увидела, как он грызет ее — сырую, неочищенную, и расплакалась.

Едва сошел лед, дети вышли на реку. По колено в вешней воде, голыми руками собирали они беззубок. Очищенные от темно-зеленых раковин, сваренные в кипятке, моллюски приобретали некоторое внешнее родство с пельменями. Роза видела: Валера на реке то и дело простывает, и это торопит его смерть.

— Знаешь что? — Роза погладила брата по голове. — Я тебя понесу. Узелок пока здесь полежит, я тебя понесу, а ты присматривай, чтобы не стащил кто.

Валера кивнул, девочка подняла его, прижав к себе, так чтобы лицом он смотрел ей за спину на лежащей в траве узел.

— Смотри, — повторила она.

За зиму брат стал легким, как котенок. Рубашонка едва держалась на его тонких косточках. Роза шла медленно, чувствуя, как болезненное дыхание шумит в груди Валеры.

Был у нее и старший брат. Но от него осталось что-то совсем уже невесомое — желтый треугольник письма в нагрудном кармашке. Звали брата Володя.

Отец уже был однажды женат. От первого брака у него и родился Володя. Мать —

интеллигентная женщина по имени Фрося, вскоре после родов пыталась испечь Володю в печи, словно хлеб. Как говорили, тогда ей, «молоко в голову ударило». Она усадила младенца на лопату и засунула в жерло печи. Володю спасли, а Фросю отец отвез в сумасшедший дом. На приеме у врача, прежде чем отец успел открыть рот, Фрося объявила: «Я тут вам мужа привезла, вы не слушайте, что он вам будет говорить, он полоумный».

Вскоре после того отец с ней развелся, но лет через шесть сошелся с другой женщиной, и женился вновь. За свою жизнь он трижды женился, этот бедный человек, врач, в блестящих круглых очках, с толстыми мясистыми губами и темными скулами, означавшими, что где-то в жилах его бродит степная татарская кровь.

Роза и Валера родились от второго брака. Розу Володя любил, безумно, целовал, звал «мой Розанчик».

От Володи, да еще от отца, только и видела Роза ласку.

Война забрала Володю, едва он закончил школу. В ту пору всякий, кто кончал десятилетку, мог стать офицером. Володя поступил в артиллерийское училище и в конце 1942-го уже окончил его в звании лейтенанта. После смерти матери Розы Володя приехал в село. Он вошел в дом, обнял Розу и Валеру, сказал: «Сиротки вы мои» и заплакал. Плакали втроем до утра. Потом Володя обошел всех соседей, всю родню и упросил не оставлять детей в беде, кормить иногда хлебом. Соседи согласились укрывать детей у себя, чтобы их не забрали в детский дом.

Через два дня Володя уехал. В первом же бою за ним приходила смерть. Раненый в ногу, он спасался от нее ползком, а смерть, полная механического гула, гналась за ним. Володя выжил - дополз до своих.

Писать Володя ленился. С каждым письмом он таял, удалялся, выветривался из жизни Розы.

Наступило лето, Роза знала, что Володя уже поправился и вернулся на фронт. Скоро его отправили на Курскую дугу. В середине июля пришло это последнее письмо. Заканчивалось оно так: «Знаю, что не увижу тебя больше, Розанчик... наступил перелом. Или мы их, или они нас». Чуть ниже Володя нарисовал розочку с улыбающейся девичьей мордашкой посередине.

- Роза... узелка уже не видать, — подал голос Валера.

Роза оглянулась. Узелок, действительно скрылся в траве.

- Посиди, посиди пока здесь — сказала она горячо и побежала назад. Она схватила узелок за тряпичные уши и поняла, что поднять его уже не сможет. Тогда она потащила его за собой по траве.

Валера ждал ее, обхватив ручонками колени. Холод источил его кости, выдавил из груди какое-то важное жизненное дыхание. Роза не понимала, как этот пугливый и грустный мальчик дожил до весны.

В начале второй зимы топить было нечем. Прежде были проезжие солдаты, которые запрягали в сани волов, ездили в лес, а местные дети шли перед ними и показывали дорогу. На вторую зиму солдаты появлялись в этих местах все больше раненые, и сани никто не снаряжал. Дети ходили по железнодорожной насыпи, выискивая куски несгоревшего угля среди выброшенного из паровозных топков шлака.

Окончание холодов было отмечено зловещим знамением — откуда-то в поселке появились крупные серые собаки. Их часто можно было видеть возле дорог, где они трусливо рыскали, разгребая лапами мерзлую землю. Однажды во дворе школы они затеяли веселую и визгливую возню в сене — тогда их собралось множество, и дети не решались подойти к школе, пока они не убрались.

Только потом Розе объяснили, что это были волки.

- Я тебя еще немного понесу, а дальше ты сам, хорошо? — Роза снова приподняла Валеру, отметив про себя, что его-то как раз тащить очень легко, потому что он узелку из птичьих косточек сродни, что его, невесомое это существо, она на руках бы не сгла целый день и ни за что не устала бы.

После смерти матери Розы, Володя приехал в село. Он вошел в дом, обнял Розу и Валеру, сказал: «Сиротки вы мои», и заплакал. Плакали втроем до утра.

И тут Валера тихонько запел песню, которую пел бывало зимними вечерами, устроившись возле печки: «Вот помру я помру... похоронят меня...».

- Что ты такое поешь? — рассердилась Роза, — а ну перестань. Как такое можно петь?

И тогда Валера заплакал. Он вывернулся у Розы из рук и пошел сам, широко размахивая тощими ручками. Он шел и плакал вымученно и зло, и Роза шла рядом, забыв про узел, и все на свете. Она не могла придумать, что сказать сейчас этому маленькому человеку. Их двое осталось в этот холодный сиротский век.

Так прошли они еще несколько верст. День кончился тяжелым багряным закатом, дети спустились в один из оврагов и решили заночевать в нем.

Они прижались друг к другу, отвернув лица от холодного звездного неба, и лежали так, согревая друг друга своим теплом. Роза слушала беспокойное дыхание Валеры — она не знала симптомов дифтерии, но каким-то чутьем понимала, что мальчик болен уже наверное, непоправимо.

- Я тебе письмо от отца показывала? — сказала Роза вдруг, — демобилизуют его после контузии. В медицинскую палатку снаряд угодил. Отца нашли в нескольких шагах, он в пруд упал, ногами в воду, а головой на какие-то кусты. А так бы захлебнулся. Пишет, что, мол, говорит теперь плохо и плохо ходит... но приедет скоро. Обещает приехать.

Валера не отвечал, забывшись сном. Роза вздохнула и легонько коснулась губами его горячего круглого лба.

И вдруг какая-то древняя могучая сила расцвела в ней. Роза поняла, что сила эта всегда была с ней, что росла и зрела она в ней уже очень давно вопреки голодному веку, пробивая холодную наледь, пересиливая голод и страх. Сила эта была больше войны, больше смерти, кажется, она могла опрокинуть танковую лавину, и в то же время в ней было что-то от терпения и смирения, потому как только терпением и смирением возможно победить зло.

И с этим новым странным чувством Роза закрыла глаза.

История из жизни солдата Максима Курипко

Рассвет выгнал Максима Курипко из траншеи. Он выбрался наверх, уставший, голодный и почти незрячий, после громкой бессонной ночи. Вчера был дождь, в траншеях стояла мутная вода. Курипко набрал ее во фляги, бросил туда таблетку очистителя и, не дожидаясь, когда она растворится совсем,пил жадно.

Ночью он отстал от своей роты. Была совершенная суматоха, наступали без приказов, без смысла. Когда приходили приказы, было уже непоправимо поздно, уже рвались снаряды, и сотни людей становились глиной.

На земле в рытвинах от колес стояла маслянистая вода. Овраг справа от дороги был забит конскими и человеческими трупами, в небе кружились вороны. Вдалеке горел город.

Солдат шел вдоль дороги. Он, кажется, совсем потерялся, вокруг не было ни одного живого человека, а все только трупы и взрытая земля. Всюду на земле лежали враги, свои и даже страшные штурмовики-«западники», как о них говорили, «закончен-

ные», еще живьем мертвые люди. Вчера прибыли они с западного фронта на десантном корабле, увешенные орденами, - гордые и опасные - вчера они бросили в порту своего командира и двинулись вперед, и всю ночь рокотало впереди, и в небе, и в траншеях было беспокойно, а он - из простых солдат - сидел под дождем, накинув на себя отпоротую половину плащ-палатки.

Эта половина и сейчас была при нем. Плащ-палаткой с ним поделился сержант Клипин. Свою Максим сдал в хозяйственный обоз, как раз перед тем, как загрохотало в небе и на земле. Теперь брезентовая половинка тяготила его смутным беспокойством. «Увижу – верну», - решил Курипко.

День был жесток к солдату. Он принес холодный северный ветер и тучи воронья. Вороны садились на ветки, прыгали среди неподвижных тел, клевали у трупов глаза, а главное – гремели в зияющем небе над головой Максима.

Но вот Курипко, бывший охотник, остановился, вскинул винтовку и дал залп в небо по стае. Одна из ворон упала на землю. Стая рассыпалась со страшным гвалтом. Бывший охотник выстрелил еще раз, а потом еще и еще. После каждого выстрела на землю падал мертвый враг.

Максим торжествовал молча. Про себя он думал, как правильно и хорошо, что он, теперь уже не совсем солдат, и совсем не человек, вот так стоит и стреляет по воронью.

Вороны разлетелись прочь. Их черное войско было разбито одной только винтовкой Мосина. Пространство вокруг прояснилось, не стало хриплого карканья, он отправился дальше. Спустя какое-то время он обнаружил, что дорога, по которой он идет, ведет их не к цели, не к горящему городу, где еще слышались выстрелы, а куда-то в сторону. Но он не замедлил шаг, внутри у него что-то еще надрывалось вороньим гвалтом, а в ноздрях свербил запах прибитой пыли.

Откуда-то из-за поворота появилась полевая кухня. Она двигалась торопливо и шумно, подпрыгивая на ямах и кочках, испуская клубы ядовитого дыма. Кухня двигалась, не сбавляя скорости, и не было сомнения, что она промчится мимо.

Тогда Курипко, у которого еще оставалась граната, снял с пояса ее и вышел на середину дороги, расставив руки в стороны.

Кухня громко чихнула и встала. Из нее выскочил уставший солдат, шофер с замученным лицом. Он понял, чего хочет от него солдат, что не ел он, наверное, очень давно, два или три дня. В машине были теплые хлебы, теплые, как разогретые валуны, шершавые и темные.

Курипко жевал хлеб сосредоточенно, тяжело вздыхая, проглатывая сразу по многу. Рухни сейчас холмы и скалы, окружавшие его, он ни за что не прекратил бы есть.

Вот пекарня уехала, и Курипко двинулся дальше по дороге, и вскоре вышел к широкой бухте. Солнце поднялось уже высоко, и можно было скинуть с себя всю одежду, и побежать по пляжу, окунуться в холодный прибой, и поплыть прочь от берега.

И вот он, тот, который никогда еще не плавал вот так голышом в море, заплыл очень далеко, так что и забыл про берег, и течение подхватило, одолело его, и не мог он ничего сделать, кроме как лечь на спину и совершенно отдалиться ему.

И тогда из его тела вдруг ушла какая-то судорога, которой он прежде, кажется, и не замечал или успел каким-то образом к ней привыкнуть. И тогда пришло воспоминание – короткое, смутное, как позавчерашний сон, о том, что осталось в траншее скрытое под грязной водой.

Что-то случилось с ним. Максим выбросился на сушу, рыхлый как морская пена, и высох, остался на камнях тонким соляным осадком. Когда же он пришел в себя, вокруг не было ни души. Солнце стояло в зените, где-то вдали догорал город.

На камнях среди одежды лежал обрывок плащ-палатки.

- Нужно вернуть, – вспомнил Максим.

Он смешно прыгал на камнях, натягивая порты, когда со стороны города появился человек, японец. На нем не было погон, но по костюму и выправке в нем можно было узнать офицера. На лбу у него белела марлевая повязка.

Максим нагнулся за винтовкой да так и замер, не сводя взгляд с японца. Таких убивали, не пропускали мимо. Офицер тоже остановился и смотрел на солдата.

- Иди, — прошептал Максим одними губами, — иди.

Офицер, конечно, ничего не мог услышать, но почему-то понял намерение Максима и двинулся дальше. Вид у него был, кажется, такой же потерянный, как и у Курипко. Затем он исчез, и Максим тут же забыл о нем.

Дорога к городу поднималась от самого берега. Среди холмов виднелись просевшие обвалившиеся доты. Холмы, еще утром неприступные, кишевшие злой пчелиной жизнью, теперь опустели. Только кое-где ходили страшные люди с винтовками - высматривали, не шевелится ли кто среди обломков.

По дороге навстречу Курипко шла колонна пленных — уголовники вели арестованные жандармерией. Зеки шли гордые, довольные тем, как распорядилась ими судьба. Вчера они напоили водителей и двинулись в город. К утру улицы уже были охвачены пламенем, а земля дрожала от страшного мужицкого разгула.

- Не видели сержанта Клипина?

- Клипина? Не знаем такого.

«Западники» захватили спиртзавод и выставили по периметру бойцов с винтовками. Всем желающим разливали спирт — во фляги и в банки. Возле ворот дымил штурмовик, из самовольных атаманов уставший мужик с недавним шрамом на шее.

- Это немец штыком меня, — рассказывал он, поглаживая острый кадык, — я тогда чуть-чуть не кончился.

Командир штурмовиков, молодой полковник, сидел тут же, курил рассеянно, то и дело одергивая китель, касаясь невзначай кожаной портупей. Лицо было серым и неподвижным. Вчера он, гордый и грозный хищник, стоял на носу десантного корабля. Вчера он велел штурмовикам остаться в порту и ждать прибытия генералов, но кто-то из них, из этих закопченных, замасленных солдат — может и тот, что болтал и чесал кадык сейчас, - кто-то из этих бандитов крикнул ему, «Командир, оставайся в порту, остальные за мной!». И ничего не мог сделать полковник, кроме как нервно вытянуться перед этими бандитами, не сказав ни слова, сжав зубы.

Потом приехали генералы. Приехали, все поняли без вопросов, покачали головами. «Мы так и думали», - сказал один. «Это не ваша вина. У них там свои командиры», - сказал другой. А полковник стоял перед ними все так же нервно навтыяжку, как будто мученическая поза могла что-то изменить или как-то оправдать его беспомощность.

- Не видели ли сержанта Клипина? — спросил Максим штурмовиков.

- Нет, не видели, — отвечали западники угрюмо, — а ты не стой, сядь что ли, выпей с нами.

- Да не могу. Мне идти надо.

- Ну, хоть во флягу набери.

- Во флягу — можно.

На окраине стоял буддийский храм. Во дворе лежал мертвый монах в странной одежде с желтыми кисточками. В храме хозяйничали саперы — день кончался, в воздухе звенели комары. Трое остановились возле монаха. Саперы вели свою беседу, глядя на мертвого человека в диковиных одеждах, ровно и бесстрастно, как на что-то простое и ясное, вполне приемлемое в их беспокойных жизнях.

- Форсировали мы реку, — говорил один из них, - ну - как мы... я и еще один дурак... переправили нас на «амфибиях», высадили, дали по железному пруту, идите, мол, пошуйте — нет ли на берегу мин. Я вот сейчас думаю — может, они на нас огонь вражеский хотели вызвать? Иду я, значит, гляжу — домик двухэтажный, ага... во дворе кони запряженные. Ну я-дурак, захожу внутрь, смотрю — котелок с кашей, нож с костяной ручкой, да фуражка офицерская. На второй этаж отчего-то ходить не стал. Кашу съел, нож прихватил. А после меня туда наши командиры сунулись - нашли на втором этаже трех японцев... кокнули их, конечно... а представляете, если бы я туда сунулся?

Дорога к городу поднималась от самого берега. Среди холмов виднелись просевшие обвалившиеся доты. Холмы, еще утром неприступные, кишевшие злой пчелиной жизнью, теперь опустели. Только кое-где ходили страшные люди с винтовками - высматривали, не шевелится ли кто среди обломков.

- Не видели сержанта Клипина? — спрашивает их Максим.
 - Клипина? — заговорил кто-то из саперов. — Ну видел я вашего Клипина. Он с двумя дураками дот закрывать пошел. Его из того дота пулеметом и прошило. Только и видно было, как патроны из патронташа на землю сыплются.

- Вот как получается... - Курипко выпросил у сапера папироску, закурил.

- Спирт есть? — спросил кто-то.

- Ну, есть немножко, — Курипко показал флягу.

- Это хорошо. Оставайся тут ночевать, — сказали саперы, — Мы здесь денька на два задержимся.

- Ну хоть и так... - согласился Курипко.

Заночевать в храме, впрочем, не получилось — через час всего явился к ним какой-то человек в штатском и велел уходить.

- Местные вам монаха не простят, — говорил он нервно.

- Мы что ли, попа этого убили? — возмутились саперы. — Мы когда пришли, он уже готовенький лежал.

- Все равно уходите. На сопки уходите. Там и переночуете. А здесь нельзя.

Когда поднялись на сопки, сделалось уже темно, да к тому же с моря поднялся густой туман. Курипко вдруг оказался один, пробовал кричать, но не докричался, а только сорвал голос.

Тогда он нашел себе укромную впадинку, постелил на землю плащ-палатку и задремал. Было темно, сыро и тепло. Это был тот влажный морской воздух, от которого не заживали раны, и даже самая маленькая царапина гноилась и нарывала годами. Курипко задохнулся от этой морской духоты и быстро заснул. Последнее, о чем подумал, было то, что сержант Клипин пожадничал и мог бы отдать ему всю плащ-палатку, прежде чем умереть.

Вдруг чья-то рука больно толкнула его. Максим открыл глаза. Над ним склонился японец, точь-в-точь как тот, которого видел Максим в бухте. Курипко зажмурился и тряхнул головой. Японец не исчез, это точно был он! Даже повязка, кажется, была на прежнем месте, только чуть-чуть съехала на висок от сырости. На плечах были тени от погон.

Еще был густой туман, и лицо японца выступало из серой мглы, как лицо привидения.

Он произнес что-то и махнул рукой. Максим приподнялся, упершись локтем в холодную сырую землю. Все тело болело от холода. Он, наверное, замерз бы насмерть до утра.

Японец снова махнул в сторону, и Курипко, наконец, увидел неясный огонек вдали — искорку костра. Чей это костер? Друзья или враги греются возле него?

Максим встал и нетвердым шагом двинулся к огню. Японец шагнул в туман и навсегда исчез.

Костер был уже совсем близко. «Наши! По-нашему говорят! — понял Максим радостно. — Да это же из моей роты!».

Возле костра сидели десять человек, знакомых и незнакомых. Говорили негромко, поминали погибших, среди прочих и Клипина, пили спирт со спиртзавода.

Когда Максим шагнул к костру, все разом замолчали и неподвижно уставились на него. Лица некоторых вытянулись от удивления.

- Курипко! — вдруг раздался голос ротного. — А я тебя в мертвые записал! Сам же видел, как рядом с тобой мина рванула!

- Я живой... - слабо улыбнулся Максим. — Меня землей присыпало, а так живой. Холодно здесь. Пустите к огню.

И вдруг он почувствовал, что прежняя судорога вернулась к нему, и теперь, уже, наверное, не оставит его до самой смерти. И подумалось ему отчего-то, что через много-много лет не будет помнить дня, в который ходил по земле, будучи мертвецом. Разве что вспомнится ему из всей этой странной жизни то, как он плавал в море первый раз в жизни, и как в болезненной звенящей тишине шептались волны Охотского моря.

Светлана Милованова

Великой Победе — 65!

Победу 9 Мая мы празднуем шестьдесят пятый год!

*У праздника горький привкус:
смеется и плачет народ.*

*Мы выстояли и победили
в той страшной,
жестокой войне,
Чтоб жить и родиться в России
сегодня тебе и мне,*

*Учиться, расти и влюбляться весной,
Трудиться во славу Отчизны,
гордиться своей страной!
Мы славу страны преумножим,
а гордость и честь сбережем.
Мы тоже ее солдаты,
надежно покой стережем.*

*В салюте Победы мая кругом небеса
расцветут,
И в ясной улыбке лица
солдатские оживут.*

*Они не вернулись с фронта
и к нам никогда не придут,
Но нынешние поколения
их подвиг помнят и чтут.*

*И светлая память людская навечно их
сохранит,
Не только отлитых в бронзе,
одетых в железо, гранит.
Мы будем их вечно помнить —
солдат тех лет роковых,
Солдат Великой Победы —
героев сороковых!*

*Душистый букет сирени я к памятнику
возложу.*

*Мой прадед не вышел из боя — я свечку
ему зажгу.*

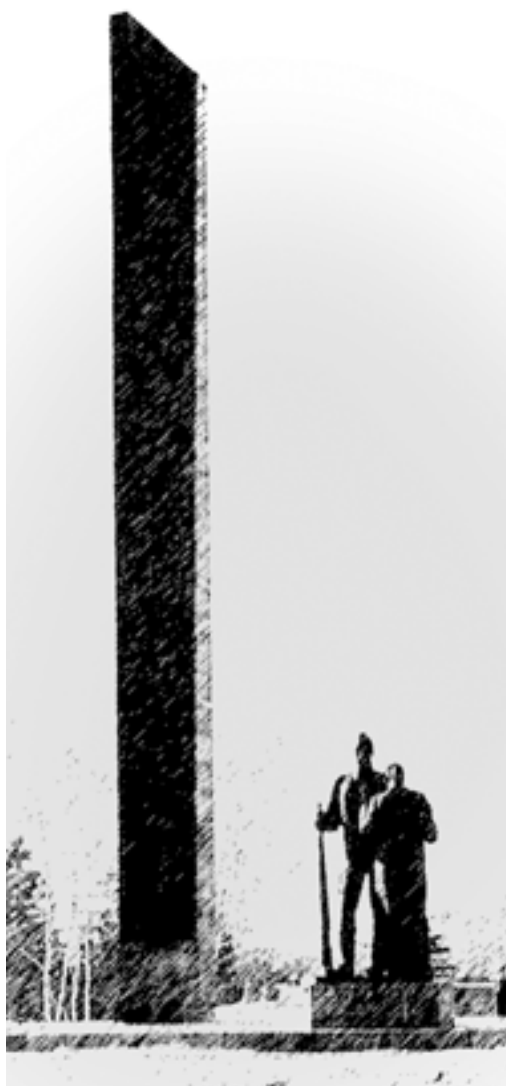
*В молитве своей я вспомню Иванов
всея Руси.*

*Помилуй их, Господи, души,
помилуй их и спаси.*

*Победу 9 Мая мы празднуем
шестьдесят пятый год!*

*У праздника горький привкус:
смеется и плачет народ.*

*Мы выстояли и победили в той
страшной, жестокой войне,
Чтоб жить и гордиться Россией
сегодня тебе и мне.*

Барнаульский журналист Константин Сомов написал удивительную книгу «Война: ускоренная жизнь». Сам он ее называет бытовой энциклопедией войны. Это шестисотстраничное собрание воспоминаний рядовых бойцов и офицеров о том, что долгие годы считалось чем-то второстепенным. О солдатском быте. То есть об одежде, о жилище, о снабжении... Выясняются порой поразительные факты. Дело в не в том, что быт был неустроен, – дело в том, как умело, как талантливо его обустроивали те, кому, возможно, завтра предстояло идти в последнюю атаку! Мы предлагаем вам выдержки из книги Константина Сомова, из того раздела, который посвящен солдатской еде.

По нормам военного времени

Константин
Сомов

Третья категория

Путь солдата на войне и вблизи ее обычно катился по замкнутому кругу. Запасной полк, передовая, госпиталь, опять запасной полк и передовая, и так до конца всемирного побоища. Для этих этапов Приказом народного комиссара обороны № 312 от 22 сентября 1941 года было предусмотрено несколько категорий питания. Самой нелюбимой из них была – рассчитанная для красноармейцев и командиров строевых и запасных частей, не входящих в состав действующей армии.

– Прямо скажу, из запасного полка – школы «особого назначения», который готовил радистов-разведчиков, звало на фронт не только чувство патриотизма, желание скорей сразиться с проклятым врагом, соединенное в большой мере с мальчишеской отвагой и любопытством, но и не проходящее чувство голода. – вспоминал спустя десятилетия после войны ставший в мирной жизни журналистом Владимир Виноградов.

О том, что в запасных полках и военных училищах, на офицерских и разнообразных специальных курсах кормили не в пример хуже, чем на фронте, писали и рассказывали многие, да и сами нормы питания по третьей категории (даже в задуманном, но далеко не полностью выдаваемом объеме) подтверждают эти воспоминания весьма убедительно.

Хлеба там бойцу полагалось зимой 750, а летом 650 граммов в день, мяса 100 граммов, рыбы 120, картофеля 600, масла 20 и т. д.

Еще до выхода в свет Приказа № 312 боец формировавшейся в Славгороде 312-й стрелковой дивизии Максим Маношин писал домой 18 августа 1941 года: «После свободной жизни здесь очень трудно, но ничего не поделаешь, помаленьку нужно привыкать... Утром на завтрак чай с сахаром, иногда каша, иногда рыба, масло. В обед суп. Ужин – вермишель, или по-нашему лапша из белой муки, только без воды и очень густая. Утром и вечером дают белый хлеб, а в обед серый или комбинированный. Сначала хлеба не хватало, но ничего, помаленьку привыкну».

Это только самое начало войны, и уже о декабре 1941-го призванный в ту же 312-ю стрелковую дивизию Федор Слепченко о своей жизни на формировке рассказывал в 1990-е годы так: «Питание было следующее: 600 граммов хлеба, супчик жиденький

гороховый и ложки по три-четыре пшенной каши на брата. Ни тарелок, ни мисок не было. Тазик, с каким в баню ходят, и в него на четверых человек суп давали, а потом немного каши. Кто пошустрее был, тому больше и доставалось.

Село наше Васильчуки было не так далеко, в Ключевском районе, и ко мне два раза сестренка повидаться приезжала, привозила продукты из дома. И другим моим товарищам тоже случалось их привозили. Делились мы друг с другом, как в армии заведено, приварок к пайку был хороший».

Действительно хорошо, когда село твоё «не так далеко», но так бывало не часто, а война все продолжалась, набирала ход, и с продуктами в стране становилось все труднее. Фашисты захватили хлебобобную Украину, дочиства выгребались довоенные запасы на свободной от гитлеровцев территории. В подписанном 28 августа 1942 года Сталиным знаменитом Приказе № 227 («Ни шагу назад») вождь перечислял колоссальные потери страны: «более 70 миллионов населения, более 80 миллионов пудов хлеба в год...» и резюмировал: «У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба».

Но еще до того, в январе 1942-го, по воспоминаниям Владимира Пыльцина, курсанта 2-го Владивостокского военно-пехотного училища, среди которых в то время находился и он, кормили так, что «...досыта удавалось наесться только тем, кому выпадало счастье идти в наряд по кухне. Может быть, именно поэтому тех, кто получал наказание в виде наряда вне очереди, на кухню не назначали (для этого были в основном солдатские нужники, мытье полов в казарме после отбоя да расчистка строевого плаца от снежных заносов).

Перед ужином каждый вечер по 1-2 часа мы занимались строевой или лыжной подготовкой. К счастью, лыжный маршрут проходил недалеко от какого-то магазинчика. В нем, правда, не было ничего, кроме баночек с крабовыми консервами. Это был наш «доппаек», который мы либо съедали сразу по возвращении в казармы, либо сберегали до завтрака, чтобы сдобрить этим деликатесом, стоившим тогда 50 копеек, свою утреннюю порцию перловой или овсяной каши».

Подробный рассказ о том, как кормили в запасном полку осенью 1944-го, удалось услышать от уроженца Донбасса, барнаульца Дмитрия Каланчина:

«Давали нам по третьей категории 700 граммов хлеба на день, и был он такой: половина — кукуруза, овес, жмых, половина — зерно. В целом обычный рацион выглядел следующим образом. Утром — 200 граммов хлеба, жиденькая пшенка с каплей комбижира, чай с сахаром. Сахар в чайник добавляли, и очень мало его там было, прямо скажем. Обед — щи все из той же выращенной нашими предшественниками мерзлой капусты, которую брали из лежащей на улице громадной кучи. Кроме воды, капусты и капли комбижира в шах этих ничего не было. В сутки в запасном полку солдату полагалось 75 граммов мяса с костями. Так что бульон был иногда маленько похож на мясной, но самого мяса в чистом виде мы никогда не видели. Второе — каша, кукурузная или овсяная, и опять малость комбижира в банку брызнуто. Чай уже не давали. Ужин — та же самая каша плюс кусочек селедки.

В общем, чувство голода присутствовало постоянно, казалось, даже во сне.

Лыжной подготовкой мы занимались на бывшем капустном поле и я как-то раз ткнул палкой во что-то мягкое. Разрыл снег, вижу пол-кочана капусты. Быстро спрятал его в противогазную сумку и стал ждать момента, когда можно будет с ним расправиться. Ведь если бы кто-нибудь из сержантов увидел, как я его ем, наряд вне очереди, считай, обеспечен. После отбоя дождался, пока все утихло, и только начал качан этот грызть, как что-то меня спугнуло. Спрятал его опять в сумку, стал ждать спокойного момента и... уснул.

Просыпаюсь в страхе, руку за капустой — нет ее. Прислушался — через нары от меня хрустит. Кинулся я туда, отбил свою добычу, съел. По сей день ту капусту помню.

Вспоминал про свою военную капусту и уроженец села Знаменка Славгородского района, бывший курсант 1-го Томского артиллерийского училища Иван Новохац-

«К счастью, лыжный маршрут проходил недалеко от какого-то магазинчика. В нем, правда, не было ничего, кроме баночек с крабовыми консервами. Это был наш «доппаек», который мы либо съедали сразу по возвращении в казармы, либо сберегали до завтрака, чтобы сдобрить этим деликатесом, стоившим тогда 50 копеек, свою утреннюю порцию перловой или овсяной каши».

кий: «Особенно мы любили топографию. Обычно маршрут был за городом, где располагались огородные плантации, и маршрут у нас обязательно проходил по полю, где еще не убрана была капуста (остальные овощи к этому времени были уже собраны). К концу занятий у каждого курсанта в сумке противогаса уже был кочан капусты. Его требовалось «уничтожить» до возвращения в училище, иначе наказание было обеспечено».

Однако военное училище не запасной стрелковый полк, а заведение рангом повыше, в котором готовили будущих командиров Красной армии, а потому не чурались в них не только банальных нарядов, но и более серьезной «воспитательной работы». Родившийся в селе Лебяжье Ново-Егорьевского района нашего края и начавший свой путь по Великой Отечественной с курсанта Асиновского военно-пехотного училища Семен Соболев вспоминал, как прохаживался во время обеда между столами их старшина.

— Будущим офицерам неприлично так усердно скрести ложкой по миске, — басил он.

«Но что делать, что-то там хоть самое малое не хотелось нам оставлять, — написал уже в начале нынешнего века в книге воспоминаний Семен Никитович. — А некоторые, чтобы получилось психологическое насыщение от вида полной чашки, валили в нее все сразу: и суп, и кашу, и компот. Блюдо получалось пороссячье, но зато много».

К слову сказать, такое «блюдо» было популярным на первом году службы и у некоторых из армейских товарищей автора этих материалов, только уже в начале 80-х годов прошлого века. Преемственность поколений, а может быть, и все та же элементарная «нехватка».

«Также делили хлеб, — продолжает Соболев, — разрезав булку по числу едоков, заставляли одного отвернуться и, показывая на кусок, кричали: «Кому? Кому? Кому? — а отвернувшийся называл фамилии. Это чтобы не было кому-то обидно, если кусок покажется маловатым — тут уж все по судьбе. Резали, примериваясь на глаз. Не на аптечных же весах было его развешивать. Но наше отделение, сидевшее за одним столом, не опустилось, слава богу, до этого «Кому? Кому?»».

Такой способ дележки продуктов у наших бойцов был почти везде, и на переднем крае, слышав из наших окопов это самое «Кому?», немцы порой издевательски кричали по-русски: «Политруку!», и хохотали.

Не без юмора вспоминает о своем столе в офицерской столовой запасного полка под Уфой командир роты офицерского штрафного батальона Александр Пыльцин:

«Меню наших блюд там состояло в основном из щей, сваренных из квашеной капусты, наверное, позапрошлогоднего засола, а на второе или на ужин, как правило, та же капуста, но уже тушеная... на воде. Мясных блюд почти не было, не считая котлет, в которых основным содержимым был хлеб, но чаще всего «мясным блюдом» была ржавая селедка, тоже наверняка очень давнего улова».

Тогда, видимо, и родился анекдот о том, что работники военторга купили на свои деньги для фронта самолет... Но летчики будто бы наотрез отказывались вылетать на нем на боевые задания, так как, глядя на бортовую надпись «Военторг» свои же соблюют».

«...600 граммов ржаного хлеба на весь день. Утром в жидкую похлебку крошили ломтик, и казалось, больше варева, сытнее. К чаю пару квадратиков сахара. Масла не припоминаю. В обед разносили щи на костном бульоне, не на одной же воде, что подтверждали мясные паутинки — два бачка на шестнадцать ртов. И полбачка каши из пшеничной крупы-сечки, «бронепойной», поверну жалкой кучкой — по полложки на рыло тушенки», — весьма эмоционально завершает свое повествование о пребывании в запасном полку Владимир Виноградов. — На десерт в полное распоряжение тиган с кипятком. Ужин полное повторение завтрака. Миски можно было не мыть, вылизывали до блеска. Жрать хотелось дико и постоянно».

А на фронте, рассказывали, не только гонят на убой, но и кормят на убой. Особенно разведчиков, для которых было, рассказывали, много всяческих привилегий и

льгот. Не отличавшийся примерной учебой в средней школе, здесь я был отличником и окончил школу на месяц раньше. Соответственно и на фронт отбыл с первой группой, и не жалел».

Дорога на фронт была не такой близкой и походила порой не так уж гладко. Так, в Приказе заместителя народного комиссара обороны маршала Василевского за № 0347 от 25 октября 1944 года «О случае безобразной отправки на фронт из Златоустовского пулеметного училища группы молодых офицеров — выпускников и их обеспечения в пути» говорится о том, что направленные в распоряжение командующего 3-м Белорусским фронтом 250 молодых офицеров за 23 дня пребывания в пути имели горячую пищу только три дня. По дороге офицеры продавали обмундирование (*есть-то охота — К.С.*), в частности, было продано 106 шинелей, 78 пар сапог, все офицеры остались без второй пары нижнего белья. Было указано, что: «Начальник эшелона капитан Соколов и его заместитель по политической части лейтенант Колясов не только не проявляли никакой заботы о наведении порядка и организованности в пути следования, но сами продавали хлеб и пьянствовали в пути. Эти исключительно безобразные факты могли иметь место в результате слабой воспитательной работы с курсантами училища, низкого уровня дисциплины в училище, безответственности, халатности и бездушного отношения к людям со стороны начальника Златоустовского пулеметного училища полковника Михайлова, начальника эшелона капитана Соколова и его заместителя по политической части лейтенанта Колосова».

В итоге полковник Михайлов был смещен с поста начальника училища и назначен на должность с понижением, а капитан Соколов и лейтенант Колосов пошли под трибунал.

Капитанов Соколовых и лейтенантов Колосовых в Красной армии, что греха таить, хватало, но, по счастью, хватало в ней и командиров (в том числе и интендантов), заботящихся о солдатском желудке, ну если не совсем как о своем собственном, то близко к этому.

Механик—водитель тяжелого самоходного орудия Электрон Приклонский на перестройке за войну побывал не единожды и вспоминал, как на пути от передовой к месту нового формирования в мае 1944-го снабженцы их части еще в Молдавии запаслись несколькими коровами и здоровенными кабанами, мукою, крупами и постным маслом, воспользовавшись тем, что в то время за Бугом все было крайне дешево. За два-три перегона до станции назначения дошлые хозяйственники оперативно сгрузили скот, и добровольцы пастухи из солдат на рысях угнали животных в лес подальше от бдительных глаз. Получавшие затем весьма неплохое питание бойцы высоко оценили «военную хитрость» полковых кормильцев.

В общем, бывало и так и эдак и, как понятно из приказа, не всегда голодать нашим солдатам и офицерам приходилось по вине Сталина, но и по независящим от Верховного главнокомандующего причинам.

На переднем крае

Как в окопах сытно кормит

Старшина — легко понять:

Получил паек на двести

А в живых осталось пять.

(Фронтвая частушка).

Питание на передовой (если таковое имелось) было, как правило, два раза в сутки: утром до рассвета, когда темно и противник не видит, и вечером, когда наступает темнота.

Посмотрим на наименование и количество продуктов в нормах суточного довольствия для личного состава боевых частей действующей армии.

Хлеба из ржаной и обычной муки полагалось 800-900 граммов на день (в зависимости от времени года), мяса 150 граммов рыбы 100 граммов масла 20 граммов сала

30 граммов овощей разнообразных 820 граммов, крупы 140 граммов. Плюс к этому разная мелочь в виде перца, горчичного порошка или уксуса.

Личному составу войск первой линии Карельского фронта Приказом №312 НКО СССР в декабре-феврале полагалось выдавать по 25 граммов сала в сутки на человека дополнительно.

В общем, когда все было нормально (*если такое слово вообще применимо для войны.* — Авт.), кормили бойцов и командиров Красной армии довольно неплохо. В письме с фронта, датированном 29 апреля 1942 года, заместитель политрука Ю.И. Каминский рассказывает матери: «Получаем утром суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб - 800-900 граммов в день, сахар, махорку или табак и водку - сто граммов ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обычно состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса - 100 граммов в обед и 30 утром. В годовщину Красной армии у нас были и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т. д. Теперь ждем 1 мая».

По воспоминаниям выпускника Барнаульского пехотного училища Юрия Стрехина, прибывшего на Северо-Западный фронт в начале 1943 года, самых слабых новобранцев сразу же после призыва, по заключению врачей, направляли в особые команды, вроде команд выздоравливающих. Там их подкармливали усиленным пайком и во время занятий давали не очень большую нагрузку, и только после того как они набиралась силенок, направляли в части. «Но все равно эти недавние заморыши еще не похожи на взрослых бойцов, — сетует в своих записках о войне Юрий Федорович. — Да и как им быть похожими — по закону о военной службе, введенному во время войны, призывают тех, которым исполнилось семнадцать лет и восемь месяцев. Когда началась война, этим ребятам было лет по пятнадцать, самое время взросления организма, когда недоедание особенно сказывается».

Нам с этими ребятами хлопотно. Кое-кто из них не выдерживает солдатской нагрузки, которая ложится на их полудетские плечи. Таких слабосильных рискованно определять в роту противотанковых ружей, в пулеметную или в минометную роты: там тяжелое оружие, его приходится таскать на себе да еще совершать с ним длительные марши. В эти роты мы направили из пополнения тех, кто покрепче. А мальчишек-недоростков в стрелки, в автоматчики».

Заботиться о своем пропитании этим мальчишкам (по крайней мере, в теории) с этого момента не требовалось. Для того чтобы и у них, и во всех окопах с едой было примерно так, как в апреле 1942-го у политрука Каминского, трудилось огромное количество людей, в просторечии именуемое

«ЧМОШНИКИ»

Есть в солдатском лексиконе такое грубое слово «чмо», «чмошник», обозначающее человека никчемного и попросту опустившегося. Живет это слово, наверное, и в нынешней армии (по крайней мере, в начале 1980-х, когда автор служил в Советской армии, было весьма в ходу), а родилось на войне. К примеру, в повести писателя-фронтовика Виктора Курочкина «На войне как на войне» механик-водитель Шербак говорит: «Чтоб два раза не ходить, я выпросил у чмошников коробку».

Происхождение этого малоприятного слова очень простое. «ЧМО» означает ни что иное, как часть материально-технического обеспечения.

Испытывая вместе с бойцами первого эшелона все ужасы бомбежек и артобстрелов, бойцы и командиры таких подразделений в атаку все же не ходили, разве что когда пехоту выбивали практически под чистую и из ближайших тылов «гребли» в траншеи всех, кто мог держать в руках оружие. Так было у нас, точно так же было и у немцев. Потому, хоть числились чмошники солдатами, да солдатами как бы второсортными — смерть выдавшими пореже, а котелок с кашей почаще. Фронтовики-окопники — и наши, и немцы — относились к ним со снисходительностью и даже презрением, зачастую излишним.

«Получаем утром суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб - 800-900 граммов в день, сахар, махорку или табак и водку - сто граммов ежедневно».

В любой сражающейся армии на каждого бойца передовой линии приходится несколько тыловигов. К примеру, в 5-й Гвардейской армии кроме боевых частей имелось 92 подразделения тыловых служб: автогужевые, транспортные подразделения, санитарные, ветеринарные, продовольственные, военно-технические и т. д. В то время передвижного холодильного оборудования еще не было, и за частями армии двигалось огромное стадо, именуемое на военном языке «45-й армейский гурт продовольственного скота».

Бесперебойное обеспечение находящихся на переднем крае солдат и командиров всем необходимым трудов стоило немалых, и легли они во многом на женские плечи.

«Я не стреляла... Кашу солдатам варила, — рассказывала писательнице Светлане Алексиевич спустя многие годы после войны рядовая, повар Александра Масаковская. За это дали медаль. Я о ней и не вспоминаю: разве я воевала? Кашу варила, солдатский суп. Тягала котлы, баки. Тяжелые-тяжелые... Командир, помню, сердился: «Я бы пострелял эти баки... Как рожать после войны будешь?» Однажды взял — и все баки пострелял. Пришлось в каком-то поселке искать баки поменьше.

Придут солдатики с передовой, отдых им дадут. Бедненькие, все грязные, измученные, ноги, руки — все обмороженное. Особенно боялись морозов узбеки, таджики. У них же солнце всегда, тепло, а тут за тридцать — сорок градусов мороза. Не может отогреться, кормишь его. Он сам ложки не поднесет ко рту...».

Мария Кулакова, рядовая, пекарь:

«В военкомате собрали нас, так и так, мол, требуются женщины для фронтовых хлебопекарен. Труд этот очень тяжелый. У нас было восемь железных печей. Приезжаем в разрушенный поселок или город, ставим их. Поставили печи, надо дрова, двадцать-тридцать ведер воды, пять мешков муки. Восемнадцатилетние девчонки, мы таскали мешки с мукой по семьдесят килограммов. Ухватимся вдвоем и несем. Или сорок булок хлеба на носилки положат. Я, например, не могла поднять. День и ночь у печи, день и ночь. Бомбят, а мы хлеб печем...».

«...Голодный боец злой первые минуты. Потом он начинает вянуть, морщиться, сникать, как не политый под солнцем цветок, или замерзать при небольшом холодке. Ты можешь обложить его боеприпасами, а он скажет про себя: «Лучше бы ты мне харчишки подвез». А накорми — он сам лишний патрон раздобудет. Сытую жизнь защищать.

«На войне любовь, дружба, жизнь и смерть приобрели воистину шекспировское звучание, но реальность держалась на густом пшенном супе, крутой каше и табачной закрутке», — писал, вспоминая боевую молодость, бывший артиллерист-разведчик Владимир Виноградов. И надо сказать, что к упоминаемому им пшенному супу солдаты действительно относились с большим трепетом.

В своих дневниковых записях «Разные дни войны» Константин Симонов приводит рассказ своего коллеги Бориса Смирнова о том, как тот сидел на пункте наведения авиации вместе с несколькими солдатами-артиллеристами. Им только что подвезли суп и они ели его из котелков. В это время начался немецкий артолет. Когда снаряды свистели и рвались далеко сзади, солдаты, усмехаясь, говорили про них: «Это не наш, это генеральский пошел... И это генеральский... А вот это наш». Солдат, сорвав с головы пилотку, прежде чем лечь, накрывал ею котелок с супом.

Снарядов много бывает за день, а суп один, никто другой порции не привезет, да и первую единственную на позицию зачастую приходилось доставлять ползком, под огнем врага.

«С нетерпением ждали мы на переднем крае прихода с обедом из тыла нашего повара или старшину, — вспоминал в своей книге «Звезды на винтовке» знаменитый на Ленинградском фронте снайпер Евгений Николаев. — Они всегда появлялись с двумя термосами, наполненными горячей пищей. Приходили два раза в сутки и только с наступлением темноты — поздно вечером и перед утром. В остальное время приход к нам был заказан. Когда один из них отправлялся в свой опасный путь с термо-

«Особенно боялись морозов узбеки, таджики. У них же солнце всегда, тепло, а тут за тридцать — сорок градусов мороза. Не может отогреться, кормишь его. Он сам ложки не поднесет ко рту...»

сами, пристегнутыми широкими ремнями к спине, другой на кухне готовил пищу на завтра.

Не за свою жизнь боялись наши кормильцы, пробираясь сквозь огонь на передовую, за термосы, в которые по дороге попадали осколки от мин и разорвавшихся поблизости снарядов. Путь от кухни до роты был недалеким, но опасным. И не раз оставался личный состав без пищи. Иногда вместо жидкого супа нам приносили только гущу. И тогда, если на кухне оставался какой-то резерв, повар или старшина проделывали свой нелегкий путь дважды. Больше всего доставалось старшине Владимиру Дудину: траншеи были мелкими, а он высокий и кланяться пулям не привык. И тогда он приносил термосы, из которых со свистом выливалась жижа.

Каждому полагалась половина котелка жидкого, но горячего борща или супа. Некоторые делали из этого два блюда: сначала выпивали с хлебом жижу, а гущу оставляли на второе. В крышку котелка наливался горячий чай. Порой заваркой ему служил пережженный на печурке сухарь».

Владимир Виноградов передает рассказ бывшего красноармейца Николая Панкова о том, как тот был представлен к очень уважаемой в солдатской среде медали «За отвагу». Подвиг Панкова заключался в доставке на передовую термоса с горячим борщом. Особенность этой доставки была в том, что на половине своего пути боец попал под прицельный вражеский огонь, и термос пробила пуля. Красноармейцу очень не хотелось оставлять своих товарищей без горячего и чтобы этого не случилось, он попросту заткнул отверстие собственным пальцем.

Боль была страшная, рассказывал Виноградову Николай, утешало одно — кость не сварится.

Так вот, с надежно запечатанным термосом и добрался Панков до наших окопов, где «героический» палец из емкости вывинтили. За редкостную находчивость и самоотверженность товарищи нацедили трофейного шнапса, а командир первым внес его в список награжденных, несмотря на то, что в начавшемся вскоре бою отличившихся хватало.

О подобном случае рассказывает в своей книге «Наедине с прошлым» и писатель Борис Бялик. В самом начале войны на Карельском перешейке он побывал в полку, которым командовал будущий Герой Советского Союза полковник Василий Трубачев. Ординарец полковника показался Бялику хвастливым и болтливым парнем, особенно после его рассказа о сбитом им из пулемета немецком самолете и представлении его за этот подвиг к ордену. Писатель рассказал об этом комполка и услышал в ответ:

— Боюсь, что вы составили совершенно превратное представление об этом замечательном парне. Он действительно большой болтун, не спорю, но к ордену действительно представлен. Не за самолет, которого не сбивал, а за то, что три ночи подряд пробирался с термосами к отрезанной роте...

«Так вот в чем дело! — восклицает Бялик— Термосы с кашей и супом оказались ему слишком прозаическими предметами, чтобы рассказывать о них.

Завтрак или обед перед атакой... Вот как вспоминают его фронтовики.

Иван Карнаев — в 1970-е годы житель Бийска, в августе 1942-го боец Ленинградского фронта: «Все траншеи заполнены солдатами. Где-то в стороне рвутся мины. Никто ни с кем не разговаривает, что будет дальше, как-то не думается, пока тихо. Последовала негромкая команда: приготовиться к завтраку. Принесли бачки, мешки с хлебом. В котелки накладывали плов, рис со свежей свининой, тут же сладкий чай и свежий хлеб. Это был праздничный обед. Почти год нас кормили не досыта, мучной заваркой, без капельки жиров, а под осень щами, и только из зеленой капусты.

Наелись до отвала. Не зная, что произойдет с нами через несколько минут, этот роскошный завтрак можно было бы назвать поминальным обедом самим себе, потому что для большинства из нас это был последний обед в жизни, так как через несколько минут началась кровавая бойня».

Семен Соболев, офицер-пехотинец: «Еще до рассвета подъехала наша кухня. Нас накормили. Надо сказать, что у меня перед боем всегда был отменный аппетит, и я удовлетворял его чем только можно. Бой требовал много физических сил, а относительно возможных ранений в живот я думал так: не все ли равно, какое дерьмо будет вываливаться оттуда — сегодняшнее или вчерашнее. Раненый в живот в любом случае уже не жилец».

Бывало, однако, и по-другому, особенно когда к атаке готовились солдаты, для которых этот бой был первым...

«...В траншее, по которой прохожу, тишина. Если разговаривают, то неторопливо, — вспоминал в своих записках о войне Семен Соболев. — Раздают завтрак — где-то позади окопов, в лоштинке остановилась кухня. Пахнет пшенной кашей и разваренным мясом, но аппетита это не возбуждает. Солдаты, отсутствием аппетита обычно не страдающие, безучастно берут котелки, пышущие вкусным паром, ленивоковыряют в них ложками. Иные попросту отставляют в сторону, в окопные ниши или на берму — узкую полоску дернины перед бруствером, не засыпанную землей при его сооружении...

На бровке бруствера рядом стоят котелки с нетронутым завтраком, суп подернулся светло-коричневой пленкой, из которых в некоторых котелках торчат ложки, — видно, очень взволнованны были их хозяева, коли забыли столь важный солдатский инструмент. Прислоненные к земляной стенке траншеи, стоят аккуратно увязанные шинельные скатки, лежат, сиротливо поникнув лямками, вещевые мешки: в атаку приказано было идти, чтоб ловчее было, только с самыми необходимым...

На повозке — шинельные скатки, вещмешки, котелки...

Вспоминаю: на рассвете, когда мы проходили траншеей, уже покинутой ушедшей вперед пехотой, там стояли котелки с нетронутым завтраком, лежали скатки... Почему все это старшина везет с передовой, от солдат, а не к ним? Очевидно, поняв мое недоумение, старшина говорит:

— Я давно это погрузил, чтоб на новые позиции отвезть, как стемнеет. Повез. Да мало кому осталось свое взять. Вон сколько обратно везу...

Не попавшие после атаки ни в «Наркомзем» ни в «Наркомздрав» (на фронтовом сленге в могилу или госпиталь. — авт.) солдаты шли дальше на Запад и порой делали это так быстро, что полевые кухни за ними не поспевали и старшины тоже. Тогда приходилось переходить исключительно на

«Бабкин аттестат»

Питание за счет местного населения либо банального мелкого воровства называли еще жизнью на «подножном корме», и «специалисты» по его добыванию имелись в каждой части. Особенно предприимчивой в этом плане приходилось быть матушке-пехоте. Обмоточному Ване частенько жилось на войне потруднее армейской интеллигенции — летчиков, артиллеристов, танкистов, а уж голоднее практически всегда. Стрелкам, автоматчикам, пулеметчикам, особенно в наступлении, нередко приходилось довольствоваться 800 граммами пайкового хлеба с утра пораньше и до конца дня только ремень потуже подтягивать.

Даже разжившись по какому-либо случаю продуктами пехотинец или такой же пеший путешественник-сапер могли лишь порубать от души да взять в дорогу малость, сколько места в солдатском заплечном мешке-сидоре найдется. Танкисты, как правило, имели в боевой машине запас продуктов и порой попросту «нанимали» за них пехотинцев, когда требовалось вырыть укрытие для танка. О летчиках и говорить не приходится. Лучше всех на той войне обихаживали именно их да еще подводников. Специалисты, ничего не попишешь.

Герой Советского Союза летчик-истребитель Сергей Горелов вспоминал: «...И под Москвой, и где бы мы ни были, питание у летчиков было отличным. Мы, когда попадали в тыл, скорее стремились на фронт, потому что в тылу очень плохо кормили. А там все ели сполна...»

Окопникам же в бытовом плане приходилось похуже.

Так, скажем, как бойцу 154-го отдельного саперного батальона 3-й Гвардейской танковой армии Григорию Богушу осенью 1944-го под Шауляем.

— Только на тягачах да «тридцатьчетверках» (другая техника застревала намертво) привозили к передовой необходимое: боеприпасы, сухари, гороховый концентрат, чикагскую тушенку в высоких четырехугольных банках и американские консервы «второй фронт» — в небольших круглых запрессованные молотые кости. На них мы варили бульон. Выковырнешь штыком в котелок и кипятишь на костре до тех пор, пока на поверхности не появятся редкие блески жира. Пили такой бульон, обжигаясь, чтобы согреться. Вкус у варева, как ныне злословят шутники, был специфический, век бы его не знать.

Здесь стоит сказать лишь несколько слов об истории появления иностранных продуктов к нашему солдатскому столу во время той войны.

Поставки в СССР продовольствия по ленд-лизу — знаменитой американской тушенки, яичного порошка, жиров, муки и других продуктов — сыграли действительно ощутимую роль в обеспечении питанием сражающейся Красной армии и частично тружеников тыла. 7 октября 1942 года глава Советского правительства Иосиф Сталин направляет Президенту США Франклину Д. Рузвельту послание, в котором высказывает пожелание о поставке в СССР самолетов-истребителей, алюминия, грузовиков и взрывчатки, а также пишет: «Кроме того, важно обеспечить поставку в течение 12 месяцев 2 миллионов тонн зерна (пшеницы), а также возможное количество жиров, концентратов, мясных консервов. Мы смогли бы значительную часть продовольствия завезти через Владивосток советским флотом, если бы США согласились уступить СССР для пополнения нашего флота хотя бы 2-3 десятка судов».

Уже 12 октября Рузвельт сообщает Сталину о предоставлении Советскому Союзу для использования на Тихом океане 20 торговых судов, а 16 октября 1942 года (*в дни ожесточенных боев в Сталинграде.* — авт.) глава Советского правительства получает следующее послание:

Ф. Рузвельт И. Сталину:

«В ответ на Вашу просьбу я рад сообщить Вам, что предметы, о которых идет речь, могут быть выделены для поставок, как указано ниже:

Пшеница	2 миллиона коротких тонн
Грузовики	8000-10 000 в месяц
Взрывчатые вещества	4000 коротких тонн в ноябре и по 5000 тонн в последующие месяцы
Мясо	15 000 тонн в месяц
Консервированное мясо	10 000 тонн в месяц
Свиное сало	12 000 тонн в месяц
Мыльная основа	5000 тонн в месяц
Растительное масло	10 000 тонн в месяц

В ближайшее время я сообщу Вам о поставках алюминия, которые я еще изучаю.

Я отдал распоряжение не шадить никаких усилий в целях полного обеспечения наших маршрутов судами и грузами и в соответствии с Вашими пожеланиями соблюдать приоритет по обязательствам, которые мы дали Вам».

(Короткая тонна, она же судовая, малая, равна 907,2 кг).

Всего по ленд-лизу в военное время в СССР было поставлено 5 миллионотонн продовольствия.

Был у нас в то трудное время и еще один союзник-помощник. Пусть и далеко не такой мощный, как североамериканские Соединенные Штаты, но на добро памятный и бескорыстный. К апрелю 1943 года из небогатой Монголии было направлено в СССР восемь эшелонов с продуктами и обмундированием. В начале победного

— Только на тягачах да «тридцать четверках» (другая техника застревала намертво) привозили к передовой необходимое: боеприпасы, сухари, гороховый концентрат, чикагскую тушенку в высоких четырехугольных банках и американские консервы «второй фронт» — в небольших круглых банках запрессованные молотые кости.

Стреляя из трофейных ракетниц, мы сбивали с толку фашистских штурманов, — и сыпались сверху «посылки»: хлебные буханки, «эрзац», колбаса, тушенка, шерстяные носки, соломенные боты, сигареты, галеты и тому подобное.

45-го пришел состоящий из 128 вагонов эшелон с подарками. Кроме того, монгольское правительство закупило и переправило в Советский Союз 500 тысяч лошадей, о которых фронтовики и после войны вспоминали добрым словом.

Но бывали моменты, когда и «специфическое варево» казалось солдату манной небесной, и тогда главным героем на фронтовой сцене становился тот самый «бабкин аттестат».

Летом 1942 года, когда бои под Старой Руссой приняли затяжной позиционный характер, с продовольствием у бойцов 44-й стрелковой бригады было более чем плохо. И когда его доставка совсем осложнилась, лучший разведчик бригады Павел Некрасов со товарищи, отправившись в очередной поиск, вернулись с немецкой стороны не с «языком», но с дойной коровой, которую они конфисковали у «снятого» ими с должности фашистского старосты и провели к своим через минные поля...

Живший перед войной в Алтайском крае и ставший на фронте минометчиком Мансур Абдулин вспоминает, как во время Сталинградской битвы по ночам фашистские транспортные самолеты сплошными эшелонами забрасывали в котел военные грузы. «...Стреляя из трофейных ракетниц, мы сбивали с толку фашистских штурманов, — пишет Абдулин, — и сыпались сверху «посылки»: хлебные буханки, «эрзац», колбаса, тушенка, шерстяные носки, соломенные боты, сигареты, галеты и тому подобное. Хлеб в целлофановых оболочках, выпеченный, как говорят, в 1933 году. Но солдаты германский хлеб забраковали: вкуснее наших сухарей нет на всем свете...».

Ивану Карнаеву, для того чтобы подкормиться самому и обеспечить приварок своим боевым товарищам, приходилось во время войны выступать в роли браконьера, глушил он в октябре 1943-го рыбу на Ладожском озере:

— Загрузили лещами полную лодку и еле остались живы, сначала едва не подорвавшись на собственном заряде, а потом попав под огонь заинтересовавшихся столь шумными рыбаками немецких артиллеристов. Ну, к тем какие претензии? Война...

Порой для лучшего питания подразделений бойцы и командиры практически в боевых условиях налаживали фронтовые подсобные хозяйства. В своем повествовании о войне сражавшийся на Волховском фронте офицер 192-го отдельного батальона связи Александр Невский пишет:

«...Лето 1942-го выдалось сложным для сельского хозяйства, да и с организацией полевых работ были большие проблемы, поэтому в зимний период 1942-43 годов овощами и картофелем мы почти не питались. Командование учло этот печальный опыт, и «весной 1943 года в войска была завезена рассада капусты и семенной картофель. Службы тыла дивизии и армии организовали выращивание овощей в 25-километровой зоне, прилегающей к линии фронта, откуда население было временно выселено. Для этого использовались все свободные и пригородные для сельского хозяйства участки земли. Урожай картофеля и капусты на этих участках был отменным. Летом мы усиленно заготавливали сено.

До созревания овощей употребляли в пищу молодой клевер, люди с охотой ели этот продукт, так как организм требовал витаминов. Разработанная рецептура блюд из клевера была достаточно разнообразной. Мне могут заметить, что я слишком много пишу о питании, но этот вопрос не праздный, особенно если учесть, что, когда люди находятся в длительной обороне, то изучение винтовки и телефонного аппарата может быстро набить оскомину, и людей потянет на «подвиги», тогда ЧП не избежать. Однообразная обстановка — болото и лес, однообразная жизнь для молодых и сильных людей были испытанием весьма трудным. Если еще ухудшишь питание — жди беды. Бывали дни, когда в дивизии из продуктов была только американская соевая мука. В таких случаях повар Шеметенко приходил ко мне и жаловался, мол, обед вышел никудышный, ругать его будут. Делать нечего, иду на кухню снимать пробу. Красноармейцы стоят в очереди за обедом, ждут. Шеметенко наливает мне супа, ем с показным удовольствием и нахваливаю: «Хорошо наелся!». Солдаты хохочут, но уже не ругаются. Что делать, раз на раз не приходится».

Это точно, и питаться исключительно с помощью «бабкиного аттестата» многим

бойцам Красной армии приходилось едва ли ни с первых дней войны. И не у всех это сразу получалось. Выручали товарищи. Кто советом, а кто и личным примером. Красноармеец 79-й горнострелковой дивизии Николай Близнюк в своих воспоминаниях «Вам не 41-й!» написал об этом так:

— Ребята городские, смелые (*недавние тульские студенты. — авт.*), быстро перешли на «бабкин аттестат». Однажды я и спросил: «А как вы питаетесь, где ночуете?». Отвечают: «Ты же знаешь, немцы, едва солнце на закате, заходят в деревню и останавливаются в западной ее части. А мы на выходе в восточной части облюбуем домик, попросимся, хозяйка не откажет, накормит и на ночлег оставит, и всегда спрашивает, когда будет немец и какой он. Отвечаем, что мы рано утром уйдем, а он через час-два придет, вот тогда вы и увидите, какой он, мы сами его близко не видели. Просим пораньше приготовить нам завтрак, а если проспим подъем, разбудить нас.

Войдем в первую деревню, посмотрим, где идет дымок из трубы и пахнет съестным. Заходи и будешь сыт.

Доходим до первой избы, один из туляков шаст в калитку, я за ним, другой меня за рукав — нельзя: один зайдешь — хорошо накормят, два — хуже, а четыре — совсем голодными выйдем. Вон домов много, иди и выбирай».

Вот по какому принципу Николай, а вместе с ним и тысячи его товарищей по оружию и питались. Тем более что кроме традиционного сострадания к ближнему у нашего населения летом и осенью 1941-го еще имелся определенный запас продуктов. Дальше стало труднее — любовь к ближнему не ослабела, но вот с провиантом стало не в пример хуже. Зачастую его прятали и от чужих, и от своих.

Вот какой случай, произошедший под Ржевом, описывает в своей книге писательница Елена Ржевская. В пустой деревне, находящейся в прифронтовой полосе отчуждения, красноармейцы обнаружили в палисаднике одного из домов холмик. В него был вбит кол, а к нему прикреплена дощечка: «Здесь похоронен Васильев Николай Васильевич. Мир праху твоему». Смысленные бойцы разрыли холм, вынули из ямы, оказавшейся погребком, засыпанную в нее картошку, насыпали землю обратно и поставили табличку: «Воскрес и пошел на фронт».

Владельцу картошки такой оборот дела вряд ли показался смешным и утешить себя он мог, пожалуй, только тем, что трагикомические случаи на войне случались довольно часто. Это ведь тоже была жизнь, только в экстремальных условиях.

Вот только два рассказа офицера-артиллериста Ивана Новохацкого — человека, судя по всему, с большим чувством юмора, не утерянному даже в кошмаре войны, о том, как приходилось им жить по «бабушкиному аттестату» во время пути по Западной Украине в 1944-м:

— Располагаемся на ночлег. Солдаты голодные, кухни нет, она одна на дивизион, и когда будет — трудно сказать. Подзываю командира отделения разведки, даю ему деньги и посылаю в село купить что-нибудь съедобное. Проходит час, второй, а моих разведчиков с сержантом все еще нет. Стало уже совсем темно, когда они появились, сопровождая огромного вола с метровыми рогами. Другого ничего не нашли и увели вола, лежавшего на улице.

Решили вола застрелить и в котелках сварить мясо. Даю пистолет командиру отделения разведки Сотникову. Вола поставили на краю оврага. Командир орудия, здоровенный сержант Доценко, держит скотину за рога, а Сотников целится вола в лоб. Звучит выстрел, после чего вол так мотнул рогами, что Доценко полетел в овраг.

Вол задрал хвост и дал стрекача от боли. Сотников успел ухватить его за хвост и помчался за ним. Из пистолета стреляет животному в зад — в ответ струя крови и кала в лицо и на одежду Сотникова, еще выстрел — и снова такой же результат. Вол продолжает бежать в горячке что есть духу. Все это проходило в кромешной тьме, и не видно было, где Сотников с волом и что там происходит.

Наконец в темноте нашли мертвое животное, а недалеко от него и Сотникова, который чертыхался и ругался на чем свет стоит. Если бы его в этот момент увидел кто-нибудь посторонний, то наверняка бы перепугался насмерть: облитый кровью, изма-

занный воловьим калом, вываленный в соломе и грязи — результат поединка с флегматичным на вид волком. Посмеялись, конечно, от души. Солдаты стали обдирать шкуру вола, делить его на части, по котелкам и ведрам, и вскоре запылали костры, и запахло мясом. Часа через два от вола остались шкура, метровые рога да копыта.

С трудом отмыли Сотникова

И потом до самого конца войны нередко балагурили солдаты на эту тему, подготавливая Сотникова на очередную скотину. Чтобы добраться до Доценко, пришлось прорубать в овраге просеку в колючем терне, а затем сержанта отправили в санчасть — на нем не было живого места, весь ободран колючками.

Как потом выяснилось, Сотников целился волю в лоб, а попал в нижнюю губу. Тот, конечно, отреагировал соответствующим образом.

Голодные, мокрые, смертельно уставшие, зашли в ближайшую хату обогреться и отдохнуть. Мой разведчик Коля Кушенко из Киева особой стеснительностью не страдал и немедленно попросил у хозяйки что-нибудь поесть. Та живо отвечает: «Ничего нэма, все нимци забрали». Кушенко: «Ну, хоть воды дай попить». Хозяйка опять скороговоркой: «Нэма, нимци все забрали».

Кушенко, недолго думая, расставляет посреди хаты буссоль. Это артиллерийский прибор для ведения разведки и направления орудий на цель при стрельбе с закрытых позиций. Он представляет собой большой компас с магнитной стрелкой, лимбом с делениями угломера и оптический монокуляр сверху. Устанавливается прибор на треногу.

Хозяйка стоит рядом и наблюдает за Кушенко. Он освободил магнитную стрелку, и она, покачиваясь из стороны в сторону, одним концом случайно показывает на шкаф у стены. Кушенко говорит хозяйке: «Бачишь, стрелка показуе, что там у тэбэ есть хлиб та сало». Удивленная женщина отвечает: «Та трохи е», достает из шкафа шмат сала на несколько килограммов и булку хлеба. Нас дважды просить не надо было — голодные как волки.

Кушенко опять подходит к буссоли, колыхнул стрелку и говорит хозяйке: «Сейчас побачим, шо у тэбэ ще е». Хозяйка поспешила с ответом: «Та е, е». Лезет в погреб, достает оттуда соленые помидоры, огурцы, из печки чугунок вареной картошки, из шкафа кувшин молока. Мы неплохо закусили. Хозяйка сидит с нами рядом за столом, подперла щеку рукой, с жалостью смотрит на нас. Мы же, по сути, почти все были еще пацанами: мне недавно исполнилось двадцать, Кушенко, наверное, не более восемнадцати. Его подобрали наши солдаты где-то возле Днепра, так он и остался в батаре. Остальным солдатам также по девятнадцать — двадцать лет.

Потом, когда мы уже расправились со всем, что было на столе, хозяйка сделала вывод: «Ось тэпэр я розумию, чому вы нимця пэрэборолы — у его такой техники нэма». Мы рассмеялись, поблагодарили женщину и двинулись дальше.

Правда, гораздо чаще для того чтобы получить какую-то пищу у местного населения, пользоваться «прибором» разведчика Кушенко не приходилось. И в России, и на Украине, и в Белоруссии люди, как правило, делились с воинами-освободителями последним куском.

Призывавшийся в армию из Камня-на-Оби Герой Советского Союза Михаил Борисов:

— Помню, в станице Морозовская (*под Сталинградом*. — авт.) захватили немецкие армейские склады. И мы, и местные жители вдоволь попользовались их продуктами. Когда шли по улице, жители выхватывали солдат из строя и уводили домой в гости. Ко мне старушка подходит со слезами: «Сынок, у всех гости, а ко мне никто не идет. Пойдем ко мне». Я пошел. В одной комнате чугунок с горячей водой стоят, в другой — корыто, рядом — чистое белье. Она говорит: «Сынок, ты помойся, смени белье, грязное брось в угол, я потом постираю». — «Да не надо белья». — «Нет, переоденься, это белье моего сына, может быть, его там тоже кто-нибудь обогреет». Я помылся, переоделся. Выхожу. На столе уже — сковородка с картошкой и тушенкой. Картошка у них, естественно, своя. А тушенка немецкая. Я первый раз за то время, пока был на фронте, наелся! Я говорю: «Спасибо, спасибо». — «Тебе спасибо, что не побрезговал, зашел».

Случалось и нашим бойцам угощать население трофейными продуктами и в итоге порой попросту кормить друг друга. Один такой случай описал Мансур Абдулин:

— 23 сентября 1943-го вошли в Полтаву. Нас встретили женщины и старики. Исхудалые — кожа да кости... Но радостные. На разрушенной мельнице мы обнаружили приготовленную к эвакуации в Германию муку, которую тут же начали раздавать солдатскими котелками полтавчанам.

Не прошло и часа, как нас, освободителей, начали угощать полтавскими галушками.

Однако, главным приварком к армейскому пайку все долгие военные годы была, конечно же, она — родимая картошечка. Спасались ею мы, спасались немцы, румыны, итальянцы и прочая напоззшая на нашу землю нечисть.

В своем рассказе «Ода русскому огороду» трижды раненый на той войне русский писатель Виктор Астафьев признался в любви к этому немудреному продукту, и нет сомнения, что под этим признанием подписались бы все фронтовики-окопники Великой Отечественной.

«...Фронтовые дороги длинные, расхлюпанные, — читаем мы в этом рассказе. — Пушка идет или тащат ее, танк идет, машина идет, конь ковыляет, солдат бредет вперед на запад, поминая к разу кого надо и не надо. А кухня отстала. Все-то она отстает, проклятая, во все времена и войны отстает. Но есть солдату надо хоть раз в сутки! Если три раза, оно тоже ничего, хорошо-то три раза, как положено. Один же раз просто позарез необходимо.

Глянул солдат налево — картошка растет! Глянул направо — картошка растет! Лопата при себе. Взял за пыльные космы матушку-кормилицу, лопатой ковырнул, потянул с натугой — и вот полюбуйся, розоватые либо бледно-синие, желтые иль белые, что невестино тело, картохи из земли возникли, рассыпались, лежат, готовые на поддержку тела и души.

Дров нету, соломы даже нету?! Не беда! Бурьян везде и всюду на русской земле сыщется. Круши, ломай через колено, пали его!

И вот забурлила, забормотала картоха в котелке. Про родное ведь и бормочет, клятая! Про дом, про пашню, про огород, про застолье семейное. Как ребятишки с ладошки на ладошку треснутую картоху бросают, дуют на нее, а потом в соль ее, в соль и — в рот, задохнувшись горячим, сытным паром.

И уже нет никакой безнадежности в душе солдата, никакого нытья. Замокросло только малость в глазу, но глаз, как известно, проморгается!

Поел картошки солдат, без хлеба поел, иной раз и без соли, но все равно готов и может вперед двигаться, врагу урон наносить.

Случалось, воды нет. В костер тогда картошку, в золу, под уголья. Да, затыжное это дело и бдить все время надо, чтоб не обуглился овощ. А когда бдить-то? В брюхе ноет, глаза на свет белый не глядят от усталости. Значит, находчивость проявляй — в ведро картошек навали, засыпь песочком либо землю, чтоб не просвистывал воздух, и через минуты какие-нибудь кушайте на здоровье продукт первой важности в собственном пару!

А еще проще простого способ есть: насыпь полную артиллерийскую гильзу картох, опрокидывай ее рылом в землю, пистоном вверх, разводи на гильзе огонь, а сам дрыхни без опаски. Сколько бы ты не спал, сколько бы не прохладился — картофель в гильзе изготвится так, что и шкурку скоблить ножом не надо — сама отлупится!»

Впрочем, случалось на войне, и нередко случалось, когда и такие немудреные блюда приготовить у бойцов возможности не было. Даже картошки под рукой не имелось. Тогда шли в ход другие рецепты, которые порой выходили «поварам» боком, да очень болезненно.

— Занесли хоззвездовцы мешок. В мешке брикеты — смесь мякины овсяной с мукой. Колочие, как ежики. «Что ж, — думаю, — кони ели наш хлеб, теперь наша очередь попробовать их корма», — вспоминал о лихом времени Мансур Абдулин — Поло-

«А еще проще простого способ есть: насыпь полную артиллерийскую гильзу картох, опрокидывай ее рылом в землю, пистоном вверх, разводи на гильзе огонь, а сам дрыхни без опаски. Картофель в гильзе изготвится так, что и шкурку скоблить ножом не надо — сама отлупится!»

жи в котелок с водой, — наставляет меня Смирнов, — вскипяти мякину, а кисель выпей... Можно голод обмануть.

Взвалил я на свою горбушку мешок с комбикормом - и ходу домой. Сварили мы всей ротой несколько брикетов в котелках и с голодухи съели вместе с мякиной, которая вроде бы обмякла, и мы думали, обойдется.

Через двое-трое суток началось непредвиденное. Хочется сходить по тяжелому, а больно! Отставить! Но ведь опять хочется. Начнешь. Боль — режет как когтями. В глазах темнеет. А будь что будет — никуда ведь не денешься!.. Реву, как боров под ножом, на всю передовую... Потом, согнувшись, постанывая, поджав живот, иду «домой» в окоп, как после операции тяжелой — в палату. «Ну, — думаю, — не фрицы меня убьют, так убьет меня моя глупость... Зачем я мякину-то сожрал? Ведь горворено было!».

И остальные отделались точно так же: слышно, то там, то в другом конце кто-то взревет..

Иван Новохацкий: «После Северо-Западного фронта с его дремучими хвойными лесами и безбрежными болотами Украина показалась нам раем. Утром, проснувшись в лесу, мы увидели яблони и груши с плодами, и хотя они были дичками, горькими и кислыми, нам показались сладкими и вполне съедобными. Рядом с лесом простиралось большое поле со спелой кукурузой, которой мы быстро воспользовались: варили, сколько можно было вместить в котелки и ведра...»

Свободные от дежурства разведчики все время тратили, чтобы добыть что-нибудь съестное. Однажды командир отделения разведки принес мешок муки. Заскочил возбужденный в наш подвал и с ходу говорит мне: «Лейтенант, снимай нижнюю рубашку, я уже свои кальсоны снял и променял на муку, старик на мельнице пообещал наскрести по углам еще с котелок». Пришлось снимать и менять — голод не тетка. Зато два дня мы «пировали»: на куске железа пекли оладьи, правда, жира никакого у нас не было».

Бывший командир стрелковой роты, яровчанин Юрий Соколов: «Под Ржевом место было гиблое. Немецкие летчики гонялись чуть ли не за каждым человеком, каждой повозкой, а потому с продуктами у нас было плоховато. Ели конину, а то и сухарик один на день. Помню, солдат у нас один пришел с дежурства и говорит: «Эх, есть так хочется, не вмоготу, лучше уж убило бы, чем так». Минуты не прошло, шальной пулей его наповал. Вот так намолил себе».

Некоторые, опасаясь близкой смерти, старались хотя бы не на голодное брюхо ее принять, и если какой запас еды имелся, съедали его немедленно.

— Случалось, разрывавшаяся над окопом шрапнель достигала цели. После одного из таких обстрелов по окопам пронеслось: убило Ахмеджанова — связного батальона. Осколок угодил в голову, — вспоминал воевавший в 42-м на Северо-Западном фронте Николай Старшинов.— Когда обстрел прекратился, мой друг Павлин Малинов, второй номер нашего пулеметного расчета, вылез из окопа, уселся на бруствере, развязал неторопливо свой вещмешок, достал из него кусок хлеба и стал его уплетать

— Что ты делаешь?! Лезь в окоп! — крикнул я ему.

— Да вот хлеб у меня еще остался,— отвечал он, — надо доесть. Убьют — будет обидно, сам голодный, а хлеб пропадает зря. А то еще фрицы уплетут.

Софья Дубнякова, санинструктор: «Побежали по льду Ладожского озера в наступление... Тут же попали под сильный обстрел. Кругом вода, ранят — человек сразу идет ко дну. Я ползаю, перевязываю, подползла к одному, у него ноги перебиты, сознание теряет, но меня отталкивает и в свой сидор — мешок, значит, лезет. Свой НЗ ищет. Поесть — хотя бы перед смертью... А мы, когда пошли по льду, получили продукты. Я хочу его перевязать, а он — в мешок лезет и ни в какую: мужчины как-то очень трудно голод переносили. Голод для них был страшнее смерти...».

«Утром, проснувшись в лесу, мы увидели яблони и груши с плодами, и хотя они были дичками, горькими и кислыми, нам показались сладкими и вполне съедобными. Рядом с лесом простиралось большое поле со спелой кукурузой, которой мы быстро воспользовались: варили, сколько можно было вместить в котелки и ведра...»

Впрочем, даже такие передряги для той войны были еще «цветочками». Имелись у нее и «ягодки», и появлялись они чаще всего, когда бойцы попадали в

Окружение

Много их было во время Великой Отечественной. Ниже речь пойдет только об одном. Одним из самых страшных...

4 января 1942 года войска 2-й Ударной армии (УА) прорвали у деревни Мясной Бор немецкую оборону и устремились к блокированному Ленинграду. Они продвинулись на 75 километров к западу, достигнув железнодорожной станции Рогавка, и на 40 километров к северу, не дойдя 6 километров до Любани. Приказ наступать все дальше и дальше, невзирая на фланги, привел к образованию Любанской «бутыли» — территории площадью в 3 тысячи квадратных километров с узкой горловиной в месте прорыва.

Этот четырехкилометровый «коридор» — единственный путь, обеспечивающий снабжение наступавших частей, превратился в огнедышащий клапан, который немцы все время пытались захлопнуть, а мы — раскрыть. Наши недаром называли его Долиной смерти, а фашисты поставили указатель с надписью на немецком языке: «Здесь начинается ад».

19 марта немцы ударами с севера и юга перекрыли горловину. Теперь связь окруженной 2-й Ударной армии с базами снабжения осуществлялась только по воздуху. Но много ли могли перевезти двухместные фанерные «уточка» — учебные самолеты У-2, которыми в основном был оснащен Волховский фронт? Один-два мешка сухарей или мешок муки, который порой падал в лесную чащобу или болотную трясицу. К тому же и сбивали «уточек» ежедневно...

В Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) сохранилось донесение командующего 2-й УА генерала-лейтенанта Власова (*того самого*. — авт.) в штаб Волховского фронта от 21 июня 1942 года. В нем говорится: «Войска армии три недели получают по 50 граммов сухарей. Последние три дня продовольствия совсем не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены, наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет». 25 июня немцы окончательно закупорили «горлышко»...

В попавшую в окружение 2-ю Ударную армию входили и две сформированные в Алтайском крае дивизии: 87-я кавалерийская в Барнауле и 372-я стрелковая в Бийске. Очень многие из бойцов и командиров этих частей навсегда остались в волховских лесах и болотах либо погибли в плену.

Около шести тысяч красноармейцев и командиров вывел тогда из окружения уроженец Залесовского района нашего края, командир 372-й стрелковой дивизии полковник Николай Коркин. Трагическую судьбу других тысяч разделил отец четверых детей рубцовчанин Дмитрий Голубцов. Он попал в плен в Мясном Бору в феврале 1942 года и умер в немецком лагере военнопленных в Польше летом того же 1942-го. 9 мая 1989 года у воинского мемориала в селе Мясной Бор были захоронены найденные поисковиками останки 53 погибших в этом окружении воинов. Среди них прах Якова Захарова, колхозника из села Фунтики Топчихинского района (опознан по смертному медальону).

О страшном голоде, который стал причиной смерти многих бойцов и командиров, попавших в это окружение, уцелевшие вспоминают на страницах книги «Трагедия Мясного Бора». (составитель Изольда Иванова). Вот отрывки из некоторых повествований.

И.М. Антюфеев, бывший командир 327-й стрелковой дивизии: «Находясь почти три месяца в окружении, мы съели все, что можно было есть: сначала резали еще живых лошадей, а потом их трупы, вытаявшие из-под снега — все шло на питание. Также от голода спасали березовый сок и хвоя».

И.Д. Никонов, бывший командир взвода роты связи в 382-й стрелковой дивизии: «Немцы вывешивали на деревьях буханки хлеба, кричали: «Рус, переходи к нам, хлеб

есть!». Но никто из моих бойцов на эту провокацию не поддался. Большое им спасибо за это.

Утром пошли в наступление, но немец открыл по нам такой огонь, что сразу прижал к земле. Убило Крупского — пожилого опытного солдата. Рядом со мной лежал солдат из пополнения Пушкин, лет двадцати. Говорит: «Поползу, посмотрю, нет ли у Крупского в мешке, что проглотить».

Сказал ему: «Не смей!» Он не послушал, пополз, ранило. Пуля угодила в лоб. Вышла в затылок. Жил еще часа три...».

И.Д. Елховский, бывший комвзвода отдельного артдивизиона: «За счет немцев питались. Бои в обороне были каждодневные. Они атакуют — мы отбиваемся. Горы их набивали. Ночью по жребию на нейтралку ползали — убитых немцев ощупывать, чтобы хоть чем-нибудь поживиться. Потом немцы догадались и стали посылать в бой без ранцев, с одним оружием.

Особенно тяжким был июнь месяц. Боеприпасов мало. Хлеба нет. Ели листья, корешки, лягушек. У меня детство было голодное — знал, какие травы съедобные...».

С.П. Пантелеев, ветфельдшер, бывший боец 50-го отдельного разведбата 92-й стрелковой дивизии: «Снег разроешь — травы нарвешь. Березовые ветки мелко-мелко нарубишь, запаришь, с травой перемешаешь и даешь лошадям. У них от такой еды колики, а что делать? Мы и сами на подножном корму были — что лошади ели, то и мы. Клюквой они, правда, брезговали. Кой-когда сухари получали — по одному на брата.

Немцы — в деревнях, в тепле, сытые. Мы — в лесу, на морозе. Кухонь здесь уж вовсе не выдвали. Ямку под елкой выроешь, костерок махонький разведешь, снегу в котелке натопишь. Когда конинкой разживешься — поваришь ее сколько-нибудь без соли да полусырую и сжуешь. В разведбат вообще ничего не доставляли — у врага добывайте! Ну и добывали: иной раз просто из-за толстого ранца немца пристрелишь...».

А.С. Добров, бывший командир батареи 830-го артиллерийского полка 305-й стрелковой дивизии: «... Вот обычный суточный рацион нашего питания: одна пачка концентрата пшенной каши — 150-200 граммов на 10 человек, каждому столовая ложка сухарных крошек и иногда чайная ложка сахарного песка, а соли совсем не было. Если в полку убивали лошадь, то ее делили на все батареи. На каждого доставалось не более 100 граммов мяса, его варили, мокали в сахарный песок и ели. Немало было дней и без сухарных крошек, и без сахара.

Как только появился щавель, с передовой выделили двух бойцов в наряд на кухню. Они должны были утром нарвать щавеля, вскипятить с водой, и эту чуть кислую жидкость, еле-еле теплую, разнести по окопам. Наступило утро, а бойцы не встали — умерли во время сна от истощения...».

И.И. Калабин, бывший шофер 839-го гвардейского артполка: «Думал ли я когда-нибудь в свои 23 года, что доведется съесть целую лошадь со всей амуницией, уздечкой и гужами? А ведь пришлось... Кто поедал неумело — помер, кто «по всем правилам» — выжил. Наша находчивость и выносливость поражали фашистов. Ну, скажите на милость, какому немцу пришло бы в голову съесть лошадиную амуницию? А мы даже специальный рецепт изобрели. Привожу его полностью: вдруг кому-нибудь еще пригодится».

Гужи, хомуты, кирзу, ремни и прочее разрезать на кусочки. Из кусочков кожи удалить грязь. Заложить кусочки в котелок, залить водой, воду слить. Снова залить водой и варить с добавлением веток смородины и березы 20-40 минут. Если запаха чистого дегтя не будет — готово к употреблению.

Все, что мы ели, было до чертиков противным. Наши «заменители хлеба» — ольховые шишки и костная мука — в глотку не лезли — душа бастует, не принимает до тошноты. Жить хотелось, а жизни не было. Умереть бы надо, да смерть не шла.

Вообще разговоры о смерти были обычными. Я как-то спросил Мишу Патрушева: «Чего бы ты хотел перед смертью?». А он ответил печально: «Помыться в бане, поесть по-человечески — и капут...» А ведь у него были жена, мать, дочка, а он о них и не вспомнил. Вот она, голодуха наша, что вытворяла — оставляла нам одни животные желания...».

Н.И. Кузенина, старший лейтенант медслужбы запаса: «Было у нас несколько банок консервированной крови, непригодной для внутривенного вливания. Хирург мне сказал: «Спроси у раненых, будут ли они ее пить?». Я каждому дала по столовой ложке. Вокруг рта получились красные ободочки. И те ободочки у меня перед глазами до сих пор».

Кому война, кому мать родна (русская пословица)

В тяжелейших условиях окружения либо в схожих с ним обстоятельствах офицеры и даже генералы (по крайней мере часть из них) ели, как правило, то же, что и их подчиненные. Здесь хочется привести только один случай того, как люди при больших погонах смогли и в тяжелейшее время остаться людьми. Как, к сожалению, бывало далеко не всегда.

Произошло это в марте 1942 года под Старой Руссой, когда 364-я стрелковая дивизия, которой в то время командовал генерал-майор Ф.Я. Соловьев, продвинулась далеко вперед и оторвалась от своих баз снабжения на полтора километра. О дальнейшем — в рассказе воевавшего в составе этой части Максима Коробейникова:

— Дивизионный обменный пункт (ДОП, как его сокращенно называли), тот самый, который кормит дивизию, был пуст, как вывернутый карман. Дорога, связывающая его с базами снабжения, была пустынна. Над ней днем и ночью висели немецкие самолеты. Ни одна машина уже десять дней не могла прорваться к нам. Немецкие летчики гонялись и нещадно расстреливали всякого, кто появлялся на дороге.

Во всей дивизии одна лошадь осталась — худой, костлявый, еле живой жеребец комдива. Кормить его было нечем, и он целыми днями, рассказывали (я то сам не видел), как олень пасся у штаба дивизии — грыз деревья и доставал из-под снега какую-то сгнившую старую зелень, которая еще не успела ожить.

Но и жеребец комдива продержался недолго. Однажды генерал подъехал на нем к переднему краю (комдив в то время плохо ходил — тоже недоедал). Слез с жеребца, оставил его в лошадке, укрытой от обстрела и ушел проверять оборону.

Вернулся, а жеребца нет. Только лука от седла осталась металлическая, копыта и грива. Все остальное унесли: не только мясо по кусочкам разобрали, но и кожу седла! Хорошая была кожа, сыромятная...Ее можно было долго варить, неплохой бульон получался.

Комдив, конечно, рассвирепел:

— Что за славяне дикие?! Разве для них есть что-нибудь святое?

Командир пулеметной роты старший лейтенант Рябоконт — прямой был человек и начальников не боялся — вступился за «славян».

— Товарищ генерал, жеребца-то вашего ранило. Он все равно подох бы. Чего же добру пропадать?

— Вот ты какой бестолковый! — накричал на него комдив. — Ну ладно, расташили, так хоть кусок мяса генералу бы оставили, бессовестные.

Рябоконт согласился с комдивом.

— Вот это, товарищ генерал, поступок безобразный. Узнаю, накажу.

А комдив был настолько огорчен, что, получалось, даже жаловался нам:

— Понимаете, у своего генерала лошадь съели! Вы думаете, мне тоже есть не хочется?! Жалко было, дураку... Надо было съесть...

Обратно до штаба дивизии генерал еле дошел, настолько был слаб.

Однако причинами возникающей в частях и соединениях Красной армии нехватки продовольствия, а то и попросту голода, далеко не всегда были действия врага, и сохранившиеся по сей день неистребимо живучие «плохие погодные условия». Кроме них существовали, также созвучные сегодняшнему дню и в то же время традицион-

В тяжелейших условиях окружения либо в схожих с ним обстоятельствах офицеры и даже генералы (по крайней мере часть из них) ели, как правило, то же, что и их подчиненные.

ные для россиян, бюрократия, чиновничье бездушие и неистребимое никакими карами воровство. О котором, впрочем, рассказ впереди и рассказ отдельный. Больно уж тема обширная. Сейчас же хочется привести только два воспоминания фронтовиков, служащих своеобразной иллюстрацией к старой русской поговорке про войну и мать родную.

Офицер 192-го отдельного батальона связи Александр Невский: «15 апреля 1942 года мой заместитель по тылу старший лейтенант В.К. Волошин вернулся из дивизионного обменного пункта (ДОП) без продуктов. Оказалось, что месячная норма мяса (консервов) и сахара батальона связи, а также пять буханок хлеба получены начальником штаба полковником Алексеевым».

Ни сахара, ни хлеба, ни консервов связисты, несмотря на требования не робкого в отношениях с начальством Невского, от обжиравшего своих же солдат полковника Алексева так и не получили...

А вот как вспоминает о вызове к тыловому начальству бывший санинструктор и снайпер 1083-го стрелкового полка сформированной в Славгороде 312-й стрелковой дивизии Зоя Некрутова-Кетько:

— Мы являемся с Тамарой Несиной в землянку, сидят два подполковника, стол накрыт по-царски, бутылки и всякая изысканная снедь. Они галантно приглашают нас за стол. Конечно, сразу подозрительно все это было, можно было сразу развернуться и уйти. Но...какой соблазн, мы такого не только не едали, но и не видали. Кормили нас в пехоте незаслуженно плохо. Помнится, как-то по ошибке на походе нас покормили в столовой по летной норме, вот это была еда... да. Сейчас я понимаю, что так и нужно было кормить летный состав, а тогда немного зло взяло. Нас-то кормили иначе. Подмороженную картошку, к примеру, чистить не надо, положи в воду, чуть отогреется, разморозится, нажмешь на нее, и она выскакивает из кожуры, как пуля из гильзы. А вареную картошку с пшенкой заправляли лярдом, такой вонючий американский комбинированный жир, пусть бы они его сами жрали.

А вот тыловые чины себе позволяли такую не всегда заслуженную роскошь. Ну что ж, пора бы и нам попробовать-то, чем питаются наши «кормильцы». Сели, поели, пить отказались, встали, сказали спасибо и направились к выходу. Я первая, Тамару за руку, нам преградили дорогу: «Так не пойдет, надо расплатиться». Какой стыд! Я говорю, что нам нечем расплачиваться, кроме своей чести, и плохо то, что вы свою офицерскую честь теряете, и я сейчас буду так кричать, что все часовые сбегутся. Нам открыли дверь и чуть не вышвырнули.

О деятельности на фронте таких вот подонков — «кормильцев» и их «заботе» об окопниках можно, в частности, судить по телефонограмме члена Военного совета Отдельной Приморской группы войск Льва Мехлиса, отправленной им 4 января 1942 года начальнику тыла Красной армии генералу А.В. Хрулеву после проверки положения с обеспечением в 4-й армии: «Положение с продфуражом нетерпимое. На 2 января, по данным управления тыла, в частях и на складах армии: мяса — 0, овощей — 0, консервов — 0, сухарей — 0... Кое-где хлеба выдают по 200 грамм... Что здесь — безрукость или сознательная вражеская работа?».

Трудно приходилось порой в этом плане и политработникам. Секретный приказ НКО СССР от 4 декабря 1942 года был так и озаглавлен: «Об установленной проверкой фактах бездушного отношения к материально-бытовым нуждам политработников, находящихся в резерве ГлавПУРРККА (Главного политического управления Красной армии. — авт.) при военно-политическом училище имени М.В. Фрунзе и наказании виновных».

«...Питание личного состава организовано из рук вон плохо. Столовая военторга, обслуживающая политработников, представляла собой захудалую харчевню, полную мусора и грязи. Качество приготавливаемой пищи низкое.

На две с лишним тысячи человек, питающихся в столовой, имелось всего 44 тарелки. В результате создавались неимоверно большие очереди, в которых политработники ежедневно простаивали многие часы, получая завтраки в 15–16 часов, обеды в 4–5 часов ночи, а на ужин времени не оставалось».

«Положение с продфуражом нетерпимое. На 2 января, по данным управления тыла, в частях и на складах армии: мяса — 0, овощей — 0, консервов — 0, сухарей — 0... Кое-где хлеба выдают по 200 граммов... Что здесь — безрукость или сознательная вражеская работа?».

Результаты проверки сделали весьма печальной дальнейшую судьбу помощника начальника училища по материально—техническому обеспечению майора Копотиненко и начальника обозно-вещевого обеспечения старшего лейтенанта интендантской службы Говтвяница. Оба лишились своих «хлебных» мест и отправились на передовую, в штрафной батальон.

Конечно, в обычных обстоятельствах питались генералы и политруководители Красной армии по-другому, и лучшая их кормежка, а также и дополнительное питание простых офицеров предусматривались официально. Для этого существовал

Командирский доппаек

Восьмой пункт Приказа НКО СССР № 312 от 22 сентября 1941 года «О введении новых норм продовольственного снабжения Красной армии» гласил: «Среднему и выше начальствующему составу действующей армии, кроме летного и технического, получающего летный паек, отпускать бесплатно паек по нормам № 1 и 2 с добавлением в сутки на человека: масла сливочного или сала — 40 граммов печенья — 20 граммов рыбных консервов — 50 граммов».

В реальной жизни состав командирского «приварка» мог быть разным и зависел и от снабженцев в ДОПе, и от военных обстоятельств.

Командир взвода, а затем роты в 8-м офицерском штрафбате 1-го Белорусского фронта (*командные должности в таких подразделениях занимали не штрафники, как в современном кино, а обычные офицеры. — авт.*) Александр Пыльцын, вспоминая осень 1944-го в Белорусском Полесье пишет в своей книге «Правда о штрафбатах»:

— ...Нигде ни раньше, ни позднее не было так здорово организовано питание, включая офицерские допайки, иногда даже с американским консервированным, непривычно остро пахнущим плавленым сыром и рыбными консервами».

Это, пожалуй, можно действительно считать образцом организованного питания. А вот коллеге Пыльцына, офицеру постоянного состава 610-й Отдельной штрафной роты Волжской военной флотилии Петру Бараболе «специальный» офицерский паек зимы 1942-го года под Сталинградом запомнился «промерзшими консервами и ежедневным гороховым супом (до сих пор испытываю к нему стойкое отвращение)».

Нужно отметить, что и на фронте и в резервных частях доппаек офицерам зачастую выдавался не ежедневно, а, так сказать, по мере накопления. Артиллерист Иван Новохацкий вспоминал, что во время его пребывания в дивизионе резерва офицерского состава командиры питались из обычной походной кухни, и пища эта была самой неприхотливой: суп или щи и каша на второе да чай. Один раз в месяц офицерам выдавали положенный дополнительный паек: «...банку консервов (обычно в томатном соусе), пачку печенья, кусок масла или сала, граммов 300-400».

Офицеры с большими звездами и, само собой генералы, дополнительный прибавок к своему столу зачастую организовывали сами, без помощи государства.

В своей книге «Правда о штрафбатах» Александр Пыльцын пишет о том, что когда их батальон вел кровополитнейшие бои на Неревском плацдарме за Вислой (октябрь 1944-го), в которых были убиты и ранены четверо из пятерых бойцов 8-го офицерского штрафбата, командир этого подразделения находился на другом берегу реки и тоже время даром не терял. Ему раздобыли пару дойных коров, которых подполковник Батурич содержал на приличном удалении от переднего края и возил за собой постоянно. «С «барского» стола и нам (*постоянным офицерам батальона. - авт.*) иногда доставлялись то «кава» (кофе), то чай с молоком», — вспоминает Пыльцын.

Таких случаев можно было бы, пожалуй, привести немало, но хочется ограничиться этим и вспомнить о младшем офицерском составе Красной армии, многие из представителей которого обычно делились положенным им допайком со своими солдатами. Особенно это было развито в небольших подразделениях — экипажах танков и самоходных орудий, разведвзводах, артиллерийских расчетах и т.д., где командиры проводили с подчиненными практически все время вместе и, как правило, находились с ними в товарищеских отношениях. Вместе дневали и ночевали, в буквальном смысле к плечу плечо шли в смертельный бой.

Чувство товарищества младшие офицеры проявляли и тогда, когда речь шла об иных специфических видах положенного военного довольствия, в частности, такого, как выдаваемый перед наступлением, рейдом в тыл противника, глубоким разведпоиском неприкосновенный запас продовольствия, так называемый НЗ, который полагалось не трогать до особого распоряжения. Однако на практике до такого распоряжения НЗ не «доживал», поскольку с ним фронтовики обычно расправлялись сообразно немудреной логике, практический образец которой представлен в замечательной книге писателя – фронтовика, дважды горевшего в самоходке Виктора Курочкина «На войне как на войне».

«... - По уставу не положено, – сказал Саня... Бянкин вынул из кармана нож:

– Лейтенант, неравно убьют, так зачем же добру пропадать?

– А если не убьют, то на тетушкином аттестате проживем, – заявил Щербак.

Саня помолчал, вздохнул и махнул рукой. Возражал он не потому, что был такой уж дотошный хранитель уставных норм, а просто потому, что был командир. И если бы заряжающий с наводчиком не проявили инициативы насчет тушенки, он проявил бы ее сам».

Кстати сказать, в качестве НЗ в тот раз экипаж самоходного орудия под командованием младшего лейтенанта Малешкина, состоявший из четырех человек, получил: четыре куска сала, четыре банки свиной тушенки и сухари. По фронтовым меркам довольно неплохо.

Но самым «крутым» из разнообразных НЗ и «сухпаев» был, пожалуй, предусмотренный пунктом 9 все того же Приказа Наркомата обороны № 312 от 12 сентября 1941 года, на случай аварий и вынужденных посадок самолетов «пищевой запас», в котором на одного человека полагалось:

молока сгущенного	3 банки
консервов мясных	3 банки
галет «крекер»	800 граммов
шоколада	300 граммов
сахара	400 граммов
или вместо шоколада, печенья	800 граммов

Не проводя никаких аналогий, хочется все-таки сказать, что шоколад, «крекеры» и сгущенное молоко пехотный рядовой Ваня имел возможность получить только одним способом, захватив в качестве трофеев продзапасы германского вермахта. Или, что менее вероятно, в госпитале.

Впрочем, бывали и редкие исключения из этого правила. В книге «Наедине с прошлым» фронтовой журналист Борис Бялик вспоминает, как в феврале 1942 года на Северо-Западном фронте во время подготовки парашютного десанта на Порхов его участникам перед операцией выдали в качестве допайка шоколад, но не простой, «а с примесью сухого спирта: по своему действию плитка ровнялась дневной норме допайка».

– Я говорил, – вспоминает Бялик, – хочу сохранить штуки две до мирного времени. Буду сидеть в театре, покусывая шоколад, и все мне будет нравиться...

Но мы не сохранили ни одной плитки даже до начала операции».

Александр Пыльцын пишет, что пред рейдом в тыл врага в феврале 1944-го личному составу офицерского штрафбата был выдан сухой «далеко не богатырский паек (консервы, сухари и сахар)». Позже, в Белоруссии, накануне подобной операции штрафников снабдили немного лучше. «...Наборы сухих продовольственных пайков мало чем отличались от тех, что выдавали нам в феврале... Разве что теперь туда входили небольшие консервные баночки с американским, непривычно остро пахнущим сыром... да соленое, немного пожелтевшее, но не потерявшее своей прелести украинское сало...

Все это было выдано нам из расчета 3-5 суток активных боевых действий. Правда, предусматривалось хотя бы раз в сутки горячее питание из наших походных кухонь, если только будет позволять боевая обстановка».

«Есть люди самые дорогие...»

Алла
Истомина

Ежегодно 9 Мая я прихожу к мемориалу Славы. На мемориале – два имени, касающиеся нашей семьи – мой дед Степан Иванович Колесников, призван на войну из Кемерово и мой дядя – Вадим Афанасьевич Островский, призван из Барнаула.

Могила Степана Ивановича не известна, он пропал без вести в августе 1942 года, и многолетние поиски пока не дали результата.

Несколько лет назад накануне Дня Победы найдена была могила дяди – Вадима Афанасьевича. Его сестра, моя тетушка Ангелина Афанасьевна Островская, все эти годы неустанно вела поиск и переписку. Могила нашлась в малоизвестной деревушке под Псковом, где он и воевал. Собственно, эта братская могила с именами трех солдат всегда была известна, но понадобилось шестьдесят лет, чтобы единственной, оставшейся в живых сестре, сообщили ее местонахождение. Она стремительно собралась в дорогу в свои восемьдесят с лишним лет. На мое недоумение: «Зачем так срочно? Да еще на три дня? Да еще через Петербург?», ответила просто: «У меня мало времени. Счет идет уже не на дни – на часы, боюсь не успеть». Вернулась просветленная, успокоенная, и мы поехали на старое городское кладбище. Положить землю с могилы Вадима на могилу его родителей.

А в сентябре 2003-го тетушка умерла. Быстро и легко для нас, никого не беспокоя, так как жила всегда.

После ее смерти осталась квартира, полная писем, альбомов, фотографий. Жизнь большой семьи. У нас не в традициях было выбрасывать письма, документы, книги. Все копилось годами. После ее смерти мой брат двоюродный, в честь дяди названный Вадимом, попытался освободить квартиру от памяти, которая давила на него тяжелым грузом. Часть писем забрала я. Эта коробка, вернее, ее содержимое – мечта историка. Письма, датированные началом XX века, документы дедушки, все его дипломы и аттестаты, письма с фронта тетушки.

Читать все это оказалось физически больно, слишком близкими для меня были люди, которые страдали и радовались на бумаге. Чтобы отвлечься от слишком далекого прошлого, я взялась набирать письма с фронта Ангелины Афанасьевны на компьютере. Надо сказать, для меня тетушка была предметом гордости (можно так сказать о человеке?), она могла дать совет, она была блестящей собеседницей, образованнейшей во всех сферах. С ней было легко говорить и легко молчать. Она заканчивала Новосибирский мединститут, когда началась война. За полгода, обучив студентов основам практической хирургии, весь ее курс отправили на Ленинградский фронт. Ей было тогда 21 год. Она была домашней девочкой, скучала по родителям, братьям, сестре. Писала каждый день веселые письма домой, была очень строгим цензором сама себе. Из множества писем только в одном военной цензурой замазано название местности, где проходили бои.

«Наши домики стоят в лесу, вечером шумит лес, шумит дождь, – словом, сплошной шум. Если только себя распустить, можно зареветься до смерти, но, честное слово, я сама довольна собой, вы обо мне не беспокойтесь, ваш гадкий утенок не подкачал, хотя он этого очень боялся».

Много писала о своей жизни, была строгой и нравственной, такое получила воспитание в семье. Но, безусловно, в двадцать лет жизнь, даже такая трудная, — полна красок и радости.

«Живу я очень хорошо, дела на нашем фронте, как вы, наверное, знаете из газет, идут прекрасно, так что не беспокойтесь. Наши войска сняли блокаду с города Ленина, и наша армия сыграла здесь большую роль. Теперь о себе. Живем мы хотя и в лесу, но мы с Валею расположились в доме, — комнатка на двух человек, чему мы очень рады. Комната расположена при моем отделении, что очень для меня удобно. Комната квадратная, примерно 2,5 на 2,5 метра, одно большое окно, кровать, столик, топится печь. С одеждой дело обстоит прекрасно, выдали еще недавно длинные шерстяные чулки, так что ничего и желать больше не могу. С питанием точно так же, словом, беспокоиться обо мне не надо, а писать постараюсь чаще. Но если и будет задержка в письмах, то все равно они придут, т. к., по-видимому, где-то задержались».

Бабушка очень беспокоилась, хотела быть полезной и окончила в весьма преклонном возрасте курсы РОКК (Российское общество Красного Креста), став медсестрой. На войне были самые младшие, любимые дочка и сын, и она пыталась попасть на фронт.

«Что касается того, что если бы ты сама была здесь, — нет, это мама невозможно. Твоего возраста даже мужчины здесь редкость, что же касается женщин, то здесь их хотя и много, но самое большее — это с 1908 года рождения. Как ни хороши у нас условия сейчас пока, но все это временно. Нельзя забывать о том, что я нахожусь в полевом учреждении и даже самые хорошие в нем условия нельзя сравнить с условиями заурядного тылового учреждения или жилья, а потому нельзя и допустить мысли о том, чтобы ты смогла быть здесь, — слишком это было бы тяжело для тебя и для меня. Вот так. Сильно не расстраивайся, не забывай, что у тебя есть на смену тебе врач, которого ты поддерживаешь».

И среди десятков жизнерадостных писем, маленькая записка: «Сегодня погибла моя однокурсница Шурочка, в палатку, где она оперировала, попала бомба. Нам не дали проститься. Я плачу весь день».

Я была потрясена этими письмами, контрастом между той юной, веселой Линочкой и моей многомудрой тетушкой. Я давала читать распечатку писем всем знакомым и вот одна бывшая актриса, прочитав письма, сказала: «А моя свекровь тоже после Новосибирского мединститута попала на ленинградский фронт, ее тяжело ранили и увезли оперировать в тыл, там она долечивалась, а пока она выздоравливала, убили ее любимого. Она в жестокой депрессии вернулась в Барнаул, через много лет вышла замуж, родила сына и запретила себе вспоминать войну. И только недавно, впервые за много лет, откликнулась на приглашение и поехала в Петербург. Она никого не узнала, и ее никто не узнал. Она ходила за спинами чужих старух и стариков и горько жалела о том, что приехала. И тут кто-то сказал: «А помните, здесь стояла палатка, где погибла наша Шурочка во время операции?». И она ответила, выйдя из-за спин: «А я не погибла...».

Это действительно оказалась та самая Шурочка, и я была у нее дома. На стене — фотография. Две юные красавицы в гимнастерках весело смеются в объектив. Еще все хорошо, еще жив жених Шурочки и она не изранена осколками бомбы, у них все еще впереди. Однокурсницы и однополчанки, они прожили жизнь на соседних улицах, работая в одной системе (моя тетя после войны преподавала в мединституте, была заведующей кафедрой). Но — умудрились за очень долгую жизнь не встретиться никогда, вспоминая друг о друге, как о погибших.

Я предлагаю и вам перечитать письма с фронта. И вспомнить еще раз о тех барнаульцах, кому мы обязаны Великой Победой.

04.09.42

Письмо пятое

Стоим на небольшом разъезде неподалеку от Бологое, ждем встречного поезда. Сегодня ночью нас зверски искусали комары — местность болотистая, их более чем достаточно. Вчера вечером ходили ужинать, но остались не очень довольны, т. к. последний по очереди обед — в Москве — оставил прекрасное впечатление. Не столько по качеству (которое, кстати, было совсем неплохое), сколько по заботливому и вежливому отношению к нам. Да и не только в столовой, и в бане, и в других местах нам предоставляли прекрасные условия. И каждое наше требование не оставалось гласом вопиющего в пустыне. Сегодня прекрасная погода, и мы почти роскошествовали — было очень тепло. Вечером мы впервые наблюдали стрельбу из зенитки по аэропланам, но стреляли далеко от нас, так что мы были только свидетелями, а не участниками. А в общем, мы все время остаемся свидетелями. Сейчас уже 7 часов утра (встаем в 6), а мы еще не завтракали — никак не можем раскачаться. Недаром мы зовем себя людоедами. Ну, целую крепко.

Луна.

09.09.42

Здравствуйтесь, папа, мама и Юра!

Наконец добралась до места назначения. Буду работать в госпитале. Доехали хорошо, устроились тоже хорошо. Я попала с 3. Русских, из нашего института, остальные наши все — в другом месте. Адрес мой: П.П.С.591 2 АПП., мне.

Ну, пишите скорее, жду с нетерпением. Привет от всех девчат. Пересылайте письма. Не скучайте. Целую крепко.

Луна.

10.08.43

Дорогие мои!

Уже очень давно не получаю от вас писем. Вчера, правда, получила два письма — от 23.III.43 и 24.IV.43. Где были они этот период времени — не знаю. Я беспокоюсь, почему молчите вы. Обо мне не беспокойтесь — живу очень хорошо и только не могу дождаться, когда же, наконец, кончится война. Мы с Виктором

каждый день слушаем радио, радуемся, что так хорошо продвигаются наши войска на Харьковском и Брянском фронтах. Он каждый день спрашивает, не получила ли я письма от вас — что напишете вы. Я живу у него, но целыми днями нахожусь в ПМИ, т. к. работа требует этого, и видимся только вечерами. У него работа тоже очень хлопотливая — да ведь здесь каждая работа требует многого. Я себе на днях купила легкие брезентовые сапоги, ходить в них очень легко, чему я очень рада.

...Кушаем овощи, хотя и в очень малых дозах. Здесь много яблок, так что их все же едим. Есть и вишня, но она еще зеленая. Ну, ладно, мои дорогие, уже совсем темно — кончаю. Вы на меня не обижайтесь за такие короткие письма — зато пишу часто. Крепко целую. Привет от Виктора.

Ваша Луна.

13.04.43

Здравствуйтесь, папа и мама!

Вот уже больше месяца не получаю от вас писем, и что делается у вас там — не знаю. Не могу дождаться того дня, когда я, наконец, получу что-либо от вас. Пишите мне по адресу, указанному на обороте, — я его сообщала вам уже неоднократно. Живу ничего, вероятно, скоро поеду обратно в свою часть. Настроение неплохое. Живу по-прежнему в палатке. Снег у нас почти везде растаял, но еще его в лесу достаточно. Воды ужасно много, так что наши дороги и дорожки тонут, — здесь ведь кругом болота. Не представляю, как буду добираться до дому, т. е. своей части. Ну, думаю, как-нибудь доплывем. Здоровье мое пока что меня не подводит, так что с этой стороны жаловаться тоже не на что. Крепко вас целую. Пишите, буду ждать.

Ваша Луна.

**«Есть люди
самые дорогие...»
Стр. 45**

«Автор «Окон РОСТА»
на Алтае»
Стр. 48

Автор «Окон РОСТа» на Алтае

Дмитрий Золотарев

С началом Великой Отечественной войны происходят массовые процессы эвакуации предприятий и организаций из западной части страны на восток. Особое место в этом грандиозном переселении отводилось музеям, культурным институтам, людям искусства. Впервые в отечественной истории эти процессы привели к перемещению больших творческих групп и коллективов людей искусства в провинцию, вызвав своеобразный культурный взрыв на местах (процесс, аналогичный знаменитому Sacco di Roma, падению Рима в 1527 году). Поэтому уместно будет вспомнить про известного советского художника-графика, одного из авторов новаторских «Окон РОСТа» Михаила Михайловича Черемных (1890–1962), в жизни которого были периоды, связанные с Сибирью и непосредственно с Алтаем.

В Томске в начале 1910-х годов М.М. Черемных начинает свою художественную карьеру, непродолжительное время занимаясь в классах рисования, организованных Томским обществом любителей художеств, у известного живописца С.М. Прохорова. В Москве он учится у Ильи Машкова. А позже он поступает в Училище живописи, ваяния и зодчества, где обучается у Константина Коровина.

В биографии Михаила Михайловича приводится разговор (в бытность его еще студентом) с Константином Коровиным об искусстве. Художник-неофит спрашивает мэтра: существуют ли какие-либо определенные законы, по которым пишутся картины? Глава отечественного импрессионизма ответил отрицательно. Такой ответ не удовлетворяет молодого художника, он ищет более конкретного, определенного в искусстве. Как бы в пику учителю Черемных уделяет большое внимание рисунку, собственно композиции. Любопытно, что пользующийся большой популярностью Коровин, в том числе занимающийся непосредственно педагогической практикой, не находит прямых продолжателей своей манеры. Ответ же на поставленный вопрос Черемных получает в своем творчестве.

Своеобразная творческая позиция обнаруживает себя в 1914 году, когда он

Особое место в творчестве художника-графика занимает работа «Плакат о займе» – своеобразный автопортрет художника за работой. В небольшом подвальном помещении, не предназначенном для занятий рисованием, изображен сам Черемных.

принимает участие в выставке молодых сибирских художников в Томске.

Весной 1914 года в Томске открылась первая выставка картин и скульптур группы молодых сибирских художников. Кружок возник по инициативе самих художников, в ту пору обучавшихся в Москве, и объединил барнаульцев Вадима Гуляева, Михаила Курзина, Ивана Чашникова и томичей Николая Котова, Михаила Черемных и др. Официального статуса объединение не имело, а возникло из-за вечного конфликта отцов и детей, нежелания сотрудничать с довольно либеральным Томским обществом любителей художеств, сплотившим ряды сибирских художников старшего поколения.

Впрочем, участники выставок (а их было две) не представляли целостного коллектива. Почти все они учились в Москве, но каждый из них воспринимал искусство по-своему. Барнаульцы тяготели к обществу «Бубновый валет» (Вадим Гуляев был учеником такого известного живописца, как Илья Машков). Томичи же были более восприимчивы к поискам символистов. А многие художники представляли традиционные пейзажи. На выставках сибирский зритель мог уловить разные, порой противоположные импульсы, адаптирующие московские веяния в искусстве.

По-разному сложился дальнейший путь художников. Некоторые из них стали типичными советскими мастерами. А В. Гуляев, М. Курзин, М. Черемных пытались активно развивать идеи «левого искусства».

В Москве в революционное время Черемных становится одним из самых известных графиков, основоположником советского плаката и советского рисунка. Он первым «додумался» до «Окон РОСТА» (первые пять плакатов сделаны им одним), а позже — в начале Великой Отечественной войны — исполнил первое «Окно ТАСС». После революции возникла потребность в агитационном искусстве, которое быстро, оперативно, в крайне доступной для безграмотных людей форме могло бы рассказывать о советской власти и вести соответствующую пропаганду. Заинтересовался и включился в работу над этими плакатами Владимир Маяковский. Они создавали

Черемных – истинный авантюрист, создающий новое искусство, и непримиримый разрушитель всего старого. В советское время он – художник, работающий в известных сатирических изданиях, бичующий все неурядицы и пороки общества.

совершенно новое искусство, целью которого было, говоря словами поэта, «обслуживание вручную горстью художников стопятидесятиmillionного народа». Обращаясь к форме лубка, Черемных создает совершенно новые формы агитационного искусства, развивая и обогащая популярное еще до революции примитивистское направление авангардного искусства.

Черемных — истинный авантюрист, создающий новое искусство, и непримиримый разрушитель всего старого. В советское время он — художник, работающий в известных сатирических изданиях, бичующий все неурядицы и пороки общества. Как и положено настоящему сатирику, все многообразие мира он видит упрощенно, прямолинейно, в социальных контрастах черно-белого. Не с лучшей стороны характеризует художника прямо-таки патологическое стремление издеваться над церковной культурой.

Во второй половине 1930-х годов, очевидно, из-за особенности тех лет намечается его сотрудничество с театрами. Но как только начинается война и облик врага принимает отчетливую, отлитую формулу, Черемных возрождает агитационное искусство в «Окнах ТАСС». Именно за эти плакаты он получит Государственную премию.

В начале 1940-х годов культурная жизнь Алтая, как и во многих городах Зауралья, получает мощный импульс развития. Это напрямую зависело от приезда эвакуированных деятелей культуры, в том числе и художников. Только в Барнаул их прибыло несколько десятков. В Новосибирске, например, была размещена знаменитая Третьяковская галерея, там же основными фондами были представлены ведущие столичные музеи. Так на Алтае, в Бийске, вынужденно оказался Михаил Черемных.

Одним из проявлений культурного «взрыва» стало «кипение» графического искусства. Большинство из приезжих художников стали сотрудничать с газе-

В Москве в революционное время Черемных становится одним из самых известных графиков, основоположником советского плаката и советского рисунка. Он первым «додумался» до «Окон РОСТА» (первые пять плакатов сделаны им одним), а позже – в начале Великой Отечественной войны – исполнил первое «Окно ТАСС».

тами. Возникли объединения, занимающиеся выпуском агитационных листов и плакатов (в Алтайском краеведческом музее хранится коллекция плакатов военного времени, исполненных вручную). В Бийске Черемных регулярно работает в излюбленном для него жанре. Причем именно к его работам проявляется наивысший интерес. Его графика выставляется в Барнауле. В 1942 году он участник

выставки «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны», проходившей в Новосибирске. На московских выставках тех лет его плакаты занимают почетное место.

Особое место в творчестве художника-графика занимает работа «Плакат о займе» – своеобразный автопортрет художника за работой. В небольшом подвальном помещении, не предназначенном для занятий рисованием, изображен сам Черемных. Он пишет плакат. Лист ватмана, словно большое произведение искусства, находится на мольберте. Лампа высвечивает слова «Главный выигрыш наш – Гитлера сдать в тираж!».

Однако, находясь в Бийске, Михаил Черемных проявляет себя не только как яростный обличитель и карикатурист, но и интересный театральный художник. Им были выполнены эскизы костюмов к пьесе И. Штока «Осада Лейдена», вызывающие прямые аналогии с блокадой Ленинграда. Он написал целую серию гуашевых работ, где уделяет внимание и самой одежде и в то же время тонко набрасывает психологические характеристики персонажей. Художник «срисовывает» персонажей с конкретных актеров, по этой причине чисто театральные работы приобретают черты портретного искусства. Обращаясь к далекой истории, Черемных воссоздает полный юмора мир «малых» голландцев. Впервые в своем творчестве он избегает откровенной сатиричности и создает точные, по-театральному яркие образы героев. Высоко оценивая эти работы, отмечаем непохожесть и их особенное место в наследии автора.

Выработав свой экспрессивный графический стиль, направленный на сиюминутность и злободневность, Михаил Черемных сумел не только остановить время, но и промчатся сквозь него: в его искусстве нет разграничения между недолговечной агитацией и высоким искусством... Из эвакуации Черемных вернулся обратно в Москву.

Культурный взрыв не был продолжителен. По окончании военных действий культурные ценности и приезжие люди искусства возвращались домой, однако заметный след в истории принявших их городов и судьбах самих творцов он оставил.

Вот уже несколько лет барнаульцы пишут народную историю своего города, собирая его предания и легенды. Далеко не все детали и подробности сохраняются официальными летописями, многие из них остаются только в памяти горожан и прекрасно дополняют исторические хроники, а то и представляют их в новом свете.

ЕГО ДИВИЗИЯ ПЕРВОЙ ВОРВАЛАСЬ В БЕРЛИН

В северо-западной части Новосибирской области на стыке с Омской областью и Алтайским краем находится Татарский район, названный по одноименной железнодорожной узловой станции Татарской. Здесь в селе Бурково-Новопокровское в 1902 году родился Нестор Дмитриевич Козин, будущий легендарный генерал, которого в своих мемуарах Георгий Жуков назвал грамотным и толковым командиром. В Барнаул Нестор Дмитриевич переехал уже после своей отставки в 1954 году.

30 лет его жизнь была связана с армией. Грамоте он учился в кружке ликбеза на сборах в Красной армии, когда ему было уже 20 лет. Однако природный ум и вьедливое крестьянское упорство помогли ему в 1929 году окончить Омское пехотное училище им. Фрунзе. Служил он в Белоруссии, Красноярске, в 1939-м — стал комбатом 107-й стрелковой дивизии, дислоцированной в Бийске. Оттуда 27 июня 1941 года воинская часть отправилась на фронт.

В середине июля дивизия вступила в бой под Ельней, где впервые с начала войны немецко-фашистские войска потерпели крупное поражение. Это было боевое крещение Нестора Козина, в котором он проявил незаурядные командирские качества.

Необстрелянные бойцы 3-го батальона 586-го стрелкового полка 107-й дивизии, которым командовал Нестор Козин, сразились с эсэсовской элитой из полка «Великая Германия».

Уже в первом бою неординарность

мышления комбата сослужила добрую службу батальону. Наткнувшись в близлежащем леске на базу немцев, Нестор Дмитриевич бросил в бой лишь одну роту, а две другие в это время, обойдя противника, одновременно ударили на него с фланга и тыла и сходу смяли его оборону. Сам маршал Жуков отметил умелые действия комбата Козина. Буквально через месяц Нестор Козин уже командовал 85-м стрелковым полком 100-й стрелковой дивизии 24-й армии. В ее составе полк Нестора Козина мужественно сражался в Ельнинской наступа-

До февраля 1943-го дивизия Козина участвовала в ликвидации окруженной 6-й армии Паулюса в Сталинграде. В январе 1943 года Нестору Дмитриевичу присваивают звание генерал-майора.

тельной операции в сентябре 1941 года. За массовый героизм 100-я стрелковая дивизия была преобразована в 1-ю Гвардейскую стрелковую дивизию, а сам Козин был награжден орденом Ленина. Как тогда говорили, Козин стал первогвардейцем, а его полк стал именоваться 2-м Гвардейским стрелковым полком. В ходе наступательных боев под Москвой полк прошел с боями более 150 километров, освободив десятки населенных пунктов.

Под Сталинградом подполковник Козин уже командовал 63-й стрелковой дивизией, которая, находясь на направлении главного удара 21-й армии Донского фронта, прорвала оборонительные рубежи немецко-румынских войск. 22 ноября дивизия взяла в окружение два армейских корпуса 3-й румынской армии. Вечером 23 ноября командир 14-й дивизии Румынии генерал Стэнеску прислал на командный пункт полковника Козина парламентеров с согласием сдачи в плен всей своей 27-тысячной группировки. До февраля 1943-го дивизия Козина участвовала в ликвидации окруженной 6-й армии Паулюса в Сталинграде. В январе 1943 года Нестору Дмитриевичу присваивают звание генерал-майора.

После ранения зимой 1943 года Нестор Козин оканчивает ускоренный курс Военной академии генерального штаба и в свою родную 52-ю стрелковую гвардейскую дивизию (бывшую 63-ю) воз-

Имя Нестора Дмитриевича Козина носит барнаульская школа № 48.

вращается только в сентябре 1944 года. Он участвует в Прибалтийской, Висло-Одерской и Восточно-Померанской операциях. Только за одну Восточно-Померанскую операцию его дивизия освободила 90 населенных пунктов, в т. ч. 8 городов. Но звездный час комдива Нестора Козина был еще впереди: 19 апреля 1945 года в составе 3-й ударной армии дивизия пошла в наступление на Берлин. Менее чем за трое суток преодолел три оборонительных рубежа немцев, утром 21 апреля дивизия генерал-майора Нестора Дмитриевича Козина первой из всей Советской Армии ворвалась в Берлин!

С 22 апреля по 2 мая части дивизии выбили врага из 120 кварталов, уничтожив большое количество живой силы и техники, только пленными дивизия захватила гитлеровцев больше чем было бойцов в ее составе. 29 мая 1945 года гвардии генерал-майору Нестору Дмитриевичу было присвоено звание «Герой Советского Союза». 24 июня 1945 года он принял участие в Параде Победы на Красной площади. Нестор Дмитриевич был также награжден тремя орденами Ленина, орденом Суворова III степени, Отчужденной войны I степени, многими медалями. Почетный гражданин г.Барнаула Нестор Дмитриевич Козин умер 11 сентября 1992 года. Похоронен он на Власихинском кладбище. Его имя носит барнаульская школа № 48

Награда не нашла героя дважды

Окончив перед войной Барнаульский аэроклуб, Геннадий Александрович Воров в 1943 году выпустился из Омского летного училища.

Воевал он в составе 162-го Гвардейского полка резерва главного командования. Полк летал на пикирующих бомбардировщиках Пе-2 и выполнял самые ответственные боевые задания: уничтожал важные объекты противника.

Геннадий Александрович совершил 102 успешных боевых вылета. Он заживо горел в самолете, пять раз его сбивали. Два раза его самолет таранили фашистские асы.

Один из самых жестоких боев особо запомнился ветерану — бой над Кривым Рогом, где двумя группами бомбардировщики бомбили скопление танков. Уцелел только его самолет, радист и штурман погибли. Изрешеченный снарядами и осколками бомбардировщик Воров дотянул до аэродрома, где базировались истребители (как пелось в песне тех лет — на честном слове и на одном крыле), дозаправился и перелетел на свой аэродром.

Его отстранили от полетов. Начались допросы особиствов...

Только благодаря усилиям генерал-

лейтенанта Полбина, командира корпуса (легендарный летчик Великой Отечественной войны, автор «полбинской вертушки», атаки, при которой «пикировщики» шли один за другим, прикрывая впереди летящие самолеты от огня зенитной артиллерии и атак истребителей), он был вызволен из особого отдела и допущен к боевым полетам.

В последний раз самолет Геннадия Александровича Ворова подбили над Берлином 2 мая 1945 года - еле дотянул до расположения дивизии А.И. Покрышкина.

Самый трудный день за время войны выпал на долю Геннадия Александровича 9 мая 1945 года. Все ликовали, встречая Победу, ему же пришлось вылететь на боевое задание — уничтожить артиллерию, обстреливающую Прагу.

За выполнение этого задания он был награжден чешской медалью «За храбрость», вручил ее генерал Людвиг Свобода.

12 мая 1945 года в освобожденной Праге встретил Геннадий Воров Победу.

Самое удивительное в биографии Г.А. Ворова то, что его дважды представляли к званию Героя Советского Союза, но оба раза награда не нашла героя. На встрече ветеранов 162-го Гвардейского полка командир полка полковник Новиков недоуменно спросил: «Гена, а почему ты без Звезды Героя? Я сам подписывал представление». Только на этой встрече жена Геннадия Александровича узнала,

что муж ее представлялся к этой высокой награде.

Воров бомбил тогда днепропетровские мосты. Отбомбился точно: вывел из строя тот пролет, который был отмечен на карте, не повредив опор, как и предписывалось заданием. Следом полетел самолет-разведчик, чтобы сфотографировать результат. Но немцы в таких случаях наводили мосты ударными темпами, и поезда практически следовали без перерыва.

Так что, когда прилетел самолет-разведчик, поезда уже следовали по только что разбомбленному Вороным мосту, и звание Героя Советского Союза ему не было присвоено. Второй раз к высокому званию Геннадий Александрович представлялся за уничтожение большого скопления танков. Но в этот раз погиб летчик, доставляющий почту, где было и представление на него.

Демобилизовавшись, Геннадий Воров вернулся в родной Барнаул. Он и в мирное время оставался командиром. Работал командиром авиаотряда Барнаульского аэроклуба. Под его руководством были подготовлены сотни курсантов, которые затем служили в ВВС страны, трудились пилотами в «Аэрофлоте».

Он заслуженно стал одним из первых мастером спорта по самолетному спорту.

С 1963 года Геннадий Александрович стал работать в Барнаульском аэропорту диспетчером службы движения, а затем руководителем полетов.

Скромный герой Василий Тимофеевич Христенко

Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета, Дружбы народов Василий Тимофеевич Христенко барнаульцам и жителям края известен более все же, как полный кавалер ордена Славы. Более того, таких орденов у него 4 — случай уникальный для солдат Великой

Отечественной, ведь орден имеет 3 степени. «Слава» была учреждена одновременно с орденом Победы и давалась только за личное мужество, храбрость и отвагу, проявленные во время боевых действий. Одним словом, наличие у человека такого ордена трех степеней означает, что его обладатель — настоящий Герой. А уж если четыре ...

Вот как это было. Свою первую «Сла-

ву», III степени, Василий Христенко получил, когда ему не было и 19 лет. После окончания 10-го класса, Василий Христенко в январе 1943-го был призван в действующую армию и определен в военно-пехотное училище в Семипалатинске, однако с учетом складывающейся обстановки на фронтах уже в августе сержант Василий Христенко оказался в 53-й стрелковой дивизии под Воронежем. Затем было формирование Днепра и бои, бои, бои... В феврале 1944-го разведчик разведроты 62-й Гвардейской стрелковой дивизии 4-й Гвардейской армии 2-го Украинского фронта Василий Христенко обнаружил обоз противников и уничтожил его огнем. За образцовое выполнение задания командование в канун дня Красной армии он был награжден орденом Славы III степени.

В октябре 1944-го командир БТР 80-го стрелкового отдельного батальона 5-го Гвардейского танкового корпуса 6-й Гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта Василий Христенко вместе с экипажем транспортера возле венгерского городка Комади отбивался от наседавшего противника на охраняемый им наблюдательный пункт. Захватить НП врагу не удалось, в том бою Василий Христенко лично уничтожил из пулемета около десятка пехотинцев противника. В ноябре 1944-го за этот бой он был награжден орденом Славы III степени.

Воюя уже на территории Чехословакии при прорыве обороны противника у города Левице в середине декабря 1944 года, командир БТРа Василий Христенко со своим экипажем уничтожил дюжину гитлеровцев, лично подавил огневую точку противника, захватив в плен трех человек — двух солдат и офицера. За этот подвиг в январе 1945 года Василий Христенко был награжден орденом Славы II степени.

В конце войны, в апреле 1945-го Василий Христенко воевал в Австрии. На-

ходясь в разведке с экипажем своего БТРа в районе деревни Пайдорф, он вступил в бой с противником, в ходе которого было уничтожено около десятка вражеских солдат. Василий Христенко в том бою лично подавил пулемет и взял в плен трех вражеских солдат. За этот бой он награжден орденом Славы I степени.

Однако на этом война для него не закончилась — ему еще довелось повоевать с милитаристской Японией, прежде чем он окончательно занялся мирной жизнью.

Между этими эпизодами у Василия Христенко почти три года войны, несколько ранений, досрочные отправки на фронт из госпиталей, которые правильнее было бы назвать по-

бегами, потому что это так и было.

Став четырежды кавалером ордена Славы в 21 год, пройдя огонь и воду, Василий Тимофеевич с достоинством прошел и «медные трубы» — оставшись скромным, заботливым, внимательным и чутким к чужой беде человеком. На прошедшем недавно пленуме Комитета ветеранов ВОВ г. Барнаула его председатель Николай Григорьевич Устенко назвал Василия Тимофеевича образцом личной скромности.

Окончив после войны юридический институт, он работал следователем, был помощником прокурора, секретарем райкома партии, 12 лет отработал первым секретарем Змеиногорского ГК КПСС, 10 лет заместителем председателя Алтайского краевого Совета народных депутатов.

Василий Тимофеевич — почетный гражданин Алтайского края, председатель Комитета ветеранов Великой Отечественной войны и военной службы Алтайского края. Им написана книга: «Записки фронтового разведчика» и ряд других работ. Он награжден 18 медалями и орденом РФ «За заслуги перед Отечеством 4-й степени».

Умер В.Т. Христенко 9 февраля нынешнего года.

«Родина-мать» на Мамаевом кургане родом из Барнаула

Моделью для всемирно известной скульптуры «Родина-мать» на Мамаевом кургане в Волгограде была жительница Барнаула Анастасия Пешкова.

После школы она уехала учиться в педагогический институт в Москву. В студенческие годы впервые попробовала позировать — на этом можно было хоть немножко заработать.

Однажды фотография Пешковой попала на глаза известному скульптору Евгению Вучетичу. Он сразу загорелся, увидев в студентке из Барнаула героиню для своей будущей скульптуры.

Позировала Анастасия прямо дома у творца. О том, что это будет за памятник и где его установят, модель ничего не знала. Вучетич пояснил только, что скульптура увековечит подвиг нашего народа. Позу для будущей «Родины-матери» выбирали долго. Наконец скульптор созрел. По его замыслу женщина должна была стоять с поднятой вверх рукой и устремленной вперед грудью.

У жительницы Барнаула автор композиции на Мамаевом кургане взял фигуру. А вот лицо Вучетич слепил со своей жены.

На открытии мемориала в Волгограде Анастасия Пешкова не была. После учебы она уехала в Монголию, работала учителем. В 1995 году вернулась в Барнаул.

В Волгоград она потом все-таки съездила. И долго плакала, увидев наяву самый большой в мире памятник, который изображал ее в совсем недавней молодости.

Танк у «Мира»

На бульваре Защитников Сталинграда возвышается легендарный танк Т-34, который входит в комплекс мемориала Славы. Открыт этот памятник был в День 50-летия Победы в 1995 году в ознаменование фронтовых подвигов наших земляков и выпуска в Барнауле 10 тысяч дизельных моторов для этого самого массового танка Великой Отечественной войны.

Какой же путь прошла боевая машина, прежде чем встать на постамент у КРК «Мир»?

Для барнаульского танка эта стоянка не первая. «Тридцатьчетверка» уже была установлена в отдельном мотострелковом полку в поселке Акташ (Республика Алтай). После расформирования воинской части танк отправили в Бийск на местный танковый полигон № 306054, а уже оттуда передали в Барнаул.

До своей вечной стоянки у «Мира» Т-34 прошел славный боевой путь. Об этом рассказывает историк Николай Ростов, ссылаясь в свою очередь на ветерана Великой Отечественной войны Матвея Белова. Ветерану довелось видеть формуляр танка (где формуляр находится в настоящее время не известно). Так вот что, по словам ветерана, написано в этом документе.

Барнаульскому танку довелось участвовать в легендарных боях Великой Отечественной. Он сражался с немецкими «тиграми» и «пантерами» на Курской дуге. В составе 6-й танковой армии танк прошел через всю Европу, освобождал Прагу. Позднее Т-34 участвовал в боях с японской армией на Востоке. Получается, машина на самом деле геройская!

Танк и сейчас производит впечатление действующего, готового сорваться с пьедестала и ринуться в бой!

Фарида
Габдраупова

«Мы раздали не все дары...»

*В перерывах меж главным и главным
Я была для него забавной.*

*Мной, веселю Музой с лирой,
Он латал душевные дыры.*

*Слишком яркими были заплатки —
Золотисто-парчовые, гладкие,*

*Нежно-бархатные, облицованные,
Словно губы мои пунцовые.*

*Белой замши куски приятные,
Поцелуи цветными пятнами.*

*Как могла — угождала и льстила.
...А вот слез моих - не простил он!*

*Словно бабочек стая летает,
Словно медленно сахар растаял,
Словно роза нутро раскрывает —
Так любовь твоя в теле живет.*

*И душа моя полуживая,
То наполнившись, то убывая,
Отрешенная и немая —
В море нежности тихо плывет.*

*Была какая-то любовь,
Шла, спотыкаясь, шатко, вялко ...
Упала! Кончилась —
И жалко!..*

*Ветер воздухом расчесывал
Волосы у великана,
Мягко проверяя листьев
Беззаботную упругость.*

*В уши мне ссыпались звуки —
Легкой арфы переливы.*

*Жизнь казалась бесконечной,
Ветреной, большой, игривой,
Летней-летней и счастливой.*

Сонет-альба

*Когда в твоих объятьях засыпаю,
Между мирами я теряю грани.
Сплю наяву, глаза не закрывая,
Дыханье пью и рай воспринимаю.*

*В кудрях твоей цветущей бороды,
Как бабочки, сложились мои пальцы.
И так я замираю до звезды,
До утренней, с которой нам
расстаться.*

*В тюльпане рук до света утону.
Не ведаю, как выйду в новый день я.
И этот миг являет глубину -
Бездонное пространство сновиденья.*

*И двадцать жизней было бы мне мало,
Когда б таких мгновений не бывало!*

*Не спуститься к тебе с небес,
Не вбежать в горизонт с тобой.
Мир реальный имеет вес,
Опечатанный ритм и строй.*

*Мы раздали не все дары.
Плещет золото в чашах глаз.
Нерожденных времен мира
Манят-манят друг к другу нас.*

*Ржавым ножом
По сердцу режет
Осень.
Косит
Листьев несвежих
Гниющее
Прожитое богатство.
Можно, конечно, стараться
Жить,
Ковыляя сквозь мрак и слякоть.
Но сердце размякло -
Не может
В комок собраться,
И хочется тут же упасть
И долго, внушительно плакать...*

*...И верить, что любовь первична
В осваивании жизни личной,
В том, кто купил белье, посуду,
В Христа он верил или в Будду.*

*И кто развешивал убранства,
Чтоб для любви создать
 пространство.
Кто окна застеклил от ветра
И сколько там квадратных метров.*

*А если больше недоступно
Довериться светло и крупно?..*

*Доверься мне! —
Изнежу,
Разолью
По венам пух.
Послушного тебя
В красивых формах
Изогну,
Летать пушу -
Замрешь...
И ветру
Отдашь вольно,
Словно мне...*

На мосту

*Мы, взявшись за руки,
Стоим - у края.
Украли
Друг друга мы
У тех, кто дорог.*

*Дорог не зная,
Пришли вслепую,
Стоим, ликуем
Друг другу в лица —
Мы стали птицы!*

*Остановиться
У края смерти,
Пусть ветер вертит
Подолы платьев.
За все заплатим —
Мы стали жертвы!*

*Открыли крылья,
Как будто ставни.
И так застыли —
Мы стали камни.*

*Птичка в телефоне
Бьется, как сердечко.
Телефон-тихоня
Не назначил встречу.*

*Не ответил что-то,
СМСка виснет.
Не сомкнулись соты,
Разминулись жизни.*

*Любовь, отпусти меня,
Не дай разорить очаг,
Останься углем в очах
И музыкою в плечах.*

*Любовь, опусти меня,
Коленей не разводи,
Каленым не жги в груди,
Любовь, — уходи!*

*Тонкой змеею вьется у края,
Выжить хочет
Любовный цветок
На обочине
Души твердой.
Жалобной дудочкой завывает
И заывает
Под электрический ток,
Нервы выкручивая
Тонкой отверткой.*

*Сижусь на кухне, водку пью.
Влюбилась.
Я плачу, что давно в плену
И что забылась.*

*...Капли слов стекают по лицу.
Моя пьеса подошла к концу.*

*Эй, время,
Поворачивай обратно!
Когда б ты знало, как избранник мой
прекрасен,
Ты б точно позавидовало мне.
Твоя бесполая, бесчувственная
сущность,
Твоя привычная работа разрушенья
Вмиг устыдилась бы незрячести своей!*

*Пока его влюбленные ладони
Всю обхватили талию мою
И путаются в многослойных юбках,
Твой меч да обратится в гладиолус...
Эй, время! Повернись, любуйся нами,
Останься с нами в возрасте любви!*

*Ну, хочешь, я отдам тебе всю
старость?
Не так уж много до нее осталось!
Оставь мне золото весеннего огня,
Пока он любит — сбереги меня!*

*I put a Spell on you...
(Мэрлин Мэнсон)*

*Чарит черная баллада,
Страшный Саути и Китс.
Мэрлин — грозная отрада,
Рифма страсти и тоски.*

*Мистер мрака и мистерий,
Душу тянет голос-трос,
Мастер массовых истерик,
Провокатор сладких грез.*

*Потуши пожар, не надо —
Жадно пожалей меня.
Соблазнительная сладость —
В горле — логово огня.*

*На гитаре не играю,
Инглиш плохо понимаю,
Остро страсть твою глотаю:
«Й-е-ка-коу-у-у!!!»*

Не вышло... Но я обещала,
Что все еще будет прекрасно,
Хотя я не знаю пространства,
Где были бы мы вдвоем.

Не в пошлом плену подушек
Я видела наши души,
А в белом саду облаков
На райские веки веков.

...И подпустил меня близко,
И позволил себе довериться,
Тем вернее был прицеленный выстрел -
Сразу в сердце!

А.У.

Где-то в далеких, высоких
жемчужных лугах

Легкие бабочки сны
с лепестков собирают.

Столько цветов не уместится
в ваших руках,

Значит, не будем срывать
и пусть пропадают.

Ловким косцам не взобраться
с железной косой.

Так и стоят недоступно
в тумане белом.

Разве, что боги сюда
прилетают весной,

Трав не согнув своим
эфемерным телом.

Нить паутины — граница
всему и броня.

Стоит коснуться —
и лопнет гармония мира.

Вы мне поверьте, получится, словно я
Все это вам непридуманно подарила.

Объятье — самое тугое,
Не выпустит — не впуспит душу,
Не одолеет плотность тела.
Раздразнит и — не успокоит.

Хочу открыться всюю кровью
И до крупницы раскрошиться,
Быть поглощенной — стать тобою,
Обнять — и в вечность провалиться!..

Весь день сегодня я неслышно плачу:
Мне светлых-светлых глаз
недостает.

Мой путь в другую сторону, он мрачен.
Мой грустный мальчик, любованье
мое!..

Элегия

Когда в природе райское цветенье,
И в майских яблонях два ангела осели,
Кружит весна на пьяной карусели, —
Я забываюсь на одно мгновенье.

Но разум быстро истину откроет.
Где мой жених с зелеными глазами? —
Он далеко, он безнадежно занят
Собой, свободой и радостью другою.

Мне вреден воздух сладостный
и сочный,

И надо мною посмеется юность.
А на моих позеленевших юбках
Завянут белые последние цветочки.

Прощайте, девушка со стрелками
волос,

Травинкою затянутая в талии.
О, как вы гордо задирали нос,
Как просто над землей витали вы!

Иду одна, ломая хрупкий наст,
Не про меня весенняя распутица.
О, как ревниво я любила вас,
Когда вы были неразлучной спутницей.

Из юности своей беспомощно шагаю,
Как бедная изгнанница из рая.

Мы планируем знакомить читателей «БЛ» с работами лучших российских писателей - и тех, кто известен пока только в Сибирском регионе, и тех, кто считается гордостью отечественной словесности. Именно к таким относится Захар ПРИЛЕПИН, предоставивший свой рассказ специально для «БЛ».

Жесткая проза о жестком времени

В одной из телепередач писателя один из его оппонентов (что, согласитесь, многого стоит!) назвал современным Горьким. Не знаю, насколько такое сравнение справедливо (такую оценку, на мой взгляд, можно лишь дать по истечении солидного отрезка времени), но стрела его творчества, несомненно, угодила в болевую нерв нынешней эпохи. Далеко не на каждый роман пишет рецензию в модный журнал «для своих» известный олигарх — именно такой чести удостоился роман Прилепина «Санька» от Петра Авена в «Русском пионере». Захар написал ответ на рецензию в «Огоньке», что само по себе — писать рецензию на рецензию! - стало неординарным ходом. Эта полемика вызвала новые споры в думающей части общества, причем споры, подчас далекие от литературы.

Не каждый роман вчерашний литературный изгой хотел бы запретить. А именно так оценил «Саньку» писатель Виктор Ерофеев, который в свое время сам подвергался травле, в том числе из-за участия в неподцензурном альманахе «Метрополь».

Впрочем, есть у Прилепина, кроме нашумевшего «Саньки», еще один мощный роман - «Патологии» - одно из произведений, затрагивающих тему чеченской войны. Вообще, в современной российской литературе тема войны в Чечне по большому счету не затронута. Хотя войны на Северном Кавказе (первая и особенно вторая) стали во многом поворотными для страны и живущих в ней на сегодняшнем историческом этапе. Сам Захар Прилепин бывал на обеих войнах.

«Патологии» - как раз о первой. В нем рельефно показано, как вчерашний среднестатистический русский парень, часто инфантильный дома, преобразается в настоящего солдата, воина.

Написав этот роман, писатель к теме кавказских войн возвращался лишь в паре-тройке рассказов, да редких упоминаниях о них в публицистике. «Нет такого желания больше, - говорит он. - Мы же в целом мирные люди, хотя наш бронепоезд известно где стоит...».

В рассказах, где затрагивается «чеченская тема», у Прилепина всегда присутствует самобытный герой. Важно, что в них нет людей-манекенов, заезженных типов, обилием которых грешат немногочисленные творения на эту тему у других авторов. При этом писатель показывает своих персонажей с разных, порой самых неприглядных, сторон. От духа эпохи никуда не уйти, что поделаешь. Но при этом он не склонен принижать уровня своих героев, а также значения того, что они сделали. Ведь они — дети своего времени, и от этого никуда не уйти. И этой неоднозначностью, принадлежностью к времени, народу, вращением в них, и ценны герои Прилепина. И пусть иной читатель вздрогнет, подумав о ком-либо из героев: «А ведь на его месте мог быть и я...». И в думе этой — вся неоднозначность характеров действующих лиц. И в этом ценность пока еще очень тонкого (хочется надеяться, что к этой теме он еще вернется) «чеченского» пласта творчества Захара Прилепина.

А теперь немного о нем самом.

Захар Прилепин (настоящее имя Евге-

ний Николаевич Прилепин). Родился 7 июля 1975 года в деревне Ильинка Скопинского района Рязанской области.

Закончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Работал разнорабочим, охранником, служил командиром отделения в ОМОНе, принимал участие в боевых действиях в Чечне в 1996 и 1999 годах.

Первые произведения были опубликованы в 2003 году в газете «День литературы». После этого Прилепин много печатался в самых престижных изданиях страны. В настоящее время работает главным редактором «Агентства политических новостей — Нижний Новгород», генеральным директором «Новой газеты в Нижнем Новгороде». С июля 2009 года — ведущий программы «Старикам здесь не место» на телеканале «PostTV». Женат. Трое детей.

Основные книги

«Патологии» (роман) — 2004, изд. «Андреевский флаг»; «Санька» (роман) — 2006, изд. «Ad Marginem»; «Грех» (роман) — 2007, изд. «Вагриус»; «Ботинки, полные горячей водкой» (сборник рассказов) — 2008, изд. «АСТ»; «Я пришёл из России» (эссе) — 2008, изд. «Лимбус Пресс»; «Terra Tartarara. Это касается лично меня» (авторский сборник публицистики) — 2009, изд. «АСТ»; «Именины сердца. Разговоры с русской литературой» (авторский сборник интервью с писателями и поэтами) — 2009, изд. «АСТ»; «Леонид Леонов: Игра его была огромна» — 2010, изд. «Молодая гвардия», серия «Жизнь замечательных людей».

Награды:

Лауреат премий Бориса Соколова (2004), газеты «Литературная Россия» (2004), «Роман-газеты» в номинации «Открытие» (2005), «Эврика» (2006), Всекитайской международной литературной премии «Лучшая иностранная книга 2006 года» (2007), «Ясная Поляна» имени Льва Толстого (номинация «XXI век») за роман «Санька» (2007), «России верные сыны» имени Александра Невского за роман в рассказах «Грех» (2007), Всероссийской премии Института национальной стратегии «Солдат Империи» (2008), «Национальный бестселлер» за роман в рассказах «Грех» (2008).

Обладатель серебряной медали Бунинской премии за книгу «Terra Tartarara: Это касается лично меня» (2009).

Сержант

Захар
Прилепин

Он затевал этот разговор с каждым бойцом в отряде, и не по разу.
С виду — нормальный парень, а поди ж ты.

— Каждый человек должен определить для себя какие-то вещи, — мусолил он в который раз, и Сержант уже догадывался, к чему идет речь. Слушал лениво, не без потайной иронии.

Я знаю, чего никогда не позволю себе, — говорил он, звали его Витькой. — И считаю это верным. И знаю, чего не позволю своей женщине, своей жене.

— Ты уже рассказывал, Вить, — обрывал его Сержант. — Я даже готов разделить твою точку зрения. Зачем ты только всем про это рассказываешь?

— Нет, ты согласен, что если совершаешь такие поступки, значит, ты унижаешь и себя, и свою женщину? — возбуждался Витька.

Сержант понимал, что влип и сейчас ему нужно будет либо соврать, либо спорить на дурацкую тему.

Ответить, что ли, Витьке, чего бы он сделал сейчас со своей любимой женщиной...

— Лучше скажи, Витя, почему ты рацию не зарядил? — поменял Сержант тему.

Витька хмурил брови и норовил выйти из полутьмы блокпоста на еле-еле рассветную улицу.

— Нет, ты постой, Витя, — забавлялся Сержант, будоража пригасшее уже недо-

вольство. — Ты почему рации взял полумертвые? Ты отчего не зарядил аккумуляторы?

Витек молчал.

— Я тебе три раза сказал: «Заряди! Проверь! Заряди!», — не унимался Сержант, ерничая и забавляясь. — Ты все три раза отвечал: «Зарядил! Проверил! Все в порядке!».

— Ведь хватило же почти до утра, — отругивался Витька.

— Почти до утра! Они сдохли в три часа ночи! А если что-нибудь случится?

— Что может случиться... — отвечал негромко Витька, но таким тоном, чтоб не раздражать: примирительным.

У Сержанта действительно не хватило раздражения ответить. Он и сам... не очень верил...

Их отряд стоял в этой странной, жаркой местности у гористой границы уже месяц. Пацаны озверели от мужского своего одиночества и потной скуки. Купаться было негде. В близлежащее село пару раз заезжали на «козелке» и увидели только коз, толстых женщин и нескольких стариков.

Зато сельмаг и аптека выглядели почти как в дальней, тихой, укромной России. Пацаны накупили всякой хрустящей и соленой дряни, ехали потом, плевались из окна скорлупками орешков и соленой слюной.

База находилась в десяти минутах езды от села. Странное здание... Наверное, здесь хотели сделать клуб, но устали строить и забросили.

Они спали там, ели, снова спали, потом остервенело поднимали железо, надувая бордовые спины и синие жилы. Походили на освежаванных зверей, пахли зверем, смеялись, как волки.

Бродили первое время по окрестностям, с офицерами, конечно. Осматривались.

Парень по кличке Вялый наступил как-то на змею и всех позвал смотреть.

— Ядовитая, — сказал Вялый довольно. На скулах его виднелись пигментные пятна. Змея яростно шипела и билась злой головкой о сапог, Вялый смеялся. Придавил ей голову вторым ботинком и разрезал змею надвое жутко наточенным ножом. Поднял ногу — и хвост станцевал напоследок.

После того как пацаны пристрелялись из бойниц и блокпостов, шуметь и палить запретили. А так хотелось еще немного пострелять. Представить атаку бородатых бесов с той стороны гор, с границы, и эту атаку отбросить, рассеять, порвать.

У них было три блокпоста, два бестолковых и еще один на каменистом и пыльном пути с той черной, невнятной стороны, где жили обособившиеся злые люди.

Сегодня пацаны стояли на блокпосту, что располагался у дороги. Здесь была и стационарная рация, но позапрошлая смена что-то учудила: нажрались, наверное, черти, то ли уронили ее, то ли сами упали сверху. Не работала потому. Радист собирался сегодня с утра приехать, чинить.

Вялый смотрел в рассеивающуюся темноту. Сержант был готов поклясться, что у Вялого дрожат ноздри и пигментная щека вздрагивает. Вялый хочет кого-нибудь загрызть. Он и ехал сюда убить человека, хотя бы одного, даже не скрывал желаний. «Здорово увидеть, как человеческая башка разлетается», — говорил, улыбаясь.

— Вялый, долго ты собираешься продержаться на этом блокпосту? — спрашивал иногда Сержант.

— А чего не продержаться, — отвечал Вялый без знака вопроса, без эмоций и трогал стены, шершавый бетон. Ему казалось, что бетон вечен, сам он вечен и игра может быть только в его пользу, потому что — как иначе.

В семь утра, ну, полвосьмого их должны были сменить, и Сержант, лежа поверх спальника с сигаретой в руке, посматривал на часы. Хотелось горячего — на базе, наверное, борщ... Сегодня среда, значит, борщ.

Курилось тошно, оттого что голодный. Дым рассеивался в полутьме.

Их было шестеро; еще Рыжий, Кряж и Самара.

Самара, самый молодой из них, служил в Самаре; Рыжий был лыс, за что его прозвали Рыжим, никто не помнил и сам он не вспоминал; Кряж отличался малым ростом и странной, удивительной силой, которую и применял как-то не по-человечески: вечно что-то гнет либо крошит, просто из забавы.

Сержант — его все называли Сержант — иногда хотел, чтобы Кряж подрался с Вялым, было интересно посмотреть, чем кончится дело, но они сторонились друг друга. Даже когда ели тушенку из банок, садились подальше, чтоб локтями случайно не зацепиться.

Вялый порывлся в рюкзаке, ища, что пожрать, он тоже проголодался и вообще неустанно себя насыщал, упрямо двигая пигментными скулами.

Кряж, напротив, ел мало, будто нехотя; мог, казалось, и вообще не есть.

Когда Вялому хотелось насытиться, он становился агрессивен и придиричив. Доставал кого-нибудь неотвязно, при этом очень хотел пошутить, но не всегда умел.

— Витек, — позвал он. — А зачем ты сюда приехал?

— Я Родину люблю, — ответил Витек.

Вялый поперхнулся.

— Какую Родину?

Витек пожал плечами: мол, глупый вопрос.

— Родину можно дома любить, понял, Витек? — Вялый нашел горбушку ржаного и отщипывал пальцами понемногу, прикармливая себя. — А сюда ездить за тем, чтобы Родину любить, — это извращение, понял?

— Ты, значит, извращенец? — спросил Витька.

— Конечно, — согласился Вялый. — И Самара извращенец. Смотри, как он спит: как извращенец...

— Я не сплю, — ответил Самара, не открывая глаз.

— Слышишь, что ответил: «Я не сплю», — отметил Вялый. — А с первой частью моего утверждения он согласен. И Сержант извращенец.

Вялый посмотрел на Сержанта, надеясь, что тот поддержит шутку.

Сержант забычковал сигарету о стену и от нечего делать сразу прикурил вторую. На взгляд Вялого не откликнулся.

Он не помнил, когда в последний раз произносил это слово — Родина. Долгое время ее не было. Когда-то, быть может, в юности, Родина исчезла, и на ее месте не образовалось ничего. И ничего не надо было.

Иногда стучалось в сердце забытое, забитое, детское, болезненное чувство, Сержант не признавал его и не отзывался. Мало ли кто...

И сейчас подумал немного и перестал.

Родина — о ней не думают. О Родине не бывает мыслей. Не думаешь же о матери, — так, чтоб не случайные картинки из детства, а размышления. Еще в армии казались постыдными разговоры иных, что вот, у него мамка, она... не знаю, что там она... варит суп, пирожки делает, в лобик целует. Это что, можно вслух произносить? Да еще при мужиках небритых. Это и про себя-то подумать стыдно.

Всерьез думать можно только о том, что Витьку пугает. Впрочем, и здесь лучше остепениться.

...Какой-то нервный стал опять...

Иногда, помнил Сержант, раз в несколько лет, он начинал чувствовать странную обнаженность, словно сбросил кожу. Тогда его было легко обидеть.

Первый раз, еще подростком, когда это нахлынуло, он, обескураженный и униженный, прятался дома, не ходил в школу, знал, что его может безнаказанно задеть любое чмо.

Еще в армии казались постыдными разговоры иных, что вот, у него мамка, она... не знаю, что там она... варит суп, пирожки делает, в лобик целует. Это что, можно вслух произносить? Да еще при мужиках небритых. Это и про себя-то подумать стыдно.

Сержант, никогда всерьез своей жизнью не дороживший, вдруг удивился своей очевидной слабости. Человек — такое смешное существо, думал он, глядя на парней, качающих железо.

Потом, повзрослев, так напугался очередной своей слабости, что начал пить водку и едва развязался с этим.

Последний раз болезненность пришла, когда родились дети, два пацана.

И тогда Сержант сбежал от этого чувства, обретшего вдруг новые оттенки и почти невыносимого. Вот сюда, на блокпост сбежал.

В сущности, понял Сержант теперь, чувство это сводилось к тому, что он больше не имеет права умирать, когда ему захочется.

Выяснилось, что нужно сберечь себя. Как же это унижительно для мужчины...

Сержант, никогда всерьез своей жизнью не дороживший, вдруг удивился своей очевидной слабости. Человек — такое смешное существо, думал он, глядя на парней, качающих железо. Такой кусок мяса, так много костей, а надо ему всего несколько грамм свинцовых... да что там свинцовых, — тонкой иглы хватит, если глубоко она...

Жить в полную силу, ограничивая себя во всем, мало спать, почти не есть — все это давалось Сержанту без труда. Мало того, он никогда не видел особой ценности в человеческой свободе, считал ее скорей постыдной. О свободах в последние времена так часто говорили разные неприятные люди, но, слушая их, Сержант был почти уверен, что, произнося «свобода», они имеют в виду нечто другое. Цвет своего лица, быть может...

Никто не говорил, что самая страшная несвобода — это невозможность легкости при главном выборе, а не отсутствие нескольких поблажек в пошлых мелочах, сведенных, как выяснилось, к праву носить глупые тряпки, ходить ночью танцевать, а потом днем не работать, а если работать, то черт знает над чем, почему и зачем.

Недавно Сержант сделал выбор: ему так казалось, что сделал. Он, мнилось ему, выпарапал себе право не беречь себя и уехал.

Но теперь лежал, чувствуя плечом холод бетонной крошки, и скучал — не о ком-то, а пустой, без привязки, вялой скукой. Ничего не происходило.

Даже забирать их никто не ехал.

— Сколько там времени, Сержант? — спросил Самара, не открывая глаз.

— Девятый час, — ответил Сержант, не глядя на часы.

До десяти они провалялись почти спокойно, потом заволновались.

— Ну, Витя, ну, чудило, молись теперь, — снова начал заводить себя Сержант. — Зарыть тебя мало.

Витька молчал.

— Иди залезь на дерево и маши платочком, чтоб тебя с базы заметили, — сразу вмешался Вялый.

Кряж и Рыжий наблюдали за дорогой: как заступили в четыре ночи, так и не сменялись.

— Вялый, смени Рыжего, пора уже, — сказал Сержант.

— Чего пора? Я свое отстоял, — откликнулся Вялый. — Вон пусть Витя идет.

Вялый помуржил в голове какую-то мысль, ему хотелось позлее состричь что-нибудь про то, как Витю стоило бы «пользовать», но ничего толкового на ум не пришло.

— И Витя с тобой пойдет, — ответил Сержант и поднялся сам.

Это был простой психологический жест: вставать ему никуда не надо было, но если ты на ногах, твои команды действуют лучше, чем поданные из положения лежа.

Вообще с такими зверями, как Вялый, лучше держать себя построже и настороже. В пустых песках субординация иногда забывается.

Что стряслось-то? — думал Сержант, без толку пройдясь взад-вперед. Куда все запропали... Сигареты скоро кончатся.

Кряж уселся на корточки и начал мять пустую консервную банку, превращая ее в блин.

Этого Кряжа, вспомнил Сержант, единственного в отряде пугалась полковая овчарка, не боявшаяся даже без устали задиравшего ее Вялого. Хотя Кряж ничего дурного ей не делал. Просто начинал трепать за холку, а потом, незаметно для себя самого, стремился повалить на землю и дальше уже не мог сдержаться, чтоб не поиграть еще: не давал псу подняться, бодал его и подминал тяжелыми руками, пока собака с непривычным, почти на истерике, визгом не высвобождалась. Делала потом широкие круги, косясь на Кряжа глазом напуганным и бешеным одновременно. Кряж стоял тогда без улыбки, не совсем даже разобравшийся, что стряслось, и похож он был на тяжелую и, может быть, подводную коряжину, на которую если наедет лодка, то расколется пополам.

— Кряж, я забыл, у тебя дети есть? — спросил Сержант. Он вдруг не без ужаса представил, как Кряж будет играть со своими чадами.

Кряж пожал плечами.

— Откуда, — странно ответил он.

— А ты спроси у Витьки, откуда они берутся, — откликнулся Вялый. — А то ты, наверное, не так пользуешь подругу, напутал все.

Кряж хмуро посмотрел в ту сторону, откуда раздавался голос Вялого — самого его видно не было за стеной.

— Так ты не женат? — спросил Сержант.

Кряж пожал плечами так, словно ему самому было неясно, женат он или нет.

...Самара отвернулся на бок и вроде заснул. Рыжий сидел у стены, привалясь к ней голой головой; странно, что его затылку не было больно.

...Нет большей пустоты, чем в ожиданье.

Сержант еще в детстве пытался развеселиться в любую тяготную минуту, говоря себе: «А вот ты представь, что тебе умирать надо сегодня: с какой тоской ты тогда вспомнишь это время, казавшееся совсем нестерпимым... Наслаждайся, придурок, дыши каждую секунду. Как хорошо дышится...»

— Достало уже тут лежать! — вдруг поднялся Самара. Сна у него не было ни в одном глазу.

— А чего ты? Спи! — предложил Сержант. — Вернешься на базу — все одно будешь спать.

— Там — другое дело. Там я буду.. спокойно спать. А тут.. Машина, что ли, у них сломалась?

Сержант не ответил.

— Сразу все три? — спросил за него Рыжий.

В отряде было три машины.

— Ну, уехали куда на двух, — предположил Самара.

— Куда? — откликнулся Рыжий. — В Россию?

— Откуда я знаю, — отозвался Самара; он сам понимал, что ехать особенно некуда.

Он снова упал на спину и лежал с открытыми глазами.

— Тошно как, — сказал.

Сержант подумал мгновенье и озвучил то, чем сам себя успокаивал в такие минуты и о чем вспоминал недавно. Он вообще избегал отвлеченных разговоров с бойцами — ни к чему, но тут нежданно впал в лирическое настроение.

Самара покосился на Сержанта удивленно и не ответил: просто не знал, что сказать.

— Сержант, а ты кем работал раньше? — спросил Рыжий.

— Вышибалой в кабаке, — ответил Сержант, повернувшись к Рыжему.

— А потом?

— Грузчиком.

— А потом?

— А потом опять вышибалой.

— И все?

— Все.

— А... психологом не работал?

— Нет.

— А ты мог бы. Мозги заговаривать.

Да, не надо было, решил Сержант. Не надо этого всего было говорить, сам ведь знаешь...

— Хорошо, Рыжий, я подумаю, — ответил спокойно.

— У меня имя есть, — сказал Рыжий, полузакрыв глаза.

Сержант вперил в него ясный свой взор, но Рыжий не реагировал.

— Я так понимаю, именем тебя будут называть два человека: твоя мама и я, — сказал Сержант.

— У меня нет мамы.

— Ну, значит, я один.

— Ты один.

Сержант сглотнул злую слюну.

— Встань, рядовой, — сказал он Рыжему.

Рыжий открыл ленивые глаза.

— И будь добр, рядовой, объясни мне, в чем дело. Тебя что-то не устраивает?

— Да, меня...

— Встань сначала.

Рыжий медленно поднялся и стоял, опираясь спиной о стену.

— Меня не устраивает, что у нас не заряжены рации.

Сержант кивнул головой.

— И ты должен был это проверить, — закончил Рыжий.

— Я услышал тебя, — ответил Сержант. — Можешь написать рапорт на имя начальства по данному факту. Еще есть вопросы?

— Пока нет.

— Тогда иди и проверь сигналки и растяжки.

Черт его подери, подумал Сержант, проводив Рыжего взглядом. Что с ним стряслось такое...

Кто его вообще Рыжим прозвал? — попытался он вспомнить и вдруг вспомнил.

Ничего особенного: была у них, еще там, в далекой России, обычная попойка, а этот все сидел в стороне: он недавно пришел в отряд.

— Чего ты там сидишь все время, с краю? — поинтересовался главный отрядный балагур, зампотех, худой и говорящий чуть гнусавым голосом, по прозвищу Жила. — Что ты как рыжий?

Само по себе это было не смешно, но в приложении к блестящей, лишенной волос голове показалось забавным. Все захохотали пьяно.

— Какой ты остроумный, — ответил тогда Рыжий негромко. — Острый язык твой. У меня карандаш есть — заточишь?

— Я не карандаш заточу, я тебя задрочу, — ответил Жила весело, и все снова весело обнажили пьяные клыки и языки розовые.

— Ладно, Рыжий, не гнуси, — сам прогнусил Жила вполне доброжелательно. — Иди, выпьем на брудершафт за твое новое имя.

При всей своей забубенной веселости он был жестоким, Жила, и умел обломать, и любил это делать.

Так и повелось: Рыжий.

— Чего он? — весело спросил Самара у Сержанта.

— Иди, с ним сходи, — ответил Сержант, быстро успокоившийся. — А то он... бросится там сейчас на растяжку. Последи, чтоб...

Самара, весело ухмыляясь, вышел на улицу.

— Автомат возьми, куда ты со своим веслом побрел! — крикнул вслед Сержант.

Самара вернулся и поставил в угол снайперскую винтовку, взял «калаш».

— Что у вас тут? — появился Вялый.

Сержант пожал плечами.

— Все нормально, Вялый, — ответил, улыбаясь. — Или тебя тоже больше Вялым не называть?

— Да, называй меня Скорый, — зареготал он в ответ.

Прошел еще один муторный, на одной ковыляющей ноге, час.

Рыжий вернулся и молча сидел, глядя перед собой.

Его обходили, словно неживого.

— Сержант! — позвал Вялый. — Поди на словечко.

— Слышишь, что этот говорит? — кивнул Вялый на Витьку, когда Сержант подошел.

Сержант вопросительно мотнул головой.

— Он ночью слышал, как стреляли. В районе села.

Сержант перевел глаза на Витьку.

— Немного, минуты две, — ответил Витька быстро. — Даже минуту, наверное.

— А ты с кем стоял? — спросил Сержант. — С Самарой? Он отчего не слышал? Спал, что ли?

Самара уже образовался за плечом с виноватым видом.

— Сержант, я клянусь: не спал. Задремал на минуту. Меня Витька толкнул, когда начали стрелять.

— А чего вы меня не разбудили?

— Так прекратили сразу.

Сержант постоял недолго, глядя в бойницу, в лицо задувал ветер... и вышел на улицу, за блокпост.

Думал там, втапывая ногой камешек.

И чего делать? Оставить пост, идти на базу?.. Нет.

Кого-то одного отправить на базу или двоих, чтобы узнали, в чем дело? Кого? Вялого и... Витьку. Да.

Или всем сразу идти? А пост оставить? Кому он нужен... Нет, нельзя...

Он развернулся, чтобы войти в блокпост, и тут вдалеке раздался такой явственный грохот, словно разорвалось огромное брезентовое полотно, и оттуда начался камнепад. Глухо било и отдавалось эхом в земле.

Из блокпоста выскочили разом и Витька и Самара, заполошные, как с пожара.

Стали на месте, потому что бежать было некуда.

Все смотрели в сторону базы: грохотало там.

— Нас штурмуют, пацаны, — сказал Сержант, не очень узнав свой голос, как-то непривычно прозвучавший.

— Их штурмуют, — сказал Кряж — он тоже вышел, труба гранатомета за спиной.

— А нас — еще нет.

— Нас и не будут, — ответил Сержант и сразу повысил голос: — Ну-ка, давайте в блокпост, вылетели...

**Он
развернулся,
чтобы войти
в блокпост,
и тут вдале-
ке раздался та-
кой явственный
грохот, слов-
но разорвалось
огромное бре-
зентовое полот-
но, и оттуда на-
чался камнепад.
Глухо било и от-
давалось эхом
в земле.**

Несколько минут они слушали явный шум боя.

— Собираемся, — велел Сержант. — Цинки возьмите. Гранат, кто сколько сможет. Уходим на базу.

Все, кроме Рыжего, начали застегивать разгрузки, перевязывать натуго ботинки, собирать гранаты — они постоянно лежали на блокпосту в двух зеленых ящиках.

— А пост? — спросил Рыжий.

— Собирайся, рядовой, — сказал Сержант. — Пост мы оставляем. Я так решил.

Сержант взял бинокль и минуту разглядывал местность вокруг блокпоста, сначала в одну бойницу, потом во вторую.

— Пошли, все.

Крепкой трусцой они сделали пробежку до перелеска, негусто стоявшего в ста метрах от блокпоста.

— Стоп, — скомандовал Сержант.

Все присели на вялую травку.

— Машина... Машины едут, — сказал Вялый, вглядываясь в дорогу. — Со стороны базы...

Сержант сам услышал шум моторов еще раньше. Он тоже смотрел на дорогу, видя краем глаза, как Рыжий улыбается.

Радуется, наверное, что сейчас меня вздрючат за то, что оставил блокпост, подумал Сержант лениво.

— Наш! Это наш «козелок»! — растянул пигментную щеку в улыбке Вялый. — Пошли, чего мы тут...

— Сиди, — тихо откликнулся Сержант.

«Козелок» подъехал к блокпосту почти в упор, ко входу носом, и забибикал: два, три сигнала подряд.

Вялый встал в полный рост, удивленно глядя на Сержанта, и сразу же сел: из «козелка» выскочили двое бородатых в странной какой-то, яркой форме и притаились у входа в блокпост. Потом еще один выпрыгнул и, пригибаясь, подскокил к бойнице, извлекая, кажется, гранату из богатого видом, не российского «лифчика».

— Кто это? — выдохнул Вялый. — Это же чехи. На нашем «козелке». Давай их мочканем?

Самара лязгнул челюстью.

Рыжий сжимал автомат, то вцепляясь в цевье, то раскрывая руку: на черном железе оставался влажный след.

Треснула граната в помещении блокпоста: бородатый бросил. И еще одна. И третья: ее, кажется, вкатили в бойницу с другой стороны.

Следом из машины выскочили другие двое, и все они влезли в блокпост.

Их не было минуты полторы.

— Уходим, — сказал Сержант.

— Давай обстреляем? — предложил Вялый, чуть не дрожа от желанья.

— Мы не будем, понял, Вялый? Не будем! — ответил Сержант, почти рыча.

— Почему? — спросил Вялый, и ноздри его дрогнули.

— А потому что перестреливаться с блокпостом — пустое дело. Так можно стрелять целые сутки. Или ты хочешь его штурмом взять? Вшестером?

— А машину? — спросил Вялый презрительно.

— А если там наши пацаны? Хотя бы один? Связанный? Хочешь его прострелить?

Вялый двигал желваками, словно жаждал перекусить что-то, мешающее дышать, наброшенное, как узда.

Все не отрываясь смотрели на блокпост.

Из «козелка» выскочили двое бородатых в странной какой-то, яркой форме и притаились у входа в блокпост. Потом еще один выпрыгнул и, пригибаясь, подскокил к бойнице, извлекая, кажется, гранату.

Оттуда вышли бородатые, хмурые и быстрые: залезли в машину и резко рванули с места, обратно в сторону базы.

Отъехав недалеко, возле крутого поворота за холм, уводящего их из-под обстрела, дали длинную очередь по перелеску.

Самара чертыхнулся так, что едва не упал на живот, Вялый присел на колено, Сержант не шелохнулся. Пули прошли высоко — по кронам.

Догадались, что мы где-то здесь... — подумал Сержант. И сами боятся.

— Надо было их встретить на блокпосту, — сказал Вялый. — Я бы их встретил.

— Ты бы лежал там сейчас с дыркой в голове, — ответил Сержант и пошел первый меж деревьев.

Через тридцать секунд обернулся: все шли за ним. Он прибавил шагу, побежал. Слышал дыханье и топанье тяжелых мужицких ног.

Если бежать кратким путем, то они могли выйти к базе одновременно с «козелком». Его дорога была куда длиннее.

В стороне базы продолжалась стрельба, изредка прекращаясь, тогда они останавливались и дышали.

Рыжий дышал всех тяжелей: он цинк с патронами нес.

Ничего, пусть... — подумал Сержант, но на следующий переход цинк взял Самара.

Ну, пусть Самара, согласился Сержант.

Километра за два до базы пошли медленней, неспешно.

Скоро наши собственные растяжки начнутся, размышлял Сержант.

Я ведь их не видел с этой стороны... И вообще их другой взвод ставил... Сейчас потревожим свою собственную гранату, как будет хорошо...

— Давай правее брать, к дороге, — сказал минут через десять.

Вялый ткнулся ему чуть ли не в затылок: он шел так упрямо, словно взял след и оставлять скорую добычу не собирался.

— Это еще зачем? — спросил Вялый.

— Затем, — ответил Сержант.

Выстрелы раздавались совсем близко, и было от этого жутко на душе.

Сейчас, вот сейчас же появятся люди, которые захотят тебя убить, а тебе нужно будет убить их.

Бойцы озирались неустанно.

Стреляли, впрочем, больше всего с базы, подумал Сержант, присев, когда затарахтело особенно упрямо. И брали высоко.

— Сержант, ты что молчишь? — не унимался озлобленный Вялый.

— Мне кажется, что стреляют только с нашей стороны, — сказал Сержант.

Вялый прислушался.

— И чего? — спросил.

— А то, что они больше распугивают, чем перестреливаются. Может, там, в лесу, и нет чехов. И чем больше мы будем лезть к базе... — сержант набрал воздуха, куда-то все время пропадающего, — тем больше у нас шансов... чтобы нас свои застрелили. Ты понял? И еще сейчас начнутся наши растяжки. И мы на них можем подорваться. — Он объяснял все, как ребенка.

Вялый смотрел недоверчиво.

— И чего? — еще раз спросил Вялый.

— Наблюдайте, наблюдайте, парни, — сказал Сержант оглядывающимся на них бойцам. — А то вылезут откуда... — И только после этого посмотрел на Вялого.

— Мы пойдем к дороге. У дороги нет растяжек. И оттуда можно базу хорошо рассмотреть. Если они нас первые не увидят.

Они двинулись наискосок, в сторону от базы, — туда, где шла дорога.

Перелесок кончился, началась открытая местность.

Присели, переводя дух. Вслушивались, как снова стреляли. Отсюда опять было неясно, как стреляют, кто, в какую сторону.

Рации бы сейчас... Носимся тут.. — подумал Сержант печально, покосился на Витьку, и, показалось, тот понял его взгляд, отвернулся.

Сержант достал бинокль и стал смотреть на видную уже дорогу.

«Козелок» наш, наверное, проехал недавно...

Вот если добраться до того поворота налево, понимал Сержант, нам будет видно базу. Можно, лежа на насыпи, рассмотреть все. Только если кто-то поедет по дороге... Будет глупо. Никуда не убежишь.

Вдвоем пойдем, решил Сержант. С Вялым? Кряжа бы взять, но у него гранатомет. Он отсюда границом любую машину жажнет... А Вялый сразу в штыковую бросится... Ну, не Рыжего же брать. И Витьку не возьму. А Самара еще молодой.

— Пошли, Вялый, — сказал. — Пацаны, прикроете, если что... — попросил. — Кряж, ты за старшего. Если увидишь: возле нас машина с бородами встала — стреляй сразу. Меться лучше. Твой выстрел спасет нас. Если попадешь... И все остальные пусть поддержат.

К дороге можно было бы доползти, но это уж совсем унижительным показалось.

И они побежали, сгибаясь и хватая воздух цепкими лапами.

Какая дурь, думал Сержант. Бежим, как... как дураки... Сейчас подбежим к дороге, и нам навстречу... черти эти... на машине... «Куда спешите, солдатики?» — спросят. И мы развернемся и побежим обратно...

По камням и рытвинам, чуть ноги не поломав, добрались... Перебежали через дорогу, по которой еще вчера ехали, такие свободные, спокойные, локти наружу, потные морды улыбались... Вот и след от колес, пыльный...

Скатились на задницах по насыпи. Поползли к повороту.

Ну что, база... Как ты там, база?... — думал Сержант, прислушиваясь. Сейчас глянем, а там черный флаг висит...

Что же это творится в моей стране, подумал еще мельком. Почему я ползаю по ней... а не хожу..

База, вот. Стоит углом, боком. Два смурых этажа, мешки на окнах. Ничего не видно. Никто ее, по крайней мере, не штурмует. Лестницы не стоят приставные, не лезут по ним.

Сержант долго вглядывался, прищуриваясь, глупо надеясь, что увидит чью-то руку, махнувшую из бойницы, или даже лицо — и все сразу станет ясно.

Потом взял бинокль, приник надбровными дугами.

База была непроницаема.

— Чего там? — не выдержал ожидания Вялый.

— Ничего, — ответил Сержант и передал Вялому бинокль: тот все равно не пове-рил бы, что — ничего.

Вялый смотрел долго, и Сержант начал от этого уставать: надо было возвращаться в перелесок и снова думать, как быть.

Пить охота.

Достал фляжку, глотнул.

Вялый пополз куда-то. Сержант хмуро смотрел ему вслед, не окликаая.

Насыпав себе пыли на черный берет, Вялый высунулся высоко, но смотрел уже не на базу, а куда-то в сторону.

Опять, злобная, началась стрельба — палили с другой, невидимой им стороны базы. С этой и некуда было стрелять, кроме как по дороге и по деревьям. Но от базы

до перелеска лежало метров триста пустоты и песка, и все это хорошо простреливалось.

Зато с оборотной стороны базы были холмы и еще какие-то брошенные постройки, вроде конюшен или коровника. Там было где укрыться бородастым.

— Я «козелок» вижу, — сказал Вялый, вернувшись: рожа грязная, но сухая, не потная — Сержант подивился на это.

— Где?

— За постройками торчит. Они объездной дорогой туда подъехали, видно. Мимо базы. Здесь не проезжали. Чтоб не обстреляли их наши.

С одной стороны, «козелок» нам нужен: там рация, размышлял Сержант. С другой — у бородастых уже есть рации наши... И волну они знают. Они ведь разоружили пацанов, что ехали нам на смену... Или убили уже... Не будем об этом, не надо. Никого не убили. Все живы... О чем я?

— Вялый, зачем нам этот «козелок»? — спросил Сержант вслух, чтоб не думать.

— Да тебе вообще ничего не надо, — ответил Вялый, слизывая белую пыль с губ.

— Мне не надо. Надо тебе. Вот я советуюсь: зачем?

— Там рация.

— Я уже подумал. Чехи на ней уже сидят наверняка, на нашей волне. Что мы скажем в эту рацию: привет, братки, мы в лесу? Возьмите нас, кто-нибудь!

— Лучше здесь, в пыли, сидеть? — спросил Вялый. — Без жратвы?

Сержант молчал недолго.

— В лес пойдем, — сказал. — А вечером — к постройкам. Когда стемнеет.

Сержант лежал на траве.

Все тело томилось и ныло от неизбежного ощущения, что в этом лесу водятся другие человеческие звери и они могут прийти сюда.

Но прятаться было негде.

И думать не о чем.

Потому что любая мысль приводила к тому, что сегодня могут убить...

Как все-таки это... глупо. Оказалось, что только так все и выглядит — глупо, когда подступило к самой глотке.

Сержант вспомнил, как он позвонил матери, приехав сюда. Мать даже не знала, что он здесь: он ей не сказал, уезжая, — обманул. И тут услышал ее голос в трубке.

— Я убью тебя, сынок, что ж ты делаешь! — сказала мать.

Сержант даже улыбнулся тогда: настолько нелепо, настолько беззлобно и оттого еще более жалостно прозвучали эти слова ее.

Мать и сама испугалась своего «убью» — такого привычного дома, произносимого часто в сердцах, когда в детстве Сержант ломал что-то, бедокурил как-то. А теперь это слово приобрело иной смысл, жуткий для матери.

«Не убью, не убий, не убейте!» — такое ей хотелось, наверное, прокричать в трубку.

Но не было тогда для крика причин: на второй день после приезда отряда у них была первая и последняя нормальная перестрелка с той стороной. Какие-то твари опустошили несколько рожков по блокпосту и уползли в свои норы.

И все... До сегодняшнего дня ничего серьезного не случилось, мать.

Думаешь все-таки о матери, поймал себя Сержант.

Не думаю, не думаю, не помню никого, самых близких и самых родных: не помню, отмахнулся от себя же, понимая, что если помянет другую свою, разлитую в мир кровь по двум розовым, маленьким, пацанячьим, цыплячьим телам, то сразу сойдет с ума.

Хочу не помнить, хочу не страдать, хочу есть камни, крутить в жгуты глупые нервы и чтоб не снилось ничего. Чтобы снились камни, звери, первобытное...

На второй день после приезда отряда у них была первая и последняя нормальная перестрелка с той стороной. Какие-то твари опустошили несколько рожков по блокпосту и уползли в свои норы.

Откуда-то выплыло, призываемое всем существом, мрачное лицо, оно было строго, ясно и чуждо всему, что кровоточило внутри. Сержант чувствовал своей лобной костью этот нечеловеческий, крепящий душу взгляд...

До Христа — то, что было до Христа: вот что нужно. Когда не было жалости и страха. И любви не было. И не было унижения...

Сержант искал, на что опереться, и не мог: все было слабым, все было полно душой, теплом и такой нежностью, что невыносима для бытия.

Откуда-то выплыло, призываемое всем существом, мрачное лицо, оно было строго, ясно и чуждо всему, что кровоточило внутри. Сержант чувствовал своей лобной костью этот нечеловеческий, крепящий душу взгляд...

Он вздрогнул и понял, что заснул на секунду. Быть может, даже меньше, чем на секунду. И был у него сон.

Присел, всмотрелся в полутемь.

— Ты чего увидел? — спросил Самара.

— Сталина, — ответил Сержант хрипло, думая о своем.

— Сержант! — окликнул Самара.

— А.

— Ты что?

— Все нормально. Собирай посты. Пошли охотиться.

Они шли в темноте почти не таясь.

Сержант ничего никому не сказал. Чтоб не уговаривать. Да и вообще не хотел говорить больше.

Это чужая земля, повторял Сержант как в бреду. Чужая земля. Почему она так просит меня?

Я же был легок... Мне же было легко... Я умел жить легче снега... Чем так придавило меня?

Земля раскалывается. Сумасшедший и растоптанный Восток. И призраки, и мерцающий прах Запада. И магма, которая все поглотит.

...И не за что держаться...

— Ты куда ведешь нас? — спросил Рыжий.

Сержант молчал, никак не понимая, что значат эти слова.

— Я веду вас, — ответил он с трудом.

— Я не понял, Сержант, — окликнул Рыжий грубо. — Я тебе не верю, Сержант. Куда ты?

Я ведь тоже люблю Родину, думал Сержант, глядя в темноту и спотыкаясь. Я страшно люблю свою землю. Я жутко и безнравственно ее люблю, ничего... не жалея... Унижаясь и унижая... Но то, что расплзается у меня под ногами, — это разве моя земля? Родина моя? Куда дели ее, вы...

Сержант достал фляжку, выпил последний глоток воды.

— Сержант, ты что молчишь? — спросил Самара, голос его дрожал.

И Витька сопел близко, заглядывая Сержанту в лицо.

Только Кряж стоял поодаль уверенный и твердый.

— Да что вы ссыте, все нормально, — ответил Вялый.

— Все нормально, — повторил Сержант громко.

— Ты помнишь, куда идти? — спросил его Вялый.

— Да.

Он помнил и вывел, сквозь темноту, своих прямо к постройкам: метрах в ста от них бойцы присели на корточки.

База иногда постреливала. Редкие трассеры взрезали тьму и втыкались в крыши и стены построек.

Откуда-то близко ответила автоматная очередь, бойцам показалось, что стреляли по ним, все разом упали, в песок руками, животами, лицами... но стреляли в другую сторону.

— Там стоит «козелок», — сказал своим Сержант. — Сейчас мы его заберем.

— Зачем? — спросил Рыжий.

— Домой поедем, — ответил Сержант. — Я отвезу тебя домой, Рыжий, — повторил Сержант зло.

Они поползли, иногда останавливаясь и прислушиваясь.

Сержант слизнул с камня соленое и перебирал на языке и зубах хрусткие песчинки.

В голове его не было ни единой мысли.

— ...Там ключа нет... если... ключа? — донеслось до него: Вялый шептал.

— Я заведу, — ответил Сержант. — Крышку.. сниму.. проводки... Я умею...

Метрах в двадцати залегли и лежали несколько минут, не шевелясь.

Кто-то засмеялся внутри постройк.

И опять тихо.

— Кряж, — позвал Сержант. — Все сядут в салон, а ты — назад, в кандейку.

Кандейкой называли отделение позади сидений «козелка».

— Когда тронусь, влепи из граника... по ним.

Кряж кивнул.

— Ждите, — сказал Сержант всем и пополз.

Медленно, медленнее растущего цветка, он проползал последние метры до машины. Лег у колеса, глядя шину, словно железный «козелок» был животным, которое могло напугаться.

Сержант привстал и, согнувшись, стараясь ступать тихо, обошел машину.

Поискал ручку.. вот она, ледяная... Поднял голову и посмотрел в окно, ожидая увидеть с той стороны прижавшиеся к стеклу сумасшедшие глаза. Никого не было, ничьих глаз.

Опустил ручку вниз и потянул дверь на себя.

Просунул голову в салон и скорей принялся, чем пригляделся. Живым, спящим человеком там не пахло.

Пахло ушедшими чужими людьми, грязью, потом, порохом.

Сержант закинул ногу и потом перенес все тело в салон. Раскинулся на сиденье и даже закрыл глаза на секунду.

Не думай, попросил себя.

Провел подслеповатой в темной машине рукой и дрогнул: вроде ключ.

Нагнулся: да, ключ. В замке зажигания. Не забрали.

А на фиг им забирать ключ, кто тут украдет машину..

И рация... Где рация? Вот рация.

В постройках снова захохотали: нелепым, дурным хохотом.

Сержант прислушался и вдруг подумал быстро: да они обдолбанные... Так смеются обдолбанные... Первым делом, наверное, аптеку в селе разобрали...

Ему было легко, легко и ясно, и все улеглось на свои места.

Он трогал руль, рычаг скоростей, педали, принаравливая себя к машине, чтоб ничего не спутать.

И базу не штурмуют, думал он, не торопя себя. Блокировали. Своих ждут, надо понимать. Подкрепления. Зато наши, наверное, все целы. Не было ведь штурма. Хорошо. Будьте живы, мужики. Скоро прилетят самолеты. И будет чертям... будет им...

Сержант перегнулся через сиденье и открыл дверь справа.

— Вялый! — позвал негромко.

Вялый влез в машину спокойно, как будто воровал ее из гаража отца, а не...

— Не хлопайте дверями, — попросил остальных, когда Витька, Рыжий и Самара влезали на заднее сиденье.

- Разворачиваться надо, — сказал Вялый. — Сможешь?
- Кряж на месте? — вместо ответа спросил Сержант.
- Да, — выдохнул Вялый, обернувшись.
- Поехали, — сказал Сержант, повернул ключ, включил свет.

В слепящих снопах дальних фар в тридцати метрах стояло, шатаясь, бородатое, с автоматом на плече, мочилось на стену постройки. Его как будто качнуло от света. Он повернул голову, нисколько не удивляясь.

Долю секунды все смотрели на него из машины. Сержант уже заводил мотор.

— Э, кто там свет врубил? Озверели? — заорали в постройке дурным каким-то голосом, с акцентом, но по-русски.

Мотор завелся со второго раза.

— За Родину, — сказал Сержант и включил первую. — За Сталина.

На второй, выдавив газ до предела, они вознесли на капот человека с автоматом, не успевшего ничего понять.

Сержант тут же врубил заднюю передачу, скатывая с капота вялое тело, и вылетел на площадку перед этим скотным двором. Бешено вращая руль, развернулся и помчал, сначала не видя дороги, — подпрыгивая, рискуя ежесекундно заглохнуть, встать, — и потом, неожиданно, по наитию, выехав на нее.

Четвертая... Идем влет, и рычим, и рыдаем.

Жахнуло жарко прямо в машине и сразу же взметнулось и полыхнуло в зеркале заднего вида.

— Молодец, Кряж! — заорал Сержант, догадавшийся, что Кряж сделал выстрел из гранатомета. — Кряжина, круши!

Вялый, развернувшись и упираясь в сиденье ногами, стрелял из автомата, высунув его в окно и не снимая палец со спускового крючка.

— Вялый, сука! — взвыл Сержант. — Вызывай наших!

— База! База! — заорал Вялый, развернувшись и схватив рацию. — База, это мы! Это Сержант!

Они мчали и не слышали выстрелов позади.

— База, бога, душу! — орал Вялый.

— На приеме? — раздалось далекое и вопросительное.

— Это мы! На «козелке»! Не стреляйте! Как поняли? База, душу вашу! Не стреляйте!

— Принято, — откликнулись недоверчиво.

Они подлетели к зданию и высыпались все разом, в одно мгновение.

Сержант с болью оторвал руки от руля: это далось невероятным усилием.

Им открыли тяжелую дверь: Сержант видел в свете фар, как находящиеся внутри здания раскидывали тяжелые мешки, освобождая вход.

Первым забежал Рыжий, потом Самара, потом Витька.

Занес свое тело Кряж.

Вялый менял рожки и стрелял от пояса в темноту.

— Давай, Вялый, давай домой! — попросил его Сержант.

Скривившись, тот прыгнул в темноту здания, и Сержант шагнул следом.

Его подбросило тяжело и медленно, разрывая где-то в воздухе. Но потом он неожиданно легко встал на ноги и сделал несколько очень мягких, почти невесомых шагов, выходя из поля обстрела. Где-то тут его должны были ждать свои, но отчего-то никого из них Сержант не видел, зато чувствовал всем существом хорошую, почти сладостную полутьму.

— Черт, как же это я... как это меня? — удивился Сержант своему везению и обернулся.

Черная, дурная гарь рассеивалась, исходила, исчезала, и он увидел нелепо разбросавшего руки и ноги человека с запрокинутой головой; один глаз был черен, а другой закрыт.

Это было его собственное тело.

Бешено вращая руль, развернулся и помчал, сначала не видя дороги, — подпрыгивая, рискуя ежесекундно заглохнуть, встать, — и потом, неожиданно, по наитию, выехав на нее.

В городе проходит множество литературных конкурсов самого разного уровня – от внутришкольных до вручения Пушкинской премии. Их участники и победители, возможно, и не станут профессиональными поэтами, но в их произведениях немало ярких и запоминающихся строк, с которыми «БЛ» будет знакомить своих читателей.

Университетские дебютанты

В апреле в стенах Алтайского государственного университета завершился ежегодный конкурс «Поэтический дебют». Вот уже много лет его курирует И.Н. Журавлева. По ее оценке, да и по оценке жюри (куда, помимо членов писательских союзов традиционно входят и студенты-победители «Дебюта» прошлых лет), в нынешнем году уровень организации конкурса был выше, чем обычно. Свои подборки на суд жюри подали 48 студентов. Многие из них были отмечены дипломами, но безусловным фаворитом конкурса стала студентка второго курса исторического факультета АлтГУ Елизавета Григорьева.

Елизавета Григорьева

Исповедь

Солёные капли на сети
 лазурных прожилок,
 И маковых штор беспокойную
 алую гладь,
 И ветер, что дышит усталым
 проходим в затылок,
 Пророчила утром чернильная
 галочья рать.

 Мне стыдно закапывать
 в рифмы свой бред полуночный.
 Так много всего, слишком много,
 а суть — пустотела...
 Бессонница. Дым.
 И слезятся случайные очи.
 Изломы и волны на парусе
 простыни белой
 Черчу, точно зная исток
 золотистого взгляда,
 На стеклах читая грядущую
 свежесть зари.

 Когда разорвутся над нашею
 крышей снаряды,
 Надеюсь, не будет так
 сильно болеть изнутри...

Из цикла «Змеиное лето»

1.
 Обернулось ненастье иволгой,
 Так и плачет, тревожа эхо.
 Вечер алую плесень выплакал,
 Расплескался пахучим мехом.
 — Я под вечер в воде колодезной
 Утопила змею холодную.
 На груди, что сестрицу сводную
 Согривала. И стало боязно.
 Верить?..
 — Верю, пойдем, родная.
 Осень выпряли птичьи стаи.
 — Стой, я слышу — она смеется!..
 — Это дождь. Глубоки колодцы...

 2.
 Я — как ты, я — тварь земная,
 Той же болью крещена.
 И стихи я не читаю,
 Это бьется и рыдает
 Непрошенная вина.
 Друг, зачем, когда спросила:
 «Сможешь ли, хороший, милый,
 Уберечь мое бессилье
 Не разбившись на бегу?»,
 Ты ответил: «Сберегу»?!

*Брат, к чему она подкралась,
Точно медленная старость,
Трижды клятая, ничья,
Подколотная змея?!*

*Улыбаясь, как и прежде,
Пожимаю руку, словно
Нет укушенной руки.*

*Сбереги слепое слово,
Сбереги мои основы,
Сбереги мою надежду,
Сбереги...*

3.
*Глазки мамины, платье в клеточку.
Ловишь взгляд — и бегом из комнаты.
Как ты носишь под сердцем, девочка,
Эти головы, эти омуты?..*

*Я к тебе же, к тебе припаяна,
К каждой родинке, к каждой песенке.
Я любила тебя отчаянно,
И веревки твои, и крестики!..*

*Ни черта тут, поверь, хорошего,
Говорила тебе ведь маменька.
И вали-ка в свое ты прошлое,
Там сиди в золоченой спальне.*

*Чтобы здесь я могла спокойно
Слушать Beatles и кушать борщик,
Чтобы не было сердцу больно,
Чтоб смотреть на людей не морщась.*

*А тебе мне хотелось верить,
Исчезать, если очень надо.
Нынче вымерзла четверть сада.
А какие еще потери?..*

*Я — замерзшая в луже палка.
Сохранюсь до весны в морозы,
Не меняя ни цвет, ни позу.
На черта мне твои гадалки?*

*И занятья мои нелепы:
Отливаю под сердцем выстрел,*

*И, какой бы в том ни был смысл,
Пропиваю больное небо.*

Константин Гришин

Красноармейский проспект.

Мы, торопясь,

Пересекаем рельсы.

Всегда бесила

Перспектива упасть.

Безобидно бранясь,

Закуриваешь сигарету,

зная, как ты красива.

Глядя на жилмассив, ищешь одно окно,

Где за шторой хозяин,

любитель плова,

Будет нас развлекать

черно-белым кино,

Думая, что любовь невыразима словом.

*Умеющий различать женские голоса
способен на многое. Чай и колбаса
его не интересуют.*

В толкотне, на вокзале

ему гораздо милее булочки и самса.

Я знаю, как ты скучаешь.

Иногда чудеса

на Гвардейской возможны,

но будут в тягость.

«Сядь спиной», «Отвернись»

или «Закрой глаза».

Подчиняюсь тебе,

потому что я гость.

Анна Негреева

Ты знаешь, это всё-таки октябрь,

И осень рвется между сосен в переулоч.

Пальто не снять, не распахнуть окно,

И цвет волос несёт вчерашний сумрак.

Твои глаза зеленого стекла

следят за текстом, ищут безразличий
в пронзительности неба. Застывает
вздых,
во взгляде-ретро замирает память —
осенним октябрём. Но не всегда.
И что-то, знаешь, все-таки теряет.

Сонечка

Я держу тебя — в ладонях,
в криках осени печальной —
эти руки, эти косы —
на секунду — нескончаемо.

Это небо, это платье —
кресло — шорох шелка — голос,
заключенная в объятия —
черный, заплетенный волос.

Этот холод — и — прощание,
безрассудность стрел из лета,
я люблю тебя — случайной —
до конца сердец и — века.

Белоснежной фигуркой
из волшебного сна,
Ароматом зашедшим —
через вечность — весна,
Через улицы — город,
через день — полушаг,
И прошедший не холод,
но забытый не мрак,
Но не враг и не морок,
не шаги, не туман,
Безразличие, помнишь, —
только обман.

Анастасия Кретинина

Прошлогодний мороз по коже.
Сгусток крови по тонкому льду.
Посмотри... Облака похожи
На несбывшуюся мечту.
Облака... по пустому туннелю,
По изгибам заплаканных стен...
Проплывают над колыбелью,
Чуть касаются чьих-то колен.

По закатному снегу, по свету,
По пути, перемкнувшему круг...
В дымном шорохе сигареты
Кисти тонких, волнующих рук.
Темный блеск по тропе сухожилий.
Тленный шепот по потолку.
Посмотри... Облака пережили...
И я тоже... Я тоже смогу.

Плывущие к весне

Перебитые пальцы тяжелого сна
Бесконечно порхающим снегом легли.
Бьёт до боли в глаза вся его белизна.
Серый пепел над крышей.

Туннель. Корабли.

Сотни тихих шагов

под усталой луной.

Шаг — и миг, шаг — и день.

Пустота. Интервал.

Мир, опутанный сизой ночной пеленой.

Помнишь старый причал,

что тогда пустовал?

Перекрытая ночь.

Путь короче, чем шаг.

Полумесяц, упавший

в податливый снег,

Заберется в мой дом,

на замшелый чердак.

Силуэт в темноте. Тротуар. Человек.

Одиноко тряслись две уставших руки.

Паруса по замерзшему ветру легли.

Но всегда будут путь

освещать маяки.

Не забыто. Ничто.

Талый лед. Корабли.

В этой рубрике редакция «БЛ» будет публиковать работы ученых нашего города — филологов, философов, социологов. Словом, тех, кто составляет цвет барнаульской гуманитарной интеллигенции.

Открывает рубрику статья профессора педагогической академии В.В. Дубровской, посвященная одному из аспектов творческого мира известного поэта Владимира Башунова, ушедшего от нас ровно пять лет назад.

«Отцовский текст» поэзии Владимира Башунова

Виктория Дубровская

Отец, как поясняет В.И. Даль, «тот, кто имеет детей». Строение «отцовского текста» определяет «детская» тема, представленная в поэзии В. Башунова достаточно сильно и многообразно. Следует указать на стихотворения со знаковыми заглавиями - своего рода четыре столпа в организации «детской» темы: «Детские места», «Детская ра-

дость», «Детский вопрос», «Детское желание». И, наконец, особое положение в контексте «отцовских мотивов» занимает единственная книга поэта, созданная в 1977 году специально для детей - «Деревенская тетрадка».

«Деревенская тетрадка» занимает особое место среди книг поэта: может быть, это тот цикл стихотворений, в котором выразились самые глубокие мысли В. Башунова, не смущенные необходимостью участвовать в текущих событиях, переживаниях.

Деревня — это идиллическое пространство, оправленное в рамки традиционного уклада жизни. Оно может называться Простоквашино или еще как-нибудь. Главное достоинство этого идиллического мира — заполнение всех ролевых ниш — бабушка, дедушка, отец, мать. В истории, рассказанной Э. Успенским, - при отсутствии бабушки и дедушки эту нишу занимают Матроскин и Шарик: один стряпает и делает простую домашнюю работу, другой — охотится; в центре общего внимания — мальчик.

В «Деревенской тетрадке» В. Башуновым организуется локус детства. Разумеется, здесь упомянуты дедушка и бабушка, папа и мама, дети их и приятели детей.

«Деревенская тетрадка» - это текст, записанный в тетрадке, — как дневник, созданный поэтом в пору собственного детства; это записки, созданные им се-

годня для детей. «Детский текст» - это одновременно и родительский, «отцовский текст», который моделирует замкнутый домашний мир, где дитя — причина состояния мира. Так, в нем тихо, потому что спит ребенок:

*И папа ходит шепотом,
И пол не заскрипит,
И мама ходит шепотом,
Когда Наташа спит.*

В этом доме обязательно присутствует сверчок, хранитель домашнего очага, чье имя одного корня со «свирелью», известным атрибутом поэтического творчества. Весь смысл мироустройства в том:

*Чтоб отдохнувшая Наташа
Вставала поутру легко,
Съедала суп,
Съедала кашу
И выпивала молоко!*

В целом это «родительский текст», цель которого — заставить ребенка съесть предложенную ему, несомненно вкусную и здоровую пищу. Кроме супа, каши и молока никаких продуктов питания в «Деревенской тетрадке» не упомянуто. Присутствуют ягоды, но их никогда не едят, только собирают.

Следующий аспект «отцовского текста» - заговор от болезни, развлечение больного ребенка. Стихотворение «Сороки-вороны» отсылает к известному бытовому заговору «У сороки заболи», он представлен как магический, где сорочий разговор о болезни:

- Ур-ребенка нынче жар!
- У него несчастный вид.
- Скарр-латина!
- Корррь!
- Катарррр!
- Нужен срочно стрриптоцид!

- все страшные диагнозы переводит в область досужей сорочьей болтовни и лишает его сколько-нибудь реальной осно-

вы. Таким образом, болезнь отводится, обманывается, как и родительская тревога.

Одна из функций «отцовского текста» дать возможность ребенку ориентироваться в окружающем мире. Здесь у В. Башунова на первом месте, если можно так выразиться, правила поведения в лесу, среди живой природы. Недаром один из «детских» (фундаментальных) вопросов: «Вернутся ли к нам деревья?». «Детские места» у В. Башунова — это лес, и, может быть, самым драматичным для поэта оказалась его неизбежная утрата: «привыкну / к извечным нашим местам». Это утраченное детство и каким-то очень жестоким, ненадлежащим образом, хотя, судя по всему, неизбежным.

В «Деревенской тетрадке» - детство неотделимо от леса и все требует к себе осторожного и уважительного отношения. Стихотворение «Лесные сторожа» о том, как следует вести себя в лесу, чтобы не вызвать гнева лесных сторожей:

*Тонкую ветку зря не крути —
 пусть она вьется.
Синюю речку зря не мутит —
 пусть она льется.*

*Даже невольню
Сделаешь больно —
Словно живой
По-над травой
Слышится вздох:
— Ох!*

Наказание за неправильное поведение в лесу, не в отцовской руке, а в лесу:

*Снизу мох укажет твой след.
Сверху коршун закроет свет.
Снизу колючка в пятку войдет.
Сверху гром на тебя упадет.
— Ух!*

Заметим, что ни коршун, ни колючка, ни гром не могут нанести настоящего вреда, этот текст — отцовская страшилка, гораздо более мягкая, чем фольклорные предшественники, где «волчок укусит за бочок».

Лес в «Деревенской тетрадке» населен сказочными существами, и одно из самых коварных — Лесная Дрема. Женская ипостась неурочного сна, Дрема может захватить детей на время («погости у меня») в обмен на дары леса:

*Земляники вам нарву,
Принесу в ладошке белой
крупной-крупной,
Спелой-спелой
С чуть запекшимся бочком...*

Появление Дремы заставляет упомянуть мать: в материнских колыбельных был создан этот персонаж, поэтому мать и вызывается как хозяйка этого текста:

*Снят Наташа с Игорьком.
Дрема кружит и поет.
Как же мама их найдет?*

Лес в стихотворении «Лесное эхо» представляется наиболее интересным, так как это стихотворение, где «Я» поэта включено в состав персонажей стихотворения — детей:

*Заиграемся в лесу,
Разбредемся в соснах.*

В этом стихотворении упомянут еще один мифический обитатель леса — Эхо, но в отличие от Дремы, имеющие фольклорные истоки, у этого персонажа истоки — пушкинские, имеется в виду стихотворение, где рифма называется дочерью нимфы Эхо. В стихотворении В. Башунова главное приключение в лесу — это производство рифмы.

*- Где же Вика?
...ежевика!..
- Где Марина?
...где малина!..*

«Лес — это метафора художественного текста; не только сказки, но и любого художественного текста», — пишет У. Эко. Это одно из самых надежных объ-

яснений, почему для В. Башунова лес — главное событие жизни, это то место, где поэт находит его поэзия, где «свободней помыслы и речь», где, наконец, решаются вопросы творчества:

*Здесь ничего б не помешало
Присесть к пеньку и начертать:
«Уж небо осенью дышало»...
Когда бы знать, как продолжать!*

Лес Башунов населяет рифмованными, порожденными Эхо, двойниками детей: Вика — ежевика; Марина — малина; Ларисы — лисы; Севы — совы.

Семья разрастается: в нее включаются и плоды поэтического творчества, источник которого в лесу-тексте, манифестируется как тайна:

*- Чур ни слова обо мне!
...не...не!..
Никому и никогда!
...да...да!..*

Игра в прятки в лесу — метафора присутствия автора в тексте, который в данном случае толкуется как надежное прибежище, где Эхо не выдаст единственного участника игры — инициатора текста.

Как часть «отцовского текста» лес известным образом, если можно так сказать, устроен для детей.

Так, дети собирают в нем ягоду и никогда — грибы. Вне адресованных детям стихи В. Башунова нередко содержат упоминание о грибах всевозможного толка: поиск грибов, приготовление, поедание («И сдвинутый горделиво венец молодого груздя», «Грибной год», «Итак, наготовили на зиму варенья», «Похвала деревенской картошке», «Тихий ангел», «Сюжет с отклонением, или Как собирать грибы»).

Сон о детстве связан с ягодой и мамой: «И снится мне, что я в бору: я с мамой ягоду беру». Ягоду — берут, а грибы — ищут, это охота, хотя и «смирная», по выражению Аксакова. Охотничьей добыче нет места в лесах, посещаемых детьми. Взрослые ловят тайменя, но рыба от них уходит («Таймень»):

*А потом у костра
Сеть поразбросали
И сияла в ней дыра,
Как на сеновале.*

Переключаясь с «Царь-рыбой» и «Моби Диком», история, рассказанная В. Башуновым, начисто лишена драматизма, зато поучительна и органически входит в состав неизбежных воспитательных забот «отцовского текста».

Ягоды и грибы, будучи неизменными атрибутами деревенского леса, настолько различаются по своей символике, основанной на мифопоэтической традиции, что одно только сопоставление некоторых знаний делает понятным, почему «отцовский текст» устраняет из лесов, доступных детям, упоминание о грибах. Так М.Н. Маковский пишет, что гриб «имеет фаллическое значение <...>, а также символизирует плодородие, долголетие, обилие, силу, пищу. Кроме того, гриб символизирует небо, гром, молнию, ураган. Согласно некоторым поверьям, вши, черви, мухи, лягушки, змеи могут принимать обличье грибов». В народных представлениях грибы часто соотносятся с нечистыми животными и растениями. Тема грибов бывает окружена атмосферой табуирования, зачастую относимая только к детям. Интерес к грибам мог квалифицироваться «как проявление испорченности и бесстыдства».

Ягода же — «божественный символ Вселенной, источник божественной мудрости и вечной молодости <...>, источник света и сверхъестественной энергии, символ Луны». Этимологически ягода — «то, что выросло (на месте цветка), плод». Ягодой у В. Башунова называется земляника, даже внешне похожая на фонарик. Присутствие ягоды в лесу приумножает свет и дух («дух дикой ягоды»). Ягоды являются метафорой детей в стихотворении «Калина». В этюде «По ягоду, по землянику», написанном почти двадцать лет спустя после «Дремы лесной», цитируется строчка о ягоде: «с чуть запекшимся бочком». Повторяется женская ладошка с ягодой, только у Дремы — белая, а у мамы — маленькая. В «Лесной Дреме» спят дети: «Как же мама их найдет?», в этюде рождается противоположное семантическое течение:

*«Где же ты теперь заблудилась, мама
моя?»*

Ау, откликнись...

Нет, не откликается.

Разбился нежный сосуд, рассыпалась, раскатилась по траве земляника, не собрать ее обратно».

Ягода у В. Башунова связана с материнским даром жизни, сосуд, который она наполняет собою, непременно стеклянная банка — хрупкая и прозрачная.

«Помню, некоторые пускались на всякие хитрые уловки. К примеру, если посуда была не стеклянной, наполняли ее травой, а сверху насыпали землянику, да с горкой еще». В «Деревенской тетрадке» дети, отправляясь в лес, берут посуду: туюсок и банку, прозрачный сосуд, исключаяющий всякое лукавство.

Рассматривая «Деревенскую тетрадку», мы не коснулись олицетворения природных стихий («Свет», «Дождик»), некоторых других стихов. Нами прокомментированы не все стихотворения, а только те, что на данном этапе наиболее внятно (очевидно) свидетельствуют о наличии «Отцовского текста».

Стихотворение «Утренник», основанное на полисемантической игре: утренник — утренний надой молока (утрешник), а также первый утренний мороз и детский праздник.

Эти три точки не что иное, как природа, родина, семья, в кругу которых идут часы жизни поэта. Подобные фундаментальные схождения картины мира или концентрации бытия в стихах для детей и творчестве в целом позволяют предположить, что «отцовский текст» не локализовался в пределах детской книги, а составляет существенное качество поэтической системы Владимира Башунова в целом.

Барнаульская плеяда

Забывтый полк.

Страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии.

Составители: А.А. Краснощеков, В.А. Сумоносов. – Барнаул, 2009. - 318 с.

Что значит - сохранить славу погибшей, проигравшей армии? Воинского дела, которое больше семидесяти лет было забыто и буквально проклято официальной историей страны? Восстановить по крупицам воспоминания солдат и офицеров, рассеянных по миру, но не забывших своей прежней жизни, и своего служения...

Память о Белой армии всегда имеет в сознании современного человека налет романтической грусти. Эта проигравшая сторона предстает в трагическом свете, с ней связано сожаление о каком-то другом, несостоявшемся настоящем, о стороне этой мы не знаем пошлых и страшных вещей, которые мы уже привыкли находить в историческом портрете большевизма, словом, главное достоинство памяти о Белом движении – это ее эфемерность.

3-й стрелковый полк – в буквальном смысле «забытый» - штабом армии и флота, союзниками, - пробившийся через множество сражений, предательство, голод и сибирский мороз. Впереди бойцов ждала иммиграция, репрессии, и - забвение.

Книга «Забывтый полк» представляет собой собрание материалов, воспоминаний, писем, выдержек из документов, относящихся к истории Белого движения на Алтае. На страницах освещены события, связанные с боевой славой 3-го Барнаульского полка. Большое внимание уделено личностям офицеров, боевым подвигам солдат и командиров, и все это представлено с некоторой даже лирикой (здесь особенно стоит отметить воспоминания добровольца Матвеева, где описания сражений сопровождаются поэтической рефлексией на тему природы, - здесь и затишье июльского дня, и бушующий Байкал).

Материалы выстроены таким образом, чтобы можно было проследить историю 3-го Барнаульского Сибирского полка от начала и до конца, до самого исхода.

Здесь собраны приказы, донесения, письма – но в таком сочетании нет противоречий, история полка выглядит объемно, живо, сухие документальные факты как бы оттеняют жизненность солдатских и офицерских мемуаров.

Об объективности источников говорить трудно. Здесь красные — непременно «работители, соблазненные народ», а в «Белом деле» видится единственное спасение России.

И все, вроде бы, верно, все, вроде бы, хорошо: белая армия стоит на идеалах воинского братства, любви к боевому командиру. Народ тянется за белыми, как за освободителями, крестьяне благословляют их, крестьянки плачут от полноты чувств, мещанки осыпают их цветами. Красные же в страхе теснят друг друга, давят, топят и бегут, бегут позорно. Белое движение торжествует, как и положено по исторической справедливости. Иногда, читая материалы, можно даже закрыть глаза и представить себе, что так продолжалось и дальше, что вся история пошла по другому пути, и за окном совсем другой, непохожий мир.

Но наступает сначала перелом, затем отступление, а следом исход Белой армии из Сибири. Последние немногочисленные гарнизоны истаивают в осажденных городах, и 3-й Барнаульский полк отправляется в Сибирский «Ледяной» поход, описанный полковником Камаблиным как настоящая катастрофа.

В труде «Забывтый полк» не ставится вопрос — как же случилось, что Белая армия, чей путь состоял, казалось, из одних только побед, окончила свое существование таким чудовищным образом — погрязнув в малодушии, мародерстве и панике, когда офицеры расстреливали свои семьи и убивали себя, когда полковники и генералы вместе с войсками предавались врагу. Там лишь излагаются исторические события с точки зрения проигравшей армии.

Чем ценен это труд? Во-первых, он открывает широкому кругу читателей удивительные страницы истории Барнаула и Алтайского края, это бесценный краеведческий материал. Во-вторых, он позволяет взглянуть на историю гражданской войны с новой точки зрения — глазами солдат и офицеров одного воинского подразделения. В-третьих, он напоминает о бытовавших некогда воинских идеалах. Все-таки трудно представить, что современный солдат может просто из любви и восхищения перед своим командиром посвятить ему стихи.

Среди недостатков можно выделить плохую редактуру — кое-где в тексте остались огрехи от сканирования, часты опечатки, пропуски букв и целых слов, но общего впечатления от прочтения книги эти мелочи не портят. Книгу «Забывтый полк» (она заслуженно стала лауреатом фестиваля «Издано на Алтае») можно рекомендовать всем, кто интересуется историей как, собственно, Белого движения, так и Алтайского края. Материалы изложены доступно и интересно, так что книгу вполне можно читать, что называется, для общего развития.

Голоса Сибири: литературный альманах. Выпуск 10. — Кемерово, 2010. — 1376 с.

Количество страниц — не опечатка. Их именно что почти полторы тысячи! В сочетании с твердой обложкой этот коричневатый том выглядит крайне внушительно. Вячеслав Тогулев вот уже который год собирает писателей-сибиряков (и не только их) в своем альманахе. Дошла очередь и до барнаульцев, широко представленных в десятом выпуске — почему, собственно, он и попал в наш обзор.

Редактор красноярского журнала «День и ночь» Марина Савиных в этом же номере «Голосов», рассуждая о современной сибирской литературе, сказала, что «у нас есть... блестящая молодая плеяда, сгруппировавшаяся вокруг барнаульского писателя Михаила Гундарина» (стр. 606). Как раз их произведение, равно как и самого Гундарина, составили основу барнаульской части выпуска. Из прозы сюда попали четыре рассказа (М. Гундарина, Е. Гешелиной, Е. Ожич и В. Токмакова). Из стихов — вещи тех же авторов, плюс Е. Банникова, А. Вайс, Е. Вихревой, Ф. Габдрауповой, П. Госсена, А. Корчуганова, Д. Латышева, А. Леонтьевой, А. Малыгиной, Д. Мухачева, Н. Николенковой... Всего на сто с лишним страниц!

Думаем, нет смысла спорить — представляют ли эти имена всю барнаульскую литературу. К счастью, в городе немало и других талантов, а выбор из их числа — дело

любой редколлегии. Вполне сопоставима столь же объемная мини-антология с совершенно другими авторами нашего города — и это просто отлично.

В современном стиле стихи молодых авторов насыщены яркими деталями их быта и среды обитания. Поэтому в них мы найдем немало строк, посвященных Барнаулу.

Среди них — и ироничные картинки:

*Здесь — дым из труб. Сей микрокосм уснул.
Окраина. Заводы. Барнаул (Д. Мухачев)*

И зарисовки с натуры (думается, все же преображаемой автором, по крайней мере, увиденной совсем иначе, чем смотрят большинство людей):

*Иду пешком — нет денег на автобус...
В кармане стойкий запах табака.
А сверху — бледно смотрят облака
На город, разрисованный как глобус. (А. Малыгина)*

И лирика:

*Город за ночь осыпан таким серебром,
Что наутро покажется сказкою быль. (Е. Банников)*

Тираж у альманаха невелик, каждый из упомянутых в сборнике барнаульцев получил свой авторский экземпляр, есть книга и в библиотеках. Кроме того, существует интернет-сайт альманаха «Голоса Сибири», где новый выпуск должен быть выложен в открытом доступе в ближайшее время.

Елена Гешелина. Антисобытие. — Барнаул, 2010. — 56 с.

Эта стихотворная брошюра выглядит совсем немудрено: ровно так же, как и десятки аналогичных, выпускаемых местными творцами в маленьких городских типографиях за свой, за спонсорский ли счет. Такой шаг: найти несколько тысяч рублей и самому выставить свою работу на всеобщее обозрение — почему-то литераторами старой школы встречается едва ли не с осуждением. А ведь все эти детали — как, кем и где выпущен стихотворный сборник — на самом деле малозначительны. Важно, что автор выходит на прямой контакт с читателем, в котором ему никто не помощник. Поэтому рекомендуем начинающим поэтам решаться на такой шаг, требующий и смелости, и даже определенного безрассудства.

Как вы, наверное, догадались, рецензируемая книга Елены Гешелиной — дебютная. И, пожалуй, это один из самых ярких дебютов последнего времени. Гешелина много печатается и в нашем городе, и в Сибири, хорошо заметна среди своих поэтических сверстников-барнаульцев. Поэтому выход книги стал событием вполне закономерным.

Наиболее интересны опыты Елены в безрифменном стихосложении. Ее верлибры (в широком смысле этого термина) можно разделить на две части. Во-первых, это «философские» миниатюры, такие вспышки-озарения, которыми автор с радостью спешит поделиться со всеми. Читатель эту радость разделяет не всегда. Тут дело в том, что, оставаясь в рамках короткого безрифменного текста, так легко впасть в банальность и мнимую глубокомысленность! С другой стороны, именно безрифменный текст потенциально более емко уже потому, что его автору нет надобности заботиться

о ритме, рифмах и тому подобных красивостях.

Гешелина, разумеется, емкости и глубины достигает не каждый раз.

Вот тут — да:

*А потомки никогда не узнают
нас по почерку,
И бумага не сохранит
Тепла наших чернил.*

А вот тут — едва ли:

*Книг - нет
Сна - нет
Своих — нет
Чужих нет
Души нет.*

Однако более любопытен, на наш взгляд, второй тип верлибра. Это — безрифменный рассказ о чем-либо или о ком-либо, в «американском стиле». От автора здесь требуется использовать для повествования все возможности свободного стиха (а они велики), при этом помня об ироничном пушкинском вопросе: «а что как это проза, да и дурная?». Елене во многих случаях стихопроза действительно удается лучше, чем кому-либо из барнаульских коллег (например, «Баллада» со знаковым эпиграфом из поэта-битника Алана Гинзберга).

Конечно, видно, что эта книга — первая. Гешелина далеко не всегда справляется со своими эмоциями, порой ее стихи кажутся интресными только для неведомого нам адресата... В общем, не хватает поэтического опыта, но ведь, согласитесь, не выпуская книг, его и не приобретешь.

Закончим цитатой из отличного стихотворения Елены про наш город (думается, пора составлять специальную антологию барнаульских стихов из произведений нашей молодежи):

*Ты меня бросаешь
Из стороны в сторону,
Из переулка в переулок,
Из двора во двор.
Я всего лишь мазок краски
На твоей панораме.*

Елена Гешелина

**АНТИ
СОБЫТИЕ**

Надежда Митягина.

Прыжок в пустоту по серебряной нити.

Рассказы. – Барнаул, 2010. – 120 с.

Такое вот витиеватое название задает смысловой ритм всей книге Надежды Митягиной. «Прыжок в пустоту...» представляет собой сборник различных миниатюр, красной нитью через которые проходит тема Востока и Запада. Действие между тем происходит в разных эпохах и даже мирах. Ставшие модной темой на Алтае древнескифские мистические проделки, деревенские зарисовки, нехитрые картинки студенческого быта... Героини – всегда женщины, характеристики которых невольно переносятся на автора, потому что автор своей педалируемой лиричностью дает нам на это свое молчаливое согласие.

«Восточная» тема так или иначе присутствует всюду. Иной раз думаешь, что автор обойдется без нее (и правильно сделает), однако откуда ни возьмись возникает какой-нибудь лотос и придает (автор на это, очевидно, надеется) всему происходящему новое измерение... А может быть, вовсе и не придает, оставаясь надуманной конструкцией.

Мало помогает делу масса непонятных для обывателя слов. Сразу же вспоминается поэтический опыт писательницы, где в конце сборника на всякий случай приводился словарь использованных терминов. Тогда это показалось забавным, а вот сейчас – очень даже необходимым. Только какой читатель в этот самый словарь полез бы?

В общем, ощущение сложилось такое, что за всей этой завесой непонятностей и красотостей автор пытается скрыться от своего читателя. Или даже скрыть тезисность и дидактичность всех повествований, равно как и стилистическую беспомощность. Вот ее пример, взятый наугад: «Молодая женщина – на вид ей давали не более двадцати – замкнулась, валялась в хандре, горюя о бесцельной жизни. Сухой блеск ее глаз не колдовал». Отсутствие плавных переходов восполняется всевозможными цветами и красками (иной раз чересчур яркими, режущими глаз).

В завершении нельзя не отметить, что это первый прозаический опыт Надежды Митягиной. Наверное, именно поэтому многих промахов избежать не удалось. Потому как даже оформление книги (Митягина автор и обложки, и черно-белых иллюстраций внутри) вызывает не восхищение многогранным талантом автора, а скорее изумление авторской наивностью. Как бы то ни было, прыжок сделан, теперь главное – нащупать нить.

Татьяна Баймундузова. Стихотворения. –

Барнаул, 2009. – 128 с.

Эта книга (вернее, ее рукопись) победила в краевом конкурсе – благодаря чему издана тиражом аж в тысячу экземпляров (случай для нас нечастый). Более того, «Стихотворения» отмечены на ежегодном фестивале «Издано на Алтае», а на творческом вечере Татьяны хорошо оформленная книга расходилась, что называется, влет. Что ж, вполне заслуженно!

Это вторая книга автора, первая вышла несколько лет назад. Перерыв был достаточно большим, но автор в «Стихотворениях» остался верен найденным ранее мотивам и приемам. Среди недатированных стихотворений новой книги Татьяны есть и заимствования из первой книги, и совсем ранние вещи.

Стихи Баймундузовой относятся к тому разряду поэзии, которая строится на поисках наиболее оптимального набора слов для выражения авторской мысли или эмоции. В таких стихах приветствуется умеренная языковая игра, афористичность,

планомерное развитие лирического сюжета. Разумеется, личность автора-лирика, творящего мир (причем по строго определенным правилам), доминирует здесь и над языком, и над композицией.

Такие стихи публике понятны и интересны, ибо полностью укладываются в ее представлении о настоящей поэзии, одновременно и созвучной читателю, и делающей непозволительные (слишком смелые!) для него самого обобщения и умозаключения.

Вот, например, в одном из стихотворений весна «влепляется как в стену» в лирического героя (героиню, конечно), что позволяет ему (ей) гордо заявить:

*И всем — весна, а я — стена,
Мне не растаять, мне — разбиться.*

А в другом героиня обращается к Небожителю с извечным вопросом: «Зачем Ты меня сочинил»,

*Если я — по всему — никудышний учитель
И плохой ученик!
В слепоте, как в зигзагах нетравленной моли,
(Да и нечем травить!),
За какие грехи мне оставлена доля
Одиночеством быть?*

Понятно, что на такие вопросы ответа никто не дожидается (а было б, право, любопытно его услышать). Они нужны для поднятия общего эмоционального тона, обозначения неизменного атрибута поэзии — авторского духовного поиска.

Еще одна тема, безусловно, созвучная и читателю, и читательнице стихов Баймундузовой, — тема запретных плодов, в качестве которых здесь выступают достаточно невинные по нашим временам сигареты и алкоголь:

*Тебя и вспомню, и наверно,
Начну курить.*

Или:

*Я курю. И это безобразно.
Взгляд из отражения правдив.*

Или (о периоде сложных отношений с любимым):

*Вот тогда и начинаются дожди,
Вот тогда и покупают сигареты.*

А то и вообще:

*Я бутылку портвейна купила.
Кошмар. Я сошла с ума?*

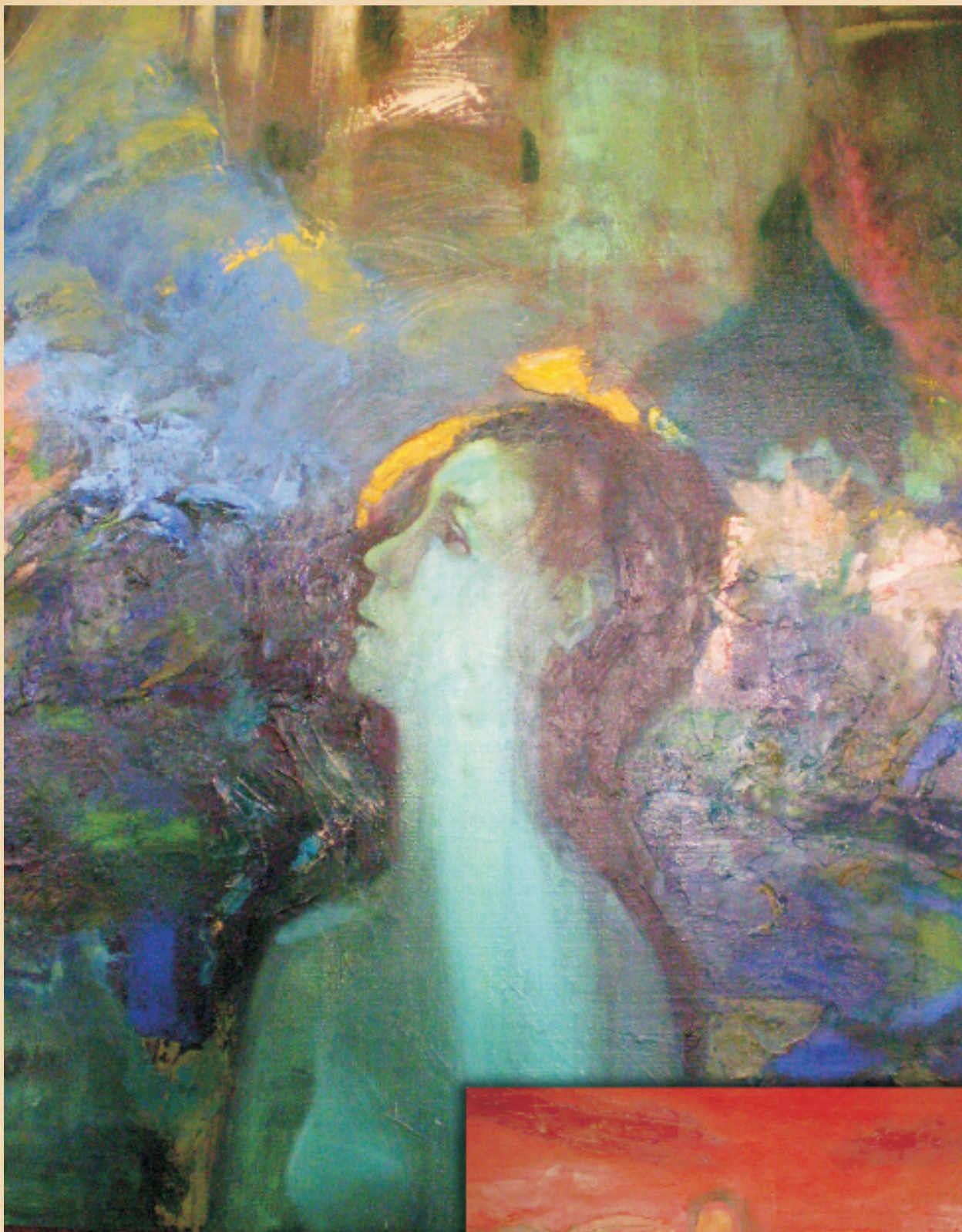
Хочется утешить героиню — вовсе нет! Поэту ведь положено впадать в священное безумие, пусть и таким немудреным образом.

Отметим также барнаульские пейзажи Татьяны, которые удаются ей, как мало кому:

*А царский мой маршрут — внутригороден:
Октябрьская площадь - Сулима.
Тоскует город. А она проходит,
Моя провинциальная зима.*

Но по контексту этих и других стихов рецензируемой книги и тоска вовсе не глуха (наоборот, чревата рождением вдохновения), да и провинциальная зима не самое скучное время жизни.

Хочу подчеркнуть: в процитированных строках нет кокетства, автор и его герой действительно пытаются разобраться в себе и окружающем мире и делают это очень серьезно. Пожалуй, даже чересчур серьезно... Будто и в самом деле пытаются получить от кого-то окончательные ответ и совет.

«Доброе утро!»
(фрагмент, 2008 г.)

«Неоконченный
портрет» (2009 г.)

Екатерина Чепис

Дмитрий
Золотарев

Мостик из будущего

В Выставочном зале Союза художников прошла межрегиональная коллективная выставка современного искусства «Барнаульские ворота».

Участниками вернисажа стали молодые художники из трех сибирских городов - Барнаула, Новокузнецка и Томска: И. Быков, Н. Зайков, Д. Октябрь, Н. Петров, Ю. Рыжова, В. Суслов, Я. Суслова, Е. Фастовец, И. Храбрый, Е. Чепис. Многие из этих имен уже знакомы по прежним молодежным выставкам.

Инициатива проведения данного мероприятия исходила от новокузнецкого художника старшего поколения А. Суслова, озабоченного продвижением и популяризацией начинающих талантов преимущественно родного города.

Почти все художники предоставили графические работы. Смешанные техники и разного рода печатно-фотографические эксперименты преобладают над традиционными опытами. Как всегда на выставке доминировали произведения барнаульца Николая Зайкова, в том числе его многочисленная серия черных квадратов.

Особо хочется отметить красочные декоративно-узорчатые листы томской художницы Евгении Фастовец. Представленная экспозиция демонстрировала разные, порой полярные направления графического искусства.

Исключением из графического ряда стала живопись новокузнецкой художницы Екатерины Чепис, картины которой визуально выиграла от такого соседства. Чепис пишет крупно, эмоционально, работает кистью «малярно». Сочетания нескольких ярких красочных пятен предопределяют сюжет произведений, низводимый в большинстве случаев до обыкновенной абстракции.

Данный проект рассматривается как коллективный результат поиска художниками своего творческого «Я». Одним художникам это удалось лучше, нежели другим (обратите внимание на обозначенные имена). Но расстраиваться молодым художникам не имеет смысла, так как все у них еще впереди.

Наша справка

Молодежное творческое объединение «Мост» в 2006 году создал новокузнецкий художник Александр Сулов. За четыре года оно стало межрегиональным, в него включились художники Барнаула, Новокузнецка, Томска. Творческое кредо всей группы - делать искусство ради искусства, проявлять личную свободу в формальных экспериментах в живописи, графике, цифровой печати, художественной фотографии, в смешанных техниках. Тема работ разных авторов - современная цивилизация, с признаками ее наступления и отступления, вмешательства в среду обитания человека, а также влияние на его подсознание, которое обращает в одиночество и состояние депрессии.

Выставка называлась «Барнаульские ворота». Каждый житель нашего города знает, что таких ворот в Барнауле нет. Однако оказывается, что такие ворота реально существуют в Новокузнецке! Еще с исторических времен так назывался южный выезд из Кузнецкой крепости. Следовательно, Барнаульские ворота — это географический указатель следования на юг.

А в более широком значении Барнаульские ворота — это южные врата Сибири, открытые разным евразийским веяниям в искусстве.